

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

А К В И Л О Н

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ

ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ И СОСТАВЛЕНИЕ
Е.Н. КИРИЛЛОВОЙ И И.Г. КОНОВАЛОВОЙ

А К В И Л О Н

МОСКВА 2026

УДК 930(08)
ББК 63.2

Рецензенты

к.и.н. А.А. Майзлиш
к.и.н. Е.В. Пчелов

И 91 Источниковедение в современной медиевистике
2026 / Общая редакция и сост. Е.Н. Кирилловой
и И.Г. Коноваловой. М.: Аквилон, 2026. — 234 с.

Очередной том проблемно-тематического издания посвящен актуальным проблемам источниковедения и специальных исторических дисциплин в области истории Средневековья и раннего Нового времени. Представлены разнообразные типы источников, новые подходы к их изучению, а также ряд теоретических проблем современного источниковедения.

Научное издание

© Коллектив авторов, 2026
© Е.Н. Кириллова, общая редакция, составление, 2026
© И.Г. Коновалова, общая редакция, составление, 2026
© Институт всеобщей истории РАН, 2026
© Издательство «Аквилон», 2026

ISBN 978-5-6030289-1-0

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издательством запрещается

ОГЛАВЛЕНИЕ

АРХИВНЫЕ НАХОДКИ

О.Э. Фролова, О.В. Субботина

Уникальный раннетюдоровский миссал (1508) из фондов РНБ: Проблемы атрибуции и издательской практики в Европе первой половины XVI века.....	7
--	---

Л.И. Щеголева

Неизвестные письма последней трети XVIII века в сборнике учебном на греческом языке начала XIX века (РГБ. Ф. 173/II. № 203).....	26
--	----

ЯЗЫКОМ ГОРОДСКОГО ПРАВА

П.А. Блохин

Клятвы законодателей в текстах фрайбургского городского права (1120–1293).....	51
---	----

Е.Н. Кириллова

Структура ремесленных и торговых уставов в Реймсе XIII–XVIII веков.....	74
--	----

МЕТОДИКИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

М.С. Петрова

К вопросу о чтении одной эпической поэмы: Песнь о победе короля Италии Пипина в 796 году.....	109
--	-----

Ю.Я. Вин

Индивидуальные особенности и полиморфизм средневекового византийского письма: Задачи изучения.....	122
--	-----

С.А. МАСЛОВА

К вопросу о методике анализа текста ярлыков, выданных ордынскими правителями русским митрополитам.....	147
--	-----

МНОГООБРАЗИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

О.В. АУРОВ

Королевская хронистика Кастилии и Леона первой половины XIV в. как источник по политической истории своего времени.....	161
---	-----

А.П. ЧЕРНЫХ

Генеалогические источники исторической геральдики.....	179
---	-----

.

А.Д. ЩЕГЛОВ

«Английская хроника», «Норвежская книга законов»: К дискуссии об источниках сочинения Олауса Петри «Шведская хроника».....	210
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	221
--------------------------	-----

ABSTRACTS.....	223
----------------	-----

CONTENTS.....	231
---------------	-----

О.Э. ФРОЛОВА, О.В. СУББОТИНА

УНИКАЛЬНЫЙ РАННЕТЮДОРОВСКИЙ МИССАЛ (1508) ИЗ ФОНДОВ РНБ

ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ
И ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКИ В ЕВРОПЕ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА

Аннотация: В статье идет речь об уникальном Миссале Сарумского узуса 1508 г. из собрания Российской национальной библиотеки. Авторами рассматриваются проблемы атрибуции и дискуссионные вопросы идентификации печатников и издателей в том случае, когда имеет место практика *éditions partagées* (совместных изданий), распространенная во Франции XVI века. Также в исследовании принята попытка реконструкции бытования петербургского экземпляра и предложены варианты возможных заказчиков и владельцев столь редкой и дорогой печатной книги.

Ключевые слова: Миссал Сарумского узуса, Антуан Верар, Уинкин де Уорд, Генрих VII, Яков V, Российская национальная библиотека

Среди богослужебной литературы, входящей в богатое собрание иностранного фонда Российской национальной библиотеки (РНБ), особую группу составляют Миссалы Сарумского узуса¹, изданные в XVI веке. Эти литургические книги очень редкие и в большинстве своем дошли до нас

¹ Солсбери (*лат.* Sarum). Сарумский узус — католический богослужебный обряд, практиковавшийся в Солсберийском кафедральном соборе и распространившийся в Средние века на значительную часть страны.

в единичных экземплярах. Одна из них, формата фолио, вышедшая в свет 27 апреля 1508 г., является уникальной и сохранилась в единственном полном экземпляре². Малочисленность подобных изданий, созданных для Сарумского узуса неудивительна, так как большая их часть была уничтожена во время Реформации³. Впервые экземпляр РНБ был введен в научный оборот в 2011–2012 гг. в статьях о печатной продукции Уинкина де Уорда (?–1534), ученика и преемника основателя книгопечатания в Англии Уильяма Кекстона, в собрании РНБ⁴. По результатам этих публикаций Миссал был внесен в главную электронную базу книг, напечатанных на территории современного Соединенного Королевства, бывших колоний Британской империи и других стран (в последнем случае только на языках Англии, Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии): *English Short Title Catalogue* (ESTC, S93685). На тот момент уже было очевидно, что он требует дальнейшего тщательного изучения, предварительные результаты которого будут изложены в настоящей статье. Следует также отметить, что тогда петербургский экземпляр был ошибочно описан как изданный в Лондоне, на основании колофона, который был неверно интерпретирован (об этом речь пойдет позже).

Неточности и спорные трактовки выходных данных Миссала, к сожалению, многочисленны и часто встречаются в справочной и научной литературе. Так известно, что в Оксфорде, в библиотеке *Corpus Christi College*, частично сохранились четыре листа из аналогичного Миссала, они были в свое время учтены в STC⁵ — печатном каталоге, вошедшем позже

² Missale s[e]c[un]d[u]m usum insignis ecclesie sa[rum]. [Paris: A. Verard] imp. W. de Worde, London[ii], 1508. (27 апреля). 2°. Основываясь на данных, полученных в ходе исследования, мы позволили себе дополнить традиционное библиографическое описание Миссала в части выходных данных. О наших выводах см. далее в этой статье.

³ См.: Painter Rhodes Nixon 1976: 160–161.

⁴ Фролова 2011: 151–163; Frolova 2012.

⁵ A short title catalogue of books 1975: 83. №16182a.5. Возможность изучить эти фрагменты появилась совсем недавно, благодаря ресурсу archive.org.

в состав ESTC. Среди них есть и фрагмент колофона, в котором дата издания (27 апреля), не видна полностью. Читается только цифра XX, а VII отсутствует. По этой причине в ряде исследований фигурирует Миссал, вышедший в свет 20 апреля 1508 г.⁶ Сравнение вышеуказанного фрагмента с колофоном экземпляра РНБ показало их полную идентичность и позволило сделать вывод, что Миссала, выпущенного в свет 20 апреля 1508 г., не существовало. Более того, достаточно поздняя идентификация литургической книги из собрания РНБ связана также с ложной датой, а именно с вытисненным 1555-м годом на корешке переплета XIX в. рядом с гербовым суперэкслибрисом Императорской Публичной библиотеки.

В целом фолиант имеет великолепную сохранность, он полный, напечатан черно-красным готическим шрифтом, часть инициалов — рукописная. В начале и в конце книги, на пустых листах, есть записи на латыни, сделанные почерком XVI в. и представляющие собой тексты различных молитв. Особое значение для идентификации этого издания имеет колофон (Илл. 1), поэтому он будет приведен полностью, без сокращений и с переводом:

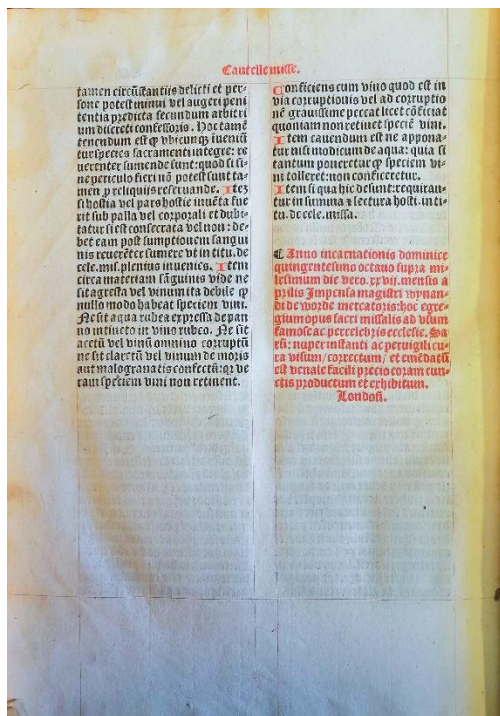
Anno incarnationis dominice quingentesimo octavo supra milesimum die vero. xxvii. mensis aprilis Impensa magistri wynandi de worde mercatoris: hoc egregium opus sacri missalis ad usum famose ac percelebris ecclesie Saru[m]: nuper instant ac peruigili cura visum/correctum/et eme[n]datu[m] est venale facile precio coram cunctis productum est et exhibitum. London[ii].

В год от воплощения Господа 1508-й в день 27-й месяца апреля за счет господина Уинкина де Уорда торговца: это замечательное творение священного миссала для использования славной и весьма известной церкви Солсбери: на данный момент с неустанной заботой просмотрено, исправлено и улучшено. Создано и на публичную продажу по доступной цене выставлено. В Лондоне.

Исходя из текста, очевидно, что Миссал был напечатан на средства Уинкина де Уорда и продавался в Лондоне. Сло-

⁶ См: Benett 1952: 258.

восочетание «В Лондоне» привело к тому, что петербургский экземпляр был первоначально описан как вышедший в свет в столице Англии⁷. Подобная неточность характерна и для ряда британских исследователей, которые в своих работах указали Лондон как место издания уже упомянутого фрагмента Миссала из собрания *Corpus Christi College*⁸.

Илл. 1

Колофон. Missale secundum usum insignis ecclesie sarum.
[Paris: A. Verard]; Londonii: imp. W. de Worde, 1508.
Санкт-Петербург, РНБ

⁷ См. прим. 4.

⁸ Raub 2011: 411; Painter Rhodes Nixon 1976: 160.

В дальнейшем, в процессе изучения литургических изданий Сарумского узуса как по различным справочникам и базам данных, так и по научным публикациям, выяснилось, что в этот же день (27 апреля 1508 г.) был выпущен еще один Миссал идентичного формата на средства двух руанских книготорговцев: Жана Увена (1498–1525) и Гийома Бернара (1491–1521). В создании этой книги принимал участие знаменитый парижский издатель Антуан Верар (?–ок. 1512), имя которого встречается только на бандероли, обвиняющей средний элемент буквы М в слове «Missale» на титульном листе (как и в экземпляре РНБ). Это редкое издание можно найти лишь в двух библиотеках. Во-первых, в университетской библиотеке Дарема в Англии (л. 70 и 75). Сравнение с соответствующими листами из Миссала РНБ, показало полное совпадение текста и набора, за исключением рисованных синим цветом инициалов, которые есть только в петербургском экземпляре. Второй книжный памятник, не совсем полный, но с колофоном и гравюрами, хранится в Бодлианской библиотеке (к сожалению, он не оцифрован). Тем не менее, было найдено его подробное библиографическое описание, включающее полный текст колофона, в монографии Эдуарда Фрера, французского книготорговца, архивиста, типографа и историка руанского книгопечатания⁹. Э. Фрер точно воспроизводит колофон, которые мы приводим без сокращений:

Anno incarnationis dominice quingentesimo octavo supra millesimum die vero. xxvii. mensis aprilis Impensa honestor[um] viror[um] Johannis huyn: et Guillermi bernard: mercator[um] hoc egregiu[m] op[us] sacri missalis ad usum famose et p[er]celebris ecclesie Sar[um]: nuper insta[n]ti ac peruigili cura, visum, correctu[m] et eme[n]datu[m] est venale facile precio cora[m] cu[n]ctis p[ro]ductum et exhibitum.

Если сравнить данный колофон с экземпляром РНБ, то очевидно, что тексты в них очень близки, за исключением двух слов, имен собственных и отличий в сокращениях. Од-

⁹ Frère 1867: 25.

нако наиболее значимым является то, что в Бодлианской книге не упоминается место издания — «London[ii]». Эти обстоятельства позволили в свое время зафиксировать еще в STC¹⁰, что Миссал из *Corpus Christi College* (значит, и РНБ) и экземпляр Бодлианской библиотеки представляют собой разные виды (*issue*)¹¹ одного и того же издания. При этом, согласно STC, Бодлианский Миссал напечатан А. Вераром (скорее всего, в Париже) на средства двух руанских книготорговцев¹². Руан здесь фигурирует неслучайно, поскольку, по словам французского исследователя Жана-Поля Питтьона, этот город был третьим после Парижа и Лиона по интернациональной книжной торговле, лучше всех наладившим отношения с Англией и много печатавшим для нее, в том числе, литургических книг¹³.

Выходные данные листов, хранящихся в библиотеке *Corpus Christi College*, приведенные в STC, создают впечатление, что он был напечатан в Лондоне¹⁴. Позднее они вновь фигурируют и в ESTC¹⁵. Таким образом, складывается достаточно спорная ситуация: два одинаковых Миссала вышли

¹⁰ A short title catalogue of books 1975: 83. (Миссал из Бодлианской библиотеки имеет в STC номер 16182 a).

¹¹ Именно такой перевод термина приводит в своем исследовании «К истории славянской печатной Псалтири» А.В. Вознесенский при определении частей тиража, составляющих одно издание: завод (*impression*), вид (*issue*), состояние (*state*), — см: Вознесенский 2010: 96. Подобное разделение основано на принципах англо-американской дескриптивной библиографии (см. McKerrow 1994, Bowers 1994, Gaskell 1995 и др.).

¹² Выходные данные согласно A short title catalogue of books 1975: [Paris, A. Verard,] (imp. J. huuy et G. bernard [in Rouen,] 1508 (27ap.)).

¹³ Pittion 2014: 241.

¹⁴ Выходные данные согласно A short title catalogue of books 1975: imp.<w>. de worde, Londoñ, 1508 (2<7> ap.).

¹⁵ Известная исследовательница французских литургических книг и деятельности Антуана Верара Мери Бет Винн, которая видела экземпляр РНБ во время короткого пребывания в Санкт-Петербурге, в своей статье, вышедшей в свет вскоре после этого, подтверждает его полное сходство с Бодлианским экземпляром, но все же пишет, что петербургский Миссал был опубликован в Лондоне. См.: Winn 2018: 7.

в свет в Париже (или Руане¹⁶) и Лондоне в один и тот же день в 1508 г. Конечно, в первой половине XVI в., особенно во Франции, были распространены так называемые *éditions partagées* (совместные издания), когда несколько типографов и/или книготорговцев вкладывались в подготовку и печать определенной книги. Соответственно встречаются экземпляры одного и того же тиража, отличающиеся между собой только издательскими марками и/или колофонами. Но при таких обстоятельствах место публикации обычно оставалось идентичным.

В нашем случае, в руанском и лондонском вариантах (но точнее будет все-таки использовать понятие вид издания) одно и то же количество страниц и одинаковые иллюстрации. Доказательством этому является описание¹⁷, представленное на страницах «Британской топографии» Ричарда Гофа (1735–1809), известного английского антиквария. Более того, одна из кураторов специальных коллекций Бодлианской библиотеки Александра Плейн (*Alexandra Plane*) изучила основополагающие характеристики Миссала из РНБ и любезно подтвердила сходство экземпляров. Во-первых, совпали фолиация и сигнатуры¹⁸. Во-вторых, была подтверждена идентичность титульных листов. Сравнение колофонов окончательно выявило их сходство, за исключением имен собственных и сокращений. И наконец, подтвердилось одинаковое количество, состав и местоположение гравюр в обоих экземплярах.

Очевидно, что ксилографии имеют отношение к А. Верару, так как он использовал эти доски для других, близких

¹⁶ Этой точки зрения придерживается М.Б. Винн, см.: Winn 2011: 135. Not. 9.

¹⁷ Gough 1780: 331. Именно с собранием Р. Гофа книга и поступила в Бодлианскую библиотеку.

¹⁸ Сигнатурный ряд петербургского экземпляра: а⁸, А-Е⁸, F⁶, G⁸, Н⁶, I-L⁸, М⁶, N-S⁸, T⁶, U⁶, X⁶, а-с⁸, d⁶, e⁸, f⁶, g-q⁸, A⁶, B⁶. Отметим, что Бодлианский экземпляр менее полный, несколько оригинальных фолио утрачены и заменены в XVII в. на чистые листы. Также не хватает последних двенадцати листов (сигнатуры А-В⁶), на которых в экземпляре РНБ расположен так называемый *Prologus in accentuarium* (руководство по произношению для священников).

по времени изданий (Миссала 1504 г.¹⁹, Историзованной Библии 1505/1507 г.²⁰ и пр.). Об этом свидетельствует, в том числе, его имя на титульном листе. Вероятно поэтому каталог STC в выходных данных Бодлианского экземпляра все-таки указывает Париж как место издания книги, а руанских книготорговцев — как тех, кто финансировал проект. Полагая, что это в полной мере относится и к Миссалу из РНБ, который также является результатом сотрудничества между лондонцем Уинкином де Уордом и парижанином А. Вераром.

Таким образом, можно с достаточной уверенностью утверждать, что оба вида издания, составляющие часть одного тиража, были напечатаны в Париже и напрямую связаны с мастерской А. Верара. Еще одним косвенным подтверждением этой гипотезы является то, что подавляющее большинство Миссалов для Сарумского узуса было напечатано во Франции, в частности, по заказам английских книготорговцев, в том числе, и самого де Уорда²¹. Объяснялось это тем, что у английских типографов не хватало технической базы для производства этих роскошных изданий, снабженных многочисленными иллюстрациями и нотами²².

¹⁹ *Missale ad usum insignis ecclesie Sarum*. Paris: A. Verard, 1504 (29 июня). 2°.

²⁰ *Le premier [-second] volume de la grant Bible en francoiz historiee et corrigeie nouvellement avec le Psautier*. A este imprimee ceste Bible pour Anthoine Verard demourant a Paris devant la rue neufve Nostre Dame. ca. 1505. 2°.

²¹ С именем Уинкина де Уорда связано еще два Миссала Сарумского узуса: *Missale secundum usum insignis ecclesie Sarum*. Parisius: per U. Gering et B. Renbolt, imp. w. de worde et Michael morin [London] necno[n] P. leueti [Paris], 1497 (2 января). 2°; *Missale ad consuetudinem insignis ecclesie Saru[m]*. In *alma Parisiorum acad., diligentia R. sutoris [Cousturier]*, imp. w. de worde, R. faques [London], J. bienayse et J. ferrebouc [Paris], Venundanur in ed. w. de worde, aut R. Facques, in *cymetrio sancti pauli London[iii]*. 1511 (26 апреля). 2°.

²² Painter Rhodes Nixon 1976: 159–160.

Представляет интерес и водяной знак Миссала: филигрань найдена на 30 листах книги и идентифицирована²³ как разновидность кувшинчика под короной с одной ручкой (Briquet 1907, № 12612). Нетипичным является то, что знак расположен не на определенных листах тетради, а достаточно хаотично²⁴. К тому же, это не целое изображение посредине листа, как обычно бывает в книгах формата фолио²⁵, а 2/3 филигрании у корешкового сгиба. Скорее всего, для Миссала использовали нестандартные листы большого размера, которые часто называют «александрійской бумагой» или «александрійским форматом»²⁶. Важным для данного исследования является также и то, что С. Брике связывает этот водяной знак с французским производством бумаги, а именно с регионом Шампань²⁷.

К сожалению, в Бодлианском экземпляре филигрании не выявлены, так как его листы на протяжении истории бытования книги были сильно обрезаны в том числе, и во внутренней части, где как раз и находился водяной знак. Но еще одним весомым доказательством того, что оба Миссала, петербургский и бодлианский, вышли из одной мастерской, является тот факт, что сигнатура рⁱⁱ (лист CCLXVII), ошибочно обозначенная как рⁱ в каждом из экземпляров, в обоих же случаях исправлена пером от руки. Это вновь говорит о том, что обе книги печатались, скорее всего, с одного набора.

В экземплярах обоих видов по шесть больших иллюстраций (включая гравюру титула) и одна средняя. На первой из них, на переднем плане изображен Св. Георгий, убивающий дракона (Илл. 2). Чуть дальше и выше представлена принцесса, держащая в левой руке английский королевский герб, а в правой — ягненка на веревке. На заднем плане ко-

²³ Авторы выражают искреннюю признательность за помощь в идентификации филигрании сотруднику Научно-исследовательского отдела рукописей БАН А.Г. Сергееву.

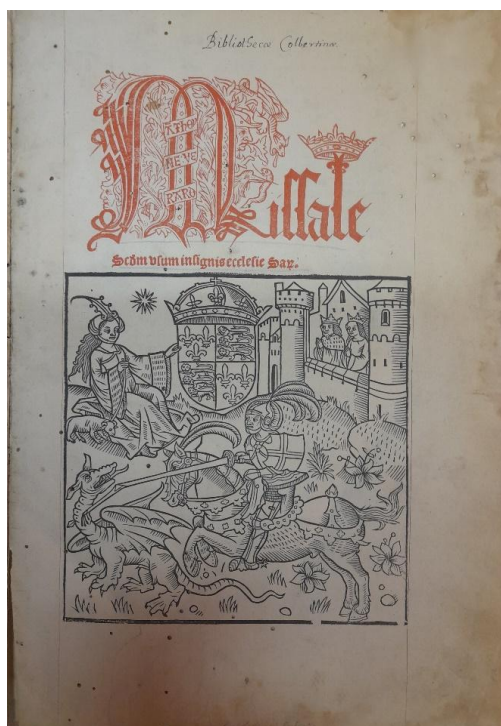
²⁴ Водяные знаки расположены на следующих листах: а²⁻⁴, В⁵⁻⁸, О⁸, Т¹, Т⁴⁻⁵, U⁵⁻⁶, g², i¹, i³⁻⁴, i⁷, k², k⁵⁻⁶, n⁷⁻⁸, o³, o⁷⁻⁸, p²⁻⁴, p⁸.

²⁵ Полонская 1989: 250.

²⁶ Сиренов 2005.

²⁷ Briquet 1907: 626.

роль и королева, сложив руки в молитвенном жесте, смотрят со стен замка. Название книги оттиснуто красным цветом, буква М в слове *Missale* украшена причудливой орнаментикой, в стиле декора вераровских изданий, где растения переплетаются с животными, насекомыми и антропоморфными мотивами. Вокруг центрального штриха буквы М обвита бандероль с именем «ANTHOYNE VERARD», буква «l» увенчана короной.

Илл. 2

Титульный лист. *Missale secundum usum insignis ecclesie sarum.*
 [Paris: A. Verard]; Londonii: imp. W. de Worde, 1508.
 Санкт-Петербург, РНБ

К началу XVI в. стала достаточно устоявшейся традиция изображения святых покровителей того или иного диоцеза, монашеского ордена (или их гербов) на титульных листах или их оборотах в литургических книгах этого типа. Так, например, в Миссале Констанцкого узуса из собрания РНБ²⁸ изображены Дева Мария со святыми покровителями Констанца, Св. Конрадом и Св. Пелагием. Св. Конрад был епископом Констанца, Св. Пелагий, чьи мощи были привезены в Констанц в начале X в., также считался покровителем города. Св. Доминик представлен на титуле венецианского Миссала для ордена доминиканцев²⁹. Св. Георгий, изображенный на титуле экземпляра 1508 г., считался покровителем нации и был связан с идеями английской государственности. Для континентальных и, в частности, парижских издателей использование гравюр с образом Св. Георгия было, по мнению исследовательницы Ю Чао Ван, способом указать на то, что книги предназначены для английского рынка³⁰. Об этом могли также свидетельствовать королевский герб и изображение тюдоровской розы. Одни из первых сохранившихся примеров использования образа Св. Георгия для разграничения книжного рынка (в отношении литургических книг для Сарумского узуса, а также других тиражей, так или иначе связанных с Англией) можно найти в изданиях парижан Вольфганга Хопила и уже упомянутого А. Верара, а также руанского печатника Мартина Морена. К примеру, вераровская гравировальная доска с изображением Св. Георгия, помимо Миссала 1508 г., использовалась также Мореном в Миссале для Сарумского узуса в 1501 г.³¹, вновь самим А. Вераром в 1503 г. в англоязычном «Искусстве хорошо жить и хорошо

²⁸ Missale Constantiense. Augustae Vindelicorum [Augsburg]: Erhardus Ratdolt, 1505 (8 октября). 2°.

²⁹ Missale Dominicanum seu Ordinis Praedicatorum. Venezia: Johannes Emericus, Nicolaus de Frankfordia, 1500. 8°.

³⁰ Wang 2004: 392.

³¹ Missale secundum usum insignis ecclesie Sarum. Rouen: Martin Morin, 1501 (4 сентября). 2°.

умирать»³², и наконец, Вольфгангом Хопилом для Сарумского Миссала 1504 года³³.

Четыре другие гравюры петербургского экземпляра изображают Мессу Св. Григория, Воскресение Христово, Распятие апостола Андрея и Собор Святых. Однако наибольший интерес представляет ксилография Распятие, оттиснутая на пергаменном развороте, вплетенном в бумажный фолиант. Распятие — центральное и важнейшее изображение Миссалов, в которых зачастую весь иллюстративный ряд сводился к нему одному, поскольку этот сюжет имел «давнюю иконографическую традицию в составе Сакраментария и возник там первоначально благодаря сходству формы буквы «Т» в начале евхаристической молитвы *Te igitur* (Тебе Отче) с крестом»³⁴. Добавим, что в некоторых ранних литургических книгах (Геллонский Сакраментарий (VIII в.), Сакраментарий из Меца (IX в.) литера Т отсутствует и заменена Распятием. В случае с экземпляром РНБ текст канона начинается не напротив, а на обороте листа с гравированным Распятием (Илл. 3). Эта ксилография, отличающаяся удивительным мастерством исполнения, принадлежит анонимному мастеру и не встречается больше ни в одном из изданий А. Верара³⁵. Центральную часть занимает фигура распятого Христа. Кровь из его ран стекает в чаши, которые держат ангелы. Над Спасителем изображен пеликан, кормящий своей кровью птенцов в гнезде. Над ним бандероль с надписью «*Maïorem caritatem nemo habet*» (Ни у кого нет большей любви). Справа от Христа — Дева Мария, за ней воин с копьем. Слева — Иоанн Евангелист и солдат, на копье которого губ-

³² The book intityld The art of good lywyng and good deying. Paris, A. Verard, 1503 (30 мая). 4°. Язык, на котором была напечатана книга, свидетельствует, о том, что она предназначалась для английского рынка.

³³ *Missale ad consuetudinem insignis ecclesie Sarum*. Paris: W. Hopyl, 1504 (1 сентября). Этот Миссал был напечатан на средства двух проживавших тогда в Лондоне книготорговцев — Френсиса Биркмана (Francis Birckman) и Жерара Клуэна (Gerard Cluen). Подробнее см.: Duff 1906: 217–218.

³⁴ Зотова 2020: 17.

³⁵ Winn 2018: 7.

ка, смоченная уксусом. Вверху слова «*Salva temet ipsum*» (Спасайся). Рядом римский легионер, чье копье увенчано бандеролью с буквами «SPQR» (*Senatus Populusque Romanus*). За ним видна еще одна мужская фигура, указывающая на надпись «*Vere filius dei erat*» (Истинно он был Сын Божий). У подножия креста вновь изображение Спасителя — Муж скорбей, западноевропейский вариант иконографии Христос во гробе.

Илл. 3

Распятие. Missale secundum usum insignis ecclesie sarum.

[Paris: A. Verard]; Londonii: imp. W. de Worde, 1508.

Санкт-Петербург, РНБ

В нижней части листа представлен коленопреклоненный король, который молится перед алтарем (над ним надпись *Henricus Septim[us]* — Генрих VII). За ним молодой принц в короне (очевидно, будущий король Генрих VIII). Перед ни-

ми — английский королевский герб и один из тюдоровских геральдических символов — решетка (*portcullis*) в обрамлении гирлянд из тюдоровских роз. Все это в целом: и уникальная гравюра, очевидно созданная для этого издания, и королевские геральдические символы, — говорят в пользу того, что Миссал был напечатан по королевскому заказу. Заказчиком мог быть и сам король Генрих VII, чью богатую библиотеку украшало несколько произведений А. Верара³⁶, и его мать — леди Маргарет Бофорт, обладавшая, как и ее сын, весьма большим рукописным и печатным книжным собранием³⁷. Нет никаких сведений о том, что А. Верар создавал книги по ее заказам или преподносил ей свои издания. Однако известно, что с Уинкином де Уордом ее связывало многолетнее сотрудничество, и он даже именовал себя печатником Маргарет Бофорт в последние годы ее жизни (1508 и 1509 гг.)³⁸. Интересно, что некоторые вышедшие в тот период книги де Уорда имели на титульном листе геральдический знак Бофортов — замковую решетку (*portcullis*), которая впоследствии стала и одним из геральдических символов династии Тюдоров³⁹. Так что, в качестве гипотезы, можно включить Маргарет Бофорт в число возможных заказчиков.

Помимо редкой иконографии гравюры, не менее любопытны и записи на этом развороте, связанные с фигурами двух европейских монархов той эпохи. Перед каноном мессы под изображением Христа, демонстрирующего раны, помещены три латинские молитвы за короля Генриха VII Тюдора. Однако имя короля в киноварном заголовке полустерто и сверху пером написано имя шотландского правителя Якова V. Вымарано имя английского правителя и на описанной выше странице с Распятием. Та же участь постигла и изображения львов в английском королевском гербе под основной сценой с распятым Христом. Остается только строить

³⁶ Подробнее о библиотеке Генриха VII и об изданиях Верара в ней см.: Winn 2018: 4; Birrell 1986: 5–7.

³⁷ См.: Powell 1998: 197–240.

³⁸ Powell 1998: 225; Driver 1997: 92.

³⁹ Driver 1997: 120. Plate 6.

гипотезы, интерпретируя эти затертые надписи и образы. Прежде всего, не стоит упускать из виду то, что А. Верар был известен роскошными подносными экземплярами для французских венценосных покровителей, в том числе, Карла VIII⁴⁰. Как уже упоминалось, Генрих VII Тюдор неоднократно покупал издания парижского типографа для своей богатой библиотеки⁴¹. Большая их часть была на французском языке. В 1494 г. Верар напечатал для Генриха VII «Утешение философией» Боэция⁴², и в этой богато украшенной книге, по словам английской исследовательницы М.Б. Винн⁴³ (а также в соответствии с полным библиографическим описанием экземпляра из Британской библиотеки в базе данных *Incunabula Short Title Catalogue*) в прологе сочинения первоначально было посвящение Карлу VIII, но его имя, напечатанное во второй строке, стерли, а вместо него вручную чернилами написали имя Генриха VII. В четвертой же строке второго столбца фраза «Roy de fra[n]ce» (король Франции) была аналогичным образом изменена на «Roy denglet[er]re» (король Англии).

Похожие правки внесли и в экземпляр издания «Часослова мудрости» Генриха Сузо, опубликованного А. Вераром и хранящегося в Нью-Йоркской публичной библиотеке: имя Карла VIII стерли и заменили на имя Генриха VII⁴⁴. Таким образом, парижский издатель неоднократно практиковал подобное переписывание посвящений. И можно предположить, что в книге из РНБ изменения произвел сам А. Верар, готовивший Миссал для первого Тюдора, который вскоре умер, и решивший впоследствии преподнести его юному королю Шотландии. Следует отметить, что в Бодлианском экземпляре подобных изменений нет. Если когда-либо удастся найти подтверждение этой гипотезы, то тем самым будет вне-

⁴⁰ Стаф 2016: 148–150.

⁴¹ Подробнее см.: Winn 1997: 138–153.

⁴² *Le grant boece de concolacion*. Paris: A. Verard, 1494. (19 августа). 2°.

⁴³ Winn 2018: 4; Winn 1997: 316, 323.

⁴⁴ *Suso Henricus. L'orloge de sapience*. Paris: A. Verard, 1493/1494 (10 марта). 2° (Шифр: *KB1493). Подробнее см.: Winn 2018: 5; Winn 1997: 293.

сено важное уточнение в биографию самого А. Верара. Дело в том, что точная дата его смерти до сих пор неизвестна. Исследователи полагают, что это произошло в период между августом 1512 г. и 1514 г.⁴⁵ Яков V был коронован 21 сентября 1513 г. Если окажется, что рукописные изменения внесены самим типографом, то это будет означать, что осенью 1513 г. он точно был жив. Будет дополнена и деловая биография А. Верара, так как на данный момент нет сведений о том, что шотландские монархи были в числе его заказчиков. С другой стороны, петербургский Миссал мог достичь Англии еще при жизни первого Тюдора, который умер через год после его выхода в свет. Тогда, возможно, уже при новом короле Генрихе VIII его могли подготовить для поднесения юному королю Шотландии, который приходился племянником английскому королю. И, кстати, сделать это мог сам Уинкин де Уорд, который тогда еще активно работал.

О библиотеке Якова V имеются скудные и отрывочные сведения⁴⁶. Он не был библиофилом, как его дед Генрих VII Тюдор или его дочь Мария Стюарт. Тем не менее известно, что он владел несколькими литургическими книгами в богато украшенных переплетах⁴⁷. Кроме того, существуют сведения, что он покупал книги во время своего пребывания во Франции в 1536–1537 гг. в связи с женитьбой на дочери французского короля Мадлен Валуа. Так что, вполне возможно, что он мог купить Миссал во время поездки, или он был ему преподнесен в качестве подарка.

Сложно судить, покидал ли экземпляр из РНБ Францию. Но можно со всей определенностью констатировать, что в 1728 г. он был в Париже, где его выставили на аукционе в числе других книг, составлявших знаменитое собрание Жана-Батиста Кольбера, выдающегося французского государственного деятеля и первого министра короля Людовика XIV. На титульном листе петербургского Миссала имеется запись пером «*Bibliotheca Colbertina*», более того, он значится и в пе-

⁴⁵ См.: Macfarlane 1900: X; Winn 1997: 27.

⁴⁶ См.: Williams 2000: 1–13.

⁴⁷ Williams 2000: 4–5.

чатном перечне книг, составленном к торгам⁴⁸. В хранящемся в РНБ экземпляре данного каталога, от руки проставлены продажные цены, в том числе, на Миссал, который был приобретен неизвестным покупателем за 71 ливр 19 су. Далее следы книги теряются вплоть до поступления в Императорскую публичную библиотеку, вероятней всего, в начале XIX века.

Конечно, остается еще целый ряд вопросов, связанных с этим удивительным экземпляром. Кто был его заказчиком, почему именно в нем появилась уникальная гравюра с Распятием, по какой причине имя одного короля поменяли на другое, какой путь он проделал прежде, чем попасть в собрание Кольбера, а из него в Петербург? Хочется надеяться, что постепенно ответы на эти вопросы будут найдены нами или другими исследователями.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вознесенский 2010 — *Вознесенский А.В.* К истории славянской печатной Псалтири. Московская традиция XVI–XVII веков. Простая Псалтирь. М.; СПб., 2010.
- Зотова 2020 — *Зотова Е.В.* Позднесредневековые иллюминированные рукописные миссалы: опыт типологизации // Новое искусствоведение. 2020. № 3. С. 15–21.
- Полонская 1989 — *Полонская И.М.* Правила составления библиографического описания старопечатных изданий. М., 1989.
- Сиренов 2005 — *Сиренов А.В.* Датировка рукописей по маркировочным знакам бумаги. Учебное пособие к курсу «Русская палеография». СПб., 2005. URL: <https://opentextnn.ru/old/history/paleography/index.html?id=1084> (январь 2026).
- Стаф 2016 — *Стаф И.К.* Цветы риторики и прекрасные литеры. Французская литература позднего Средневековья и раннего Возрождения. М.; СПб., 2016.
- Фролова 2011 — *Фролова О.Э.* Английские издания первой половины XVI в. в Российской национальной библиотеке: книги из типографии Уинкина де Уорда // Книга. Исследования и материалы. Сб. 94/2. М., 2011. С. 151–163.

⁴⁸ Bibliotheca Colbertina 1728: 20. № 340.

- A short title catalogue of books 1975 — A short title catalogue of books printed in England, Scotland, and Ireland and of English books printed abroad. 1475–1640. L., 1975. Vol. 2.
- Bowers 1994 — *Bowers F.* Principles of Bibliographical Description. Winchester; New Castle, DE, 1994.
- Benett 1952 — *Benett H.S.* English books and readers 1475 to 1557. Cambridge University Press, 1952.
- Bibliotheca Colbertina 1728 — Bibliotheca Colbertina: seu catalogus librorum bibliothecae, quia fuit primum Ill. D. J.B. Colbert... Parisiis, 1728.
- Birrell 1986 — *Birrell T.A.* English monarchs and their books: from Henry VII to Charles II. L., 1986.
- Briquet 1907 — *Briquet C.M.* Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600. Genève, 1907. T. IV.
- Driver 1997 — *Driver M.W.* Ideas of order: Wynkyn de Worde and the title page // Texts and their contexts: Papers from the Early Book Society / Ed. J. Boffey and V.J. Scattergood. Four Courts Press, 1997.
- Duff 1906 — *Duff E.G.* The printers, stationers and bookbinders of Westminster and London from 1476 to 1535. Cambridge, 1906.
- Frère 1867 — *Frère E.* Des livres de liturgie des églises d'Angleterre (Salisbury, York, Hereford) imprimés à Rouen dans les XVe et XVIe siècles. Rouen, 1867.
- Frolova 2012 — *Frolova O.* Sixteenth-century English books in the National Library of Russia: the editions published by Wynkyn de Worde // Studies in variation, contacts and change in English. Vol. 9. Western European manuscripts and Early Printed books in Russia: Delving into the collections of the libraries of St. Petersburg. Helsinki, 2012. URL: <http://www.helsinki.fi/varieng/journal/volumes/09/frolova> (март 2026).
- Gaskell 1995 — *Gaskell P.* A New Introduction to Bibliography. Winchester; New Castle, DE, 1995.
- Gough 1780 — *Gough R.* British topography. Or, an historical account of what has been done for illustrating the topographical antiquities of Great Britain and Ireland. L., 1780. Vol. 2.
- Macfarlane 1900 — *Macfarlane J.* Antoine Verard. L., 1900.
- McKerrow 1994 — *McKerrow R.B.* An Introduction to Bibliography for Literary Students. Winchester; New Castle, DE, 1994.
- Painter Rhodes Nixon 1976 — *Painter G.D., Rhodes D.E., Nixon H.M.* Two mis-sals printed for Wynkyn de Worde // The British Library journal. 1976. Vol. 2. № 2. P. 159–171.

- Powell 1998 — *Powell S.* Lady Margaret Beaufort and her books // *The Library*. Sixth Series. 1998. Vol. XX. № 3. P. 197–240.
- Pittion 2014 — *Pittion J.-P.* Le livre à la Renaissance. Introduction à la bibliographie historique et matérielle. Tournhout, 2014.
- Raub 2011 — *Raub J.* Sarum liturgical printing in Tudor London. Thesis submitted to Royal Holloway College, University of London for the degree of Doctor of Philosophy. 2011.
- Wang 2004 — *Wang Y.C.* The image of St George and the Dragon: Promoting books and book producers in Pre-Reformation England // *The Library*. Seventh Series. 2004. Vol. V. № 4. P. 370–401.
- Williams 2000 — *Williams J.H.* James V and books // *Journal of the Sydney society for Scottish history*. 2000. Vol. 8. P. 1–13.
- Winn 2011 — *Winn M.B.* Anthoine Verard et l'art du livre // *Le Moyen Français*. 2011. Vol. 69. Issue 1. P. 133–160.
- Winn 2018 — *Winn M.B.* Anthoine Verard's books for Henry VII // *The Journal of the Early Book Society for the Study of Manuscripts and Printing History*. 2018. Vol. 21. C. 1–26.
- Winn 1997 — *Winn M.B.* Anthoine Vêrard Parisian publisher 1485–1512. Prologues, poems, and presentations. Genève, 1997.

Л.И. ЩЕГОЛЕВА

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА В СБОРНИКЕ УЧЕБНОМ НА ГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ НАЧАЛА XIX ВЕКА

(РГБ. Ф. 173/II, № 203)*

Аннотация: В статье рассматриваются неизвестные письма жителя Пелопоннеса Георгия, помещенные в учебном сборнике Российской государственной библиотеки, РГБ. Ф. 173/II, № 203, начала XIX века. Письма написаны в последней трети XVIII в., среди адресатов — высшее духовенство Греческой церкви, дидакалы греческих школ, игумен монастыря Св. сорока мучеников на Пелопоннесе Марти-ниан, «врач Георгий», «британский игумен и богослов Сидни» и другие духовные и светские лица. Георгий был вынужден покинуть Пелопоннес после поражения Пелопоннесского восстания 1770 г. и смог вернуться на родину только в конце 1770-х годов. В письмах он описывает события своей жизни 1770-х –1780-х годов и оплакивает как свои собственные несчастья — изгнание с родины, смерть родных и близких, потерю имущества, — так и бедствия, постигшие его родину, а также размышляет о причинах и смысле происходящих событий и личном долге человека в условиях исторической катастрофы.

Ключевые слова: Российская государственная библиотека, греческие рукописи, греческое образование XVIII–XIX вв., учебные сборники на греческом языке, эпистолография, Пелопоннес

* Автор благодарит РГБ за предоставленные фотокопии рукописного материала.

В собрании Московской духовной академии Российской государственной библиотеки (РГБ. Ф. 173/II) хранится небольшая коллекция греческих рукописей, приобретенная епископом Симбирским и Сызранским Никандром (Молчановым) у афинского собирателя древностей, нумизмата и библиофила нотариуса Григория Бурниаса. Рукописи были подарены епископом Никандром библиотеке МДА 1 мая 1900 г. Основную часть коллекции составляют рукописные и печатные «аколуфии» (богослужебные последования) XVIII–XIX веков¹. Три рукописи не относятся к жанру «аколуфий». В их числе — сборник учебный начала XIX в., РГБ. Ф. 173/II, № 203 (далее — МДА/II.203), содержащий ценный материал для изучения истории греческого образования и просвещения в эпоху зарождения национального самосознания греков и подъема борьбы за национальную независимость, непосредственно предшествующую Греческой революции 1821 г. Особый интерес для исследователей представляют помещенные в сборнике частные письма последней трети XVIII века.

Рукопись на 346 л. + 2 лл. переплетные, нумерованные (л. I–IV, 341–342 без текста), размером 184 x 140 мм., переписана шестью писцами. Первый писец — Димитрий Барберопулос (л. 1–83) оставил колофон со своим именем и датой окончания работы на л. 83: Ἐτελείωθη ὑπ’ ἐμοῦ τοῦ δημη|τρίου μπαρμπεροπούλου εἰς | τὰ 1802 ἰουνίου 15 «Окончено мной, Димитрием Барберопулосом, 15 июня 1802 г.» (Илл. 1).

Сборник содержит статьи учебного характера:

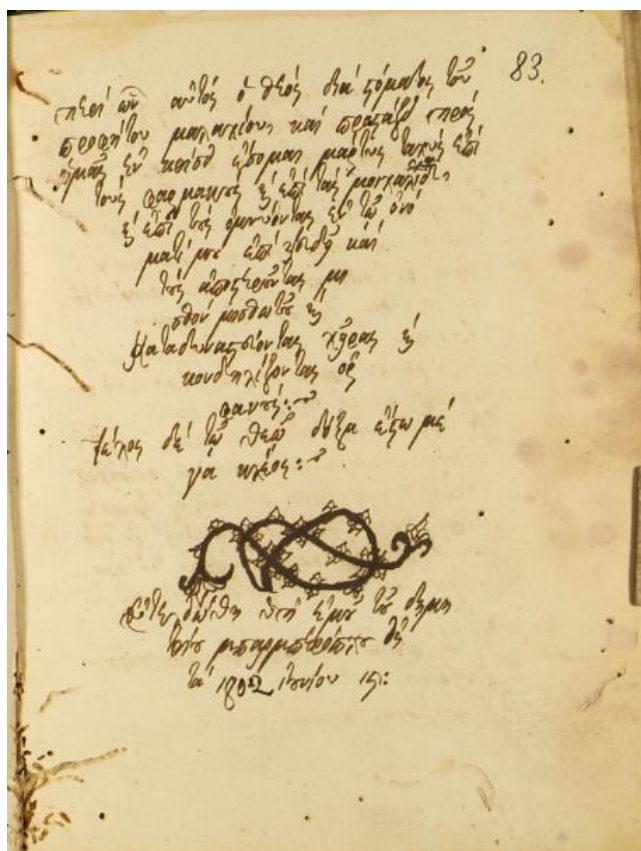
(л. 1–83) «Христианское учение в вопросах и ответах» Иоанна Бенизелоса²;

(л. 85–139, 144–144 об., 151 об.–153 об.) Вопросоответные сочинения о богослужении и Церкви;

(л. 154 об.–158) «Письмо спрашивавшим, где находятся души после смерти» Евгения Булгариса;

¹ Щеголева 2022: 151–182; Щеголева 2025: 199–232.

² Иоанн Бенизелос (ок. 1735–1807) — историк, преподаватель школы Декаса в Афинах (Μανούσακας 1986: 23–30; Μανούσακας 1990: 7–96).

Илл. 1

РГБ. Ф. 173/II, № 203. Л. 83.

Колофон Димитрия Барберопулоса (внизу)

- (л. 159 об.–171) Евангельские изречения;
- (л. 173–247 об.) Эпистолярный в двух частях;
- (л. 251–259 об.) «Двустийшия Катона» в переводе Максима Плануда;
- (л. 266–295) Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова с интерлинеарными глоссами;

(л. 298–312 об.) Трагедия Григория Богослова «Христос страждущий» с интерлинеарными глоссами;

(л. 313–320 об.) «Темы»³ к «Грамматике» Александра Маврокордатоса Антония Византийца⁴;

(л. 321–340 об.) «Послание патриарха Фотия Михаилу, правителю Болгарии, о том, что является обязанностью правителя» с интерлинеарными глоссами.

Сборник содержит также ряд мелких статей учебного характера: апокрифические рассказы (л. 139, 150 об.–151), загадки (л. 140–143 об.), палиндромы Иоанна Цеца (л. 143 об.), толкования библейских имен и сюжетов (л. 144 об.–149 об.) и др.

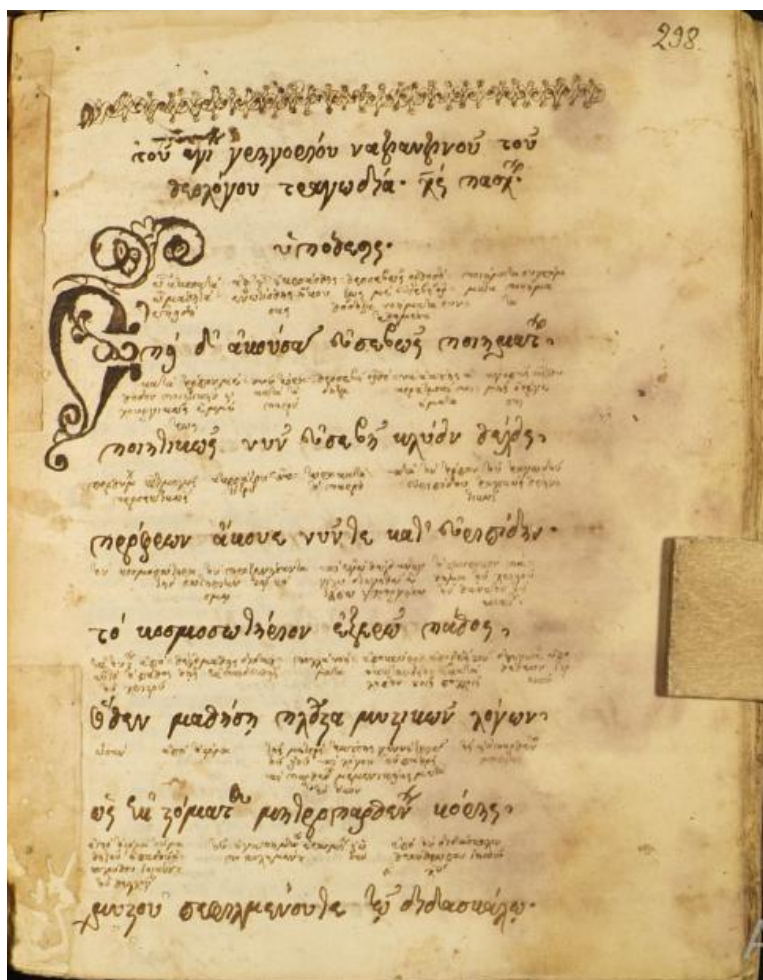
Три сочинения — Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова, трагедия «Христос страждущий» и «Послание патриарха Фотия» — снабжены интерлинеарными комментариями «психагогического» типа (Илл. 2–3)⁵.

В первой части Эпистолярия (л. 173–221) помещено собрание недатированных писем, адресованных представителям высшего духовенства Греческой церкви, в том числе — патриархам Константинопольскому, Иерусалимскому и Александрийскому, митрополитам Смирнскому и Лакедемонскому, дидаскалам греческих школ, игумену монастыря Св. сорока мучеников на Пелопоннесе Мартиниану, «ученейшему врачу Георгию», «ученейшему господину Палеологу» и другим духовным и светским лицам, а также одному иностранному корреспонденту — «британскому игумену и богослову господину Сидни». Несколько писем обращены к коллективному

³ «Тема» (τὸ θέμα) — здесь в значении «отрывок текста», который предлагается учащимся в качестве упражнения для перевода или переработки. (Τζώρτζη 2012: 44–45).

⁴ Антоний Византиец (ок. 1680–1711) — выдающийся греческий филолог, преподаватель Великой школы нации в Константинополе (Ζερλέντης 1907; Ζερλέντης 1910; Σκαρβέλη-Νικολοπούλου 1989: 56–63; Φραγκίσκος 2001; Μπακούρος 2013).

⁵ Комментарии «психагогического» типа представляют собой набор синонимов, предназначенных для того, чтобы облегчить учащимся понимание текста, которые пишутся над строкой над каждым словом или выражением основного текста (Σκαρβέλη-Νικολοπούλου 1989: 285–289; Τζώρτζη 2012: 43–44.).

Илл. 2

РГБ. Ф. 173/II, № 203. Л. 298.

Учебные интерлинеарные комментарии «психагогического» типа

Илл. 3

РГБ. Ф. 173/II, № 203. Л. 321.

Учебные интерлинеарные комментарии «психагогического» типа

адресату: «к лакедемонским архонтам», «к братьям во Христе пелопоннесцам», «к братьям-соотечественникам». Имена адресатов указаны не во всех письмах. Письма не подписаны.

Из содержания писем выясняются следующие сведения об их авторе. Письма написаны уроженцем Пелопоннеса (в то время — эялет Морья Османской империи) по имени Георгий. Автор писем принадлежал к обеспеченным кругам греческого общества, владел землей на Пелопоннесе, получил хорошее образование и, вероятно, занимал какую-то административную должность. Его связывали очень теплые дружеские отношения с Александрийским патриархом Киприаном и с дидаскалом греческой школы в Прастосе и по-этом Эммануилом Троханисом, учившимися в знаменитой школе «Афониада» у Евгения Булгариса. Он также был близко знаком с митрополитом Лакедемонским Игнатием, с патриархом Константинопольским Григорием V и с другими деятелями Греческой церкви.

Письма Георгия были написаны после Пелопоннесского восстания 1770 г., сыгравшего в его судьбе, как и в судьбах других пелопоннесцев, роковую роль. Восстание вспыхнуло в горной области Мани на юго-западе полуострова при поддержке русских войск, высадившихся в Морее 18 февраля 1770 г. в ходе первой Архипелагской экспедиции⁶. В марте повстанцы захватили Каритену, Калавриту, Каламату, Андрусу и Мистру, не щадя при этом ни сдававшихся в плен военных, ни мирное население⁷. По свидетельству очевидца Антониоса Петридиса из Триполиса, при взятии Мистры 5 марта маниаты вырезали все турецкое население города, вместе с женщинами и детьми⁸. В конце марта османские власти прислали в помощь местным гарнизонам лучших воинов Порты — албанцев-мусульман, которые намного превосходили по количеству греко-русские силы и отличались немыслимой жестокостью⁹. 29 марта объединенные отряды повстанцев подошли к столице Морейского эялета

⁶ Арш 2013: 29.

⁷ Zararsız 2017: 68–70; Петрунина 2010: 77; Арш 2013: 29.

⁸ Λάμπρος 1910: 238.

⁹ Φωτόπουλος 1995: 164; Арш 2013: 29.

— Триполису, но были отбиты и отступили назад, после чего мусульмане убили около 2000 местных жителей, посадили на кол митрополита Анфима перед резиденцией наместника, казнили представителей самых влиятельных греческих семей, сожгли их дома и конфисковали имущество¹⁰. 10 апреля был взят Наварин, 14 апреля из Ливорно прибыл верховный командующий Архипелагской экспедицией граф А.Г. Орлов. Дальнейшие военные действия в Морее были неудачными, и 26 мая 1770 г. русский флот во главе с А.Г. Орловым покинул полуостров¹¹, увозя с собой сотни греков, в том числе руководителей восстания и нескольких архиереев¹².

Поражение восстания 1770 г. имело катастрофические последствия для жителей Пелопоннеса. В течение следующих девяти лет полуостров был фактически оккупирован отрядами албанских наемников, терроризировавших греческое и турецкое население Морей до 1779 г.¹³ В период «албанского правления» в некогда богатой и процветающей провинции воцарился хаос: утратили силу законы османского государства¹⁴, была разрушена хозяйственная жизнь, многие города лежали в руинах, поля были опустошены¹⁵, тысячи жителей, спасаясь от террора и насилия со стороны албанцев, бежали на острова¹⁶, в Смирну¹⁷, в Константинополь¹⁸, их имущество было конфисковано, так же как и имущество казненных¹⁹. После изгнания Портой албанских наемников многие жители смогли вернуться на родину и восстановить права на конфискованное имущество²⁰.

Георгий, как и многие его соотечественники, после поражения восстания был вынужден бежать с полуострова. Он

¹⁰ Φωτόπουλος 1995: 164.

¹¹ Арш 2013: 29.

¹² Φωτόπουλος 1995: 165.

¹³ Петрунина 2010: 77; Βαχαβιώλος 2012: 236; Арш 2013: 32–33.

¹⁴ Φωτόπουλος 1995: 164.

¹⁵ Арш 2013: 32–33; Gara 2026: P. 471–473.

¹⁶ Арш 2013: 33.

¹⁷ Γριτσόπουλος 1964: 737.

¹⁸ Βαχαβιώλος 2012: 241.

¹⁹ Φωτόπουλος 1995: 165.

²⁰ Φωτόπουλος 1995: 165.

лишился всей своей собственности, потерял старшего брата — Иоанна и друга — Николая, а также невестку и других близких, остался без средств к существованию, долгие годы провел в изгнании. В конце 1770-х гг. он вернулся на Пелопоннес и добился восстановления своих прав на землю.

В письмах Георгий оплакивает как свои собственные несчастья — жизнь на чужбине, смерть родных и друзей, материальные лишения, — так и бедствия, постигшие его многострадальную отчизну.

В одном из писем к «другу и куму, учейшему врачу Георгию» автор упоминает, что тот назвал его «философом» — то есть ученым, мыслителем. В ответ автор пишет, что он, напротив, «совершенно необразован» и «коснулся науки лишь кончиком пальца»: ведь «казаться», по его словам, — не значит «быть» (л. 185 об.). Эту самоуничижительную характеристику не стоит принимать во внимание: по стилю и содержанию писем, тщательно, почти без ошибок скопированных в МДА/П.203, видно, что Георгий был очень хорошо образован. Он свободно цитирует наизусть Гомера и Священное писание, античных авторов и отцов Церкви, использует эпистолярные формулы и литературные пословицы и поговорки. В письме к одному из друзей (имя в обращении не упомянуто) Георгий, сетуя, что адресат не ответил на его письмо, восклицает: «Ради Бога и ради нашей дружбы, прошу тебя, ответь, в чем причина твоего молчания? Ведь я “никогда ни коров твоих не угонял” (οὐ γάρ πώποτ’ ἐμάς βοῦς ἤλασεν), ни с письмами к тебе не медлил...» (Л. 175 об.). Автор цитирует слова Ахиллеса из его речи против Агамемнона из I песни «Илиады»:

Я за себя ли пришел, чтоб троян, укротителей коней,
Здесь воевать? Предо мною ни в чем не виновны трояне:
Муж их ни коней моих, ни тельцов никогда не похитил²¹...
«Илиада», I, 152–154.

В греч.: οὐ γάρ πώποτ’ ἐμάς βοῦς ἤλασεν οὐδὲ μὲν ἵππους
«ведь они [троянцы] никогда ни наших коров не угоняли, ни

²¹ Здесь далее перевод Н.И. Гнедича.

коней» (речь идет именно о коровах, а не о тельцах, как у Гнедича). Георгий приводит цитату дословно, намеренно заменив форму ἤλασαν *аор. 3 мн.* «они (не) угоняли» на ἤλησα *аор.1 ед.* «я (не) угонял».

Близким другом Георгия был дидаскал и поэт «ученейший» Эммануил Троханис из Прастоса, подписывавшийся античным этнонимом Λάκων — «Лаконец»²². В 1753–1758 гг. он учился в знаменитой школе «Афониада» у Евгения Булгариса, не закончил образования «из-за нищеты и болезни» и вернулся в Прастос, где с 1760 г. преподавал в греческой школе. После 1770 г. бежал с Пелопоннеса на о. Сифнос. В 1775 г. написал «героическую поэму» в честь патриарха Константинопольского Софрония II (1775–1780) «К Вселенскому патриарху Софронию о том, каким должен быть епископ» из 783 дактилических гекзаметров. В 1775–1785 гг. был учителем в школе Святогробского подворья на Сифносе, затем вновь вернулся на родину и преподавал в школе Прастоса до своей смерти в 1800 г.²³. В письмах Георгий обращается к Эммануилу Троханису очень почтительно, как к старшему другу. В одном из писем он жалуется на молчание адресата, которому его письма «видимо, кажутся нелепыми, слишком простыми и бесполезными», и просит его, «ради их священной дружбы», отбросить всякое небрежение и написать ему только одно: «Эммануил Троханис приветствует Георгия» (л. 210 об.–211 об.). В другом письме он благодарит «господина Мануила» за утешение в бедствиях и за увещание не впадать в печаль из-за непрерывных несчастий и не противиться воле Божией. Письмо наполнено многочисленными аллюзиями на «Илиаду» Гомера вперемежку с цитатами из Св. Писания. Георгий соглашается, что не следует противиться воле Божией — «ведь невозвратна она, вовек непреложна, и не свершиться не может, когда Он главой помавает (οὐ γὰρ παλινάγρετον, οὐδ' ἀπατηλὸν, οὐδ' ἀτελεύτητον ὃ τί κεν κεφαλῇ κατανεύσῃ)» (л. 186 об.). Это не-

²² Κουλούρη 1985: 202.

²³ Κουλούρη 1985: 204–205.

много видоизмененные слова из речи Зевса из I песни «Илиады»:

Се от лица моего для бессмертных богов величайший
Слова залог: невозвратно то слово, вовек непреложно.
И не свершиться не может, когда я главой помаваю
(οὐ γὰρ ἐμὸν παλινάγρετον οὐδ' ἀπατηλὸν
οὐδ' ἀτελεύτητον ὃ τί κεν κεφαλῇ κατανεύσω)

«Илиада», I, 525–7.

Далее Георгий пишет, что слова поэта напоминают ему изречение пророка Исаии: «яже бо Бог Святый совеща, кто разорит? И руку Его высокую кто отвратит?» (Ис 14:27)²⁴, — и затем вплетает в свои рассуждения цитату из Псалтири. Бывает так, — пишет он, — что человек оказывается в безвыходном положении, несмотря на все приложенные усилия, несмотря на то, что он выполнял свои обязанности и делал все, что мог, уповая на Бога, по словам Пророка и Царя Давида: «яко очи рабыни в руку госпожи своя, тако очи наши ко Господу Богу нашему, дондеже ущедрит ны» (Пс 122.2) (л. 186 об.). И хотя, как пишет Георгий, у него «не осталось ни сил, ни радости» (τῆς δυνάμεως καὶ χάριτος ἀπολείπομαι), он всё же стремится следовать за словами апостола Павла: «Вся могу о укрепляющем мя Христе» (Филипп 4:13) (л. 187) — цитируется Послание апостола Павла к филиппийцам, написанное апостолом на чужбине, в римской тюрьме. Георгий завершает письмо надеждой, что Бог позволит им снова обнять друг друга «в милой отеческой земле — прекрасном Лакедемоне» (φίλῃν ἐς πατρίδα γαῖαν ἐρατεινὴν Λακεδαίμονα), как того желают их сердца (л. 187). Это контаминация трех цитат из «Илиады». Бежать из под стен Трои «в милую отеческую землю» (φίλῃν ἐς πατρίδα γαῖαν)²⁵ призывает ахейцев Агамемнон в конце своей речи во II песне Илиады:

Други, внимлите и, что повелю я вам, все повинуйтесь:
Должно бежать; возвратимся в драгое отечество наше;

²⁴ Здесь и далее Св. Писание цитируется в церковнославянском переводе.

²⁵ В переводе Н.И. Гнедича — «в драгое отечество наше», в переводе В.В. Вересаева — «в милую землю родную».

Нам не разрушить Трои, с широкими стогнами града!

Илиада, II, 139–141.

«Прекрасный Лакедемон»²⁶ в III песне Илиады упоминается дважды:

Или они не оставили град Лакедемон веселый?

(ἦ οὐχ ἔσπεσθην Λακεδαίμονος ἐξ ἑρατεινῆς)

Илиада, III, 239;

Даже в тот счастливый день, как с тобою из Спарты веселой

Я с похищенной бежал на моих кораблях быстролетных...

(οὐδ' ὅτε σε πρῶτον Λακεδαίμονος ἐξ ἑρατεινῆς

ἔπλεον ἀρπάξας ἐν ποντοπόροισι νέεσσι...)

Илиада, III, 444.

Буквально ту же формулировку Георгий использует в письме к «всесвятейшему» и «ученейшему» Дионисию, выражая надежду, что Бог, молитвами Дионисия, «удостоит всех нас снова жить вместе в милой отеческой земле — прекрасном Лакедемоне, избавив ее от непрерывных ужасов и смертей» (л. 213 об.).

Поэмы Гомера служили базовыми учебными текстами в греческом образовании начиная с античности²⁷. В греческих школах XVII – первой четверти XIX в. они изучались в курсе поэтики, который следовал после эпистолографии и риторики²⁸. Предпочтение отдавалось в основном «Илиаде», причем текст поэмы изучался не полностью: большинство дидаскалов ограничивалось лишь несколькими начальными песнями²⁹. По приведенным выше примерам хорошо видно, что Георгий знал первые три песни «Илиады» наизусть: стало быть, он изучал эпистолографию, риторику и поэтику в одной из греческих школ.

²⁶ У Н.И. Гнедича — «Лакедемон веселый», у В.В. Вересаева — «Лакедемон прелестный».

²⁷ Σκαρβέλη-Νικολοπούλου 1989: 130.

²⁸ Σκαρβέλη-Νικολοπούλου 1989: 129.

²⁹ Σκαρβέλη-Νικολοπούλου 1989: 133–134.

Дружеские отношения связывали автора писем с образованным монахом Мартинианом из Витины (Пелопоннес). Мартиниан учился в школе Витины, затем преподавал в той же школе. Незадолго до 1770 г. удалился в монастырь Св. сорока мучеников на Пелопоннесе и впоследствии стал игуменом этого монастыря³⁰. В письме к Мартиниану автор выражает адресату свои соболезнования по поводу безвременной кончины его брата — «ученейшего Георгия», «необходимого человека для нашего монастыря», за которого «многие христиане молились, чтобы он стал игуменом», — а теперь они скорбят из-за его преждевременной смерти (л. 219 об.–220).

В 1778 г. было написано письмо к митрополиту Лакедемонскому. Имя митрополита не названо, но очевидно, что это был митрополит Игнатий Цамблак из Монеμвασии, занимавший монеμвασийскую кафедру с 1771 по 1801 год³¹. В начале письма Георгий сообщает адресату, что поспешил написать ему с оказией по случаю отправления корабля (σπεύσας ἔγραψα ἐν ἀκμῇ τῆς τοῦ πλοίου ἀποδημίας), поскольку тот интересовался, как у него обстоят дела (φιλομαθοῦντι σοι τὰ καθ' ἡμᾶς). Эта распространенная эпистолярная формула встречается, в частности, в письме Леонтия Евстратия³² к немецкому гуманисту Давиду Хёшелю, которое было опубликовано в первом издании шести слов «Против иудеев» Иоанна Златоуста, подготовленном Давидом Хёшелем и вышедшем в свет в Аугсбурге в 1602 г.: ὅτι τε δι' ἐφέσεώς σοι τὰ καθ' ἡμᾶς ἐκμαθεῖν, σπεύσας ἔγραψα ἐν ἀκμῇ τῆς τῶν διακομιστῶν ἀποδημίας «поскольку ты желал узнать о моих делах, я поспешил написать (тебе) с оказией через посыльных»³³.

Далее Георгий пишет, что находится в глубоком унынии из-за ужасных событий, происходящих «здесь» (то есть

³⁰ Τζώρτζη 2012: 72, 75.

³¹ Κουγέας 1957: 141–160; Βαχαβιώλος 2012: 234, 236, 244.

³² Леонтий Евстратий (1565 или 1566 – 1600 или 1602) — образованный грек родом с Кипра, ученик Максима Маргуниса (Κίτρομηλίδης 2002: 131–133).

³³ Legrand 1894: 21.

на родине, в Лакедемонe). Во-первых, он «не достиг своей цели», поскольку его земельные владения, оставшиеся на Пелопоннесе, были конфискованы властями и переданы «высочайшему везирию» кяхье (управляющему) Сулейману эфенди и «превосходительнейшему» атабею [кучуку [...]еренджи (?)] в форме «маликяне»³⁴: во-вторых, из-за этих обстоятельств его ум находится в смятении, потому что он не знает, «чьим словам из них двоих верить (потέρω τῶν λεγόντων πείσθῃναι)» (л. 196). Последнее выражение, означающее колебания в выборе действий, восходит к XIV речи Максима Тирского, где автор пересказывает популярный в античности миф о выборе Геракла в изложении Продика: раздумывая о выборе жизненного пути, Геракл оказывается на распутье, где встречает двух женщин, одна из которых олицетворяет Удовольствие, а другая — Добродетель, и выслушивает речи каждой из них. Максим Тирский предлагает заменить Геракла на «благородного мужа», а Добродетель и Удовольствие — на «друга» и «льстеца», и спросить себя, «чьим словам из них двоих поверит» (потέρω τῶν λεγόντων πείσεται) благородный муж и по какому пути он пойдет³⁵.

Под «Сулейманом эфенди», возможно, подразумевается османский чиновник Сулейман Пенах Эфенди, пелопоннесец родом из Гастуни, очевидец Пелопоннесского восстания 1770 г., подробно описавший в своих воспоминаниях события на полуострове с февраля по июнь 1770 г. и высказавший свое мнение по вопросам, требующим исправления и регулирования³⁶.

В этом же письме Георгий поздравляет митрополита Игнатия по случаю избрания его «брата» Матфея митрополитом Серрским, «поскольку прежний митрополит был перемещен на Кизикскую кафедру после смерти того, кто ее занимал ранее» (л. 196 об.). До Матфея митрополитом Серрским был Агапий Грипарис, который в 1778 г., после смерти

³⁴ Маликяне — пожизненный откуп на землю, приобретаемую на условиях аукциона (Мейер 1991: 23–23, 120–121).

³⁵ Trapp 1994: 119.

³⁶ Мейер 1991: 69–70; Zararsız 2017: 13–16; Bulut 2020; Gara 2026: 477, 481–482, 485–487.

своего предшественника митрополита Герасима, был избран митрополитом Кизикским³⁷. На этом основании устанавливается дата написания письма: 1778 г. Если Георгий к тому времени уже вернулся на родину, то письмо было отправлено, скорее всего, в Константинополь, где подолгу жил Игнатий, особенно в первые годы своего архиерейства³⁸ и где существовала сильная и процветающая община преподавателей, чиновников и духовенства с Пелопоннеса³⁹.

В одном из писем к другу Георгий сообщает о своем горе из-за смерти невестки. В этом же письме он поздравляет адресата с избранием на должность дидаскала в «здешнем эллиномусионе», «к большой пользе для учеников и к удовольствию для самого учителя», и радуется, что тот «не зарыл свой талант в землю». В конце письма Георгий просит передать привет «всем любящим его друзьям», и особенно — «нашему и вашему учнейшему Николаю» (л. 176 об.).

Название «эллиномусион» носили несколько греческих школ: школа Флангиниса в Венеции, Евангелическая школа в Смирне, школы в Фессалонике, Загоре, Амбелакии, Тирновосе, Врангиане и Димицане. Местоимение «здешний» (αὐτόθι) указывает на то, что речь идет, скорее всего, о школе в Димицане — единственной с таким названием на Пелопоннесе. Школа была основана в 1764 г. дидаскалами из Димицаны монахом Агапием Леонардосом и иеромонахом Герасимом Гунасом, получившими образование в «эллиномусионе» Смирны. После Пелопоннесского восстания 1770 г. школа была закрыта. Герасим бежал в Смирну и оттуда — на о. Хиос, Агапий — на о. Закинф, находившийся под венецианским правлением, оттуда — в Паргу, также принадлежавшую венецианцам, где преподавал с 1771 по 1780 г., после чего перебрался в Смирну и затем через Фракию, Македонию и Среднюю Грецию ненадолго вернулся в Димицану. Занятия в школе Димицаны возобновились только в 1781 г. под руководством схоларха Агапия Младшего из Димицаны, ученика Агапия Леонардоса и Герасима Гунаса, который

³⁷ Μιχαηλάρης 2007: 70, σημ. 27; Лосева 2013: 404.

³⁸ Βαχαβιώλος 2012: 236.

³⁹ Βαχαβιώλος 2012: 241.

в 1770 г. последовал за Герасимом в Смирну и на Хиос, а затем вернулся в Димицану⁴⁰. Стало быть, письмо Григория было написано после 1781 года.

Одним из учеников школы в Димицане в этот период был Николай Дигенопулос, в 1783 г. переписавший сборник учебный, ныне хранящийся в Национальной библиотеки Греции, ΕΒΕ 1125⁴¹. Возможно, это был племянник автора «кир Николай», которому адресовано письмо с увещеваниями к благочестивой жизни (л. 188 об.–189 об.). Имя Николай носил также друг Георгия, о чьей смерти он сообщает в одном из писем (л. 182 об.–183 об.).

В нескольких письмах, адресованных к патриарху Константинопольскому и другим архиереям (без указания имен), Георгий просит о помощи в судебной тяжбе против Евфимия Манусиса из Янины. По решению Священного синода Евфимий Манусис должен был выплатить проценты за два года с суммы 2090 курушей «под угрозой отлучения от Церкви (ἐκ βάρεϊ ἀργίας)», о чем получил соответствующее уведомление с постановлением Синода. Георгий просит оказать ему содействие и помощь во взыскании долга и подвергнуть Евфимия Манусиса церковному наказанию, потому что иначе тот «никогда не выплатит ни одного обола» (л. 209–209 об.). Он пишет, что испытывает крайнюю нужду в деньгах и просит вынести справедливое решение по «делу янинца» и «поразить своей палицей» нерадивого должника (л. 173–173 об.).

Привлечение высшего духовенства для помощи в своевременном взыскании денежных долгов и урегулировании споров между займодавцами и должниками было обычной практикой: в случае возникновения юридических проблем письменное слово патриарха или митрополита могло склонить чашу весов в нужную сторону⁴². Среди опубликованных критских документов имеется письмо подобного содержания от митрополита Кизикского Агапия к митрополи-

⁴⁰ Ευαγγελίδης 1936: 329–331; Γριτσόπουλος 1962; Γριτσόπουλος 1963; Τζώρτζη 2012: 68–70.

⁴¹ Σκαρβέλη-Νικολοπούλου 1989: 383.

⁴² Καρράς 2010: 473.

ту Критскому Максиму от 1 декабря 1786 г., в котором митрополит Агапий просит взыскать долг с прокритов (старейшин) Сфакьи в пользу некоего частного лица, проживающего в Константинополе⁴³.

Имя Евфимия Манусиса из Янины встречается в документах 1787 г. из монастыря Философу недалеко от Димицаны. Он получил доверенность от господина Панайотиса Пападопулоса на продажу половины от принадлежавшей тому доли земельного участка в деревне Марку (в 8 км южнее Димицаны), которым тот владел наполоам со своим братом Николисом, и как доверенное лицо (ἐπίτροπος) Панайотиса Пападопулоса подписал купчую на $\frac{1}{4}$ участка в Марку, составленную 20 января 1787 г. в Триполисе⁴⁴.

В письме к патриарху Александрийскому Георгий с радостью сообщает, что Бог склонил сердце «нашего могущественнейшего повелителя (султана Абдул-Хамида I. — Л. Щ.), да будут долгими его дни», и тот своей властью вернул ему конфискованные владения. Автор спешит поделиться с адресатом этой радостной новостью, поскольку знает, с какой любовью к нему относится патриарх (л. 204).

Письмо обращено к выдающемуся деятелю Православной церкви, одному из наиболее образованных людей своей эпохи Александрийскому патриарху Киприану (1766–1783). Он родился около 1723 г. на Кипре, учился в школе «Афониада», а затем — в Янине у Евгения Булгариса. В 1753 г. последовал за Евгением Булгарисом на Афон, преподавал в «Афониаде» в качестве иподидаскала (помощника учителя)⁴⁵. В этот же период, как уже упоминалось выше, в «Афониаде» учился и близкий друг Георгия Эммануил Троханис. Не здесь ли с ними познакомился автор писем? Всего у Евгения Булгариса в «Афониаде» было от 150 до 200 учеников⁴⁶.

В 1785 г. Георгий пишет письмо к «владыке всей Азии» митрополиту Смирнскому с поздравлениями по случаю избрания на Смирнскую кафедру. По его словам, «для счастья

⁴³ Φανουράκης 1950: 66–67.

⁴⁴ Γριτσόπουλος 1950: 148–149.

⁴⁵ Ευαγγελίδης 1936: 91; Моисеева, Лосева 2013: 698.

⁴⁶ Ευαγγελίδης 1936: 91.

ему довольно уже того (αὐτάρκης δ' οὖν κάγω πρὸς εὐδαμονίαν)», что он является соотечественником вновь избранного митрополита — лакедемонянина, отца, сияющего «всеми видами добродетели (παντοίαις ἀρετῇς ἰδέαις)» (л. 188). Это аллюзия на известную мысль Платона, встречающуюся в пересказе как античных, так и христианских авторов: «добродетель довлеет себе для счастья (τὴν δ' ἀρετὴν αὐτάρκη μὲν εἶναι πρὸς εὐδαμονίαν)»⁴⁷, «обладание добродетелью является достаточным условием для счастья (αὐτάρκης ἡ ἀρετὴ πρὸς εὐδαμονίαν)»⁴⁸ и др.

Георгий был соотечественником одного из самых выдающихся Константинопольских патриархов — священномученика Григория V, представляющего собой образом греческой Церкви, просвещения и нации⁴⁹. Георгий (в мире Григорий Ангелопулос) родился около 1746 г. в Димицане, получил начальное образование в местной школе, рано покинул родину и продолжил обучение в лучших греческих школах — в Афинах (1765–1767 гг.) и в Евангелической школе в Смирне. В 1770 г., находясь в Смирне, был свидетелем беспрецедентной волны беженцев с Пелопоннеса, в отчаянии хлынувших в Смирну после поражения Пелопоннесского восстания в поисках убежища, что оказало решающее влияние на формирование его характера⁵⁰. Затем учился на Патмосе (предположительно в 1772–1775 гг.), где принял монашество. В июне 1785 г. был избран митрополитом Смирнским (на основании этой даты можно установить год написания письма). Трижды занимал Константинопольский престол. В самом начале Греческой революции, на Пасху 10 апреля 1821 г., был низложен османскими властями как «неверный» и «предатель царства», обвинен в «отступничестве» (ἄλλαξοπιστία) и повешен⁵¹. 8 апреля 1921 г. собравший-

⁴⁷ Диоген Лаэртский 1986: 157; Long 1964: 152.

⁴⁸ Климент Александрийский 2003: 202, 277.

⁴⁹ Γριγόριος 1964: 736; Халкидакис 2015: 93.

⁵⁰ Γριγόριος 1964: 737.

⁵¹ Γριγόριος 1964: 739; Герд 2006; Халкидакис 2015: 105–108.

ся в Афинах Священный Синод Элладской православной Церкви причислил Григория V к лику святых⁵².

В одном из последних писем к неназванному по имени лицу Георгий пишет, что провел четыре дня «у себя в Лениди» — в городке Леонидион на юго-востоке Пелопоннеса. Он сообщает, что молился за адресата, «но не достиг желаемого», и в очень резком тоне призывает того «прекратить увертки (παύσασθαι τῆς προφάσεως)» и начать «называть вещи своими именами (οὔκα λέγειν τὰ οὔκα)» (л. 220). Автор использует чрезвычайно популярную литературную посылку «называть смоквы смоквами», то есть «говорить откровенно, без обиняков», известную со времен Аристофана и встречающуюся как у древних, так и у современных авторов⁵³. В конце письма Георгий жалуется, что «болен всем телом, а вместе с тем и душой и разумом», во-первых, из-за старости, а во-вторых, из-за «ужасных обстоятельств», о которых он предпочитает не говорить подробно (л. 220–220 об.).

Письма Георгия вскоре после их написания были включены в программу одной из греческих школ и переписаны в составе учебного сборника МДА/II.203 в качестве первой части Эпистолярия. Где мог быть составлен подобный сборник? Автор писем — уроженец Пелопоннеса, содержание большинства писем так или иначе связано с Пелопоннесом. Вероятнее всего, такие письма были интересны в первую очередь соотечественникам Георгия и могли быть переписаны в одной из греческих школ Пелопоннеса. Исходя из имени первого писца — Димитрия Барберопулоса можно предположительно связать происхождение сборника с греческой школой в Аргосе.

⁵² Γρηγόριος 1964: 744.

⁵³ Самое известное из современных употреблений — в знаменитом антивоенном стихотворении Янниса Рицоса “Κατνισμένο τσοουκάλι” 1947 г.: «...мы умеем говорить спокойно и просто. <...> Мы найдем такие слова, что будут звучать с одинаковой силой у всех в сердцах и у всех на устах. Так будем же называть смоквы — смоквами, а мотыгу — мотыгой. И пусть нам скажут со смехом: “такие стихи и мы сочиним, хоть сто штук за час” — этого мы и хотим» (перевод наш).

Школа в Аргосе существовала еще в XVI в. (по некоторым сведениям, в ней преподавал известный греческий ученый и переписчик рукописей Иоанн Зигомала). В период венецианского правления греческие школы на Пелопоннессе были закрыты (действовали только католические учебные заведения). Вновь школа была открыта после 1790 года под руководством «мудрейшего и ученийшего дидаскала» Хаджи кир Агапия из Димицаны⁵⁴. В начале XIX в. в аргосской школе, кроме кир Агапия, преподавали также «мудрейший и ученийший дидаскал кир Исаия из Димицаны» и «ученийший иподидаскал кир Димитрий». Их имена (без фамилий), также как и имена 37 учеников аргосской школы, значатся в числе подписчиков на четырехтомное издание греческого перевода трактата Франческо Соаве *Istituzioni di logica, metafisica ed etica*, опубликованное в Венеции в 1804 г.⁵⁵. Спустя два десятилетия житель Аргоса Димитрий Барберопулос поставил свою подпись под обращениями аргосцев к Временному правительству Греции от 23 ноября 1823 г. и 27 апреля 1824 г.⁵⁶. Есть основания полагать, что писец Димитрий Барберопулос, работавший над сборником МДА/II.203 в 1802 году, иподидаскал аргосской школы кир Димитрий, подписавшийся на четырехтомник Франческо Соаве в 1804 г., и Димитрий Барберопулос из Аргоса, письменно обратившийся к правительству в числе других аргосцев в 1823 и 1824 гг. — одно и то же лицо.

Обращение жителей Аргоса к правительству от 19 июля 1831 г. подписал другой представитель фамилии — В. Барберопулос⁵⁷, стало быть, семья Барберопулосов по-прежнему проживала в Аргосе.

Вторая части Эпистолярия в сборнике МДА/II.203 — теоретическая: в ней содержатся небольшое «Предисловие о пользе писем» и образцы разных типов писем — прославительное, хвалебное, благодарственное, поздравительное, просительное и т.д. — на «эллинском» (Ελληνικόν) и «про-

⁵⁴ Ευαγγελίδης 1936: 304–305.

⁵⁵ Στοιχεῖα 1804: 370–371; Ευαγγελίδης 1936: 305.

⁵⁶ Αρχειαί 1978: 119, 130.

⁵⁷ Γενική Έφημερίς 1831: 332.

стом» (Κοινόν) языках (л. 223–247 об.). Двухчастная структура Эпистолярия напоминает знаменитое руководство по эпистографии Феофила Коридалевса «О типах писем» — с той лишь разницей, что части поменяны местами: у Феофила Коридалевса в первой части помещены образцы писем (с другим предисловием), а во второй — «письма более поздних и современных нам греков» (Ἐπιστολαὶ Ἑλλήνων μεταγενεστέρων καὶ καθ' ἡμᾶς ἡκμασάντων), которые в сборнике МДА/Π.203 заменены на письма Георгия.

Замена «учебных» писем, изучавшихся в курсе эпистографии в греческих школах, актуальными и практически современными (последние письма Георгия отделяет от их включения в сборник МДА/Π.203 не более полутора десятилетий) — редчайшее, если не уникальное явление в истории греческого образования, которое объясняется, по-видимому, патриотическим подъемом на Пелопоннесе, начавшимся после восстания 1770 года. По мнению современных ученых, Пелопоннесское восстание сыграло ключевую роль в формировании национального самосознания греческих православных подданных Османской империи и явилось решающим фактором для развития греческой политической мысли и зарождения национальных идей⁵⁸, что привело в конечном счете к революции 1821 г. и образованию независимого греческого государства. В письмах Георгия очень большое место уделено философским размышлениям о причинах и экзистенциальном смысле происходящих событий, о личном долге человека в условиях непрекращающихся катастроф. Он горячо предан своей родине — Пелопоннесу, которую называет античным именем Лакедемон, словно протягивая нить через века венецианского и османского правления напрямую к «прекрасному Лакедемону» Гомера, так же как и его друг и единомышленник Эммануил Троханис, именовавший себя Лаконцем и писавший стихи гекзаметром.

Трагедия Пелопоннеса поставила перед греческими мыслителями тяжелые вопросы. Исследователи отмечают обескураживающее молчание современников о событиях на

⁵⁸ Gara 2026: 474.

Пелопоннесе 1770-х гг.: «греческие православные интеллектуалы конца XVIII в. предпочли не писать о восстании, а ограничиться лишь краткими комментариями и расплывчатыми упоминаниями»⁵⁹. На фоне отсутствия ранних греческих свидетельств о восстании 1770 г., которое современные историки объясняют «превентивной самоцензурой и общим нежеланием греческих православных подданных Османской империи затрагивать политически чувствительную и вызывающую множество разногласий тему»⁶⁰, письма Георгия являются редким и ценным источником информации о жизни и внутреннем мире частного лица в условиях исторической катастрофы.

БИБЛИОГРАФИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

ИСТОЧНИКИ

- Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: «Мысль», 1986.
- Климент Александрийский. Строматы / Изд. подг. Е.В. Афонасин. СПб., 2003. Т. 2.
- Legrand É.* Bibliographie hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés par des Grecs au dix-septième siècle. Paris, 1894. Т. 1.
- Long H.S. (ed.). Diogenis Laertii Vitae philosophorum. Oxonii, 1964. Vol. 1.
- Trapp M.B. (ed.). Maximus Tyrius. Dissertationes. Stuttgart; Leipzig, 1994.
- Zararsız A., hazırlayan. Süleyman Penah Efendi. Mora İhtilâli (1770). Ankara, 2017.
- Ἀρχεῖα τῆς Ἑλληνικῆς Παλιγγενεσίας μέχρι τῆς εγκαταστάσεως τῆς βασιλείας. Ἀθήνα: Βιβλιοθήκη τῆς Βουλῆς, 1978. Τ. 11. – ιε' + 260 σ., πίνακες.
- Γενικὴ Ἐφημερὶς τῆς Ἑλλάδος. 25 Ἰουλίου. Ἐν Ναυπλίῳ, 25 Ἰουλίου 1831. Ἀρ. 56.

⁵⁹ Gara 2026: 479.

⁶⁰ Gara 2026: 480.

Στοιχεῖα τῆς Λογικῆς, Μεταφυσικῆς καὶ Ἠθικῆς / συνταχθέντα εἰς τὴν Ἱταλικὴν Διάλεκτον ὑπὸ Φραγγίσκου Σοαυίου / μεταφρασθέντα μὲν εἰς τὴν ἡμετέραν Διάλεκτον παρὰ Γρηγορίου Ἱεροδιακόνου Κωνσταντῶ τοῦ Μηλιώτου. Ἑνετίησιν: Παρὰ Νικολᾶω Γλυκεῖ τῷ ἐξ Ἰωαννίνων, 1804. Τ. 4.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Арш 2013 — *Арш Г.Л.* Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки. М., 2013.

Герд 2006 — *Герд Л.А.* Григорий V // ПЭ. 2006. Т. 12. С. 602–604.

Лосева 2013 — *Л[осева] О.В.* Кизик // ПЭ. 2013. Т. 33. С. 401–404.

Мейер 1991 — *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991.

Петрунина 2010 — *Петрунина О.Е.* Греческая нация и государство в XVIII–XX вв.: очерки политического развития. М., 2010.

Халкиадакис 2015 — *Халкиадакис Э.Г.* Вселенский патриарх Григорий V и Греческая революция 1821 г. // Христианское чтение. 2015. № 2. С. 93–117.

Щеголева 2022 — *Щеголева Л.И.* Рукописи Григория Бурниаса в Российской государственной библиотеке: «дополнительное» собрание Московской духовной академии, коллекция В.А. Десницкого // Каптеревские чтения – 20. М., 2022. С. 151–182.

Щеголева 2025 — *Щеголева Л.И.* Печатные «аколуфии» из библиотеки Московской духовной академии: коллекция епископа Никандра (Молчанова) // Каптеревские чтения – 23. М., 2025. С. 199–232.

Bulut 2020 — *Bulut E.* The life and ideas of an 18th-century Ottoman Bureaucrat: Süleyman Penah Efendi and his Order of the climes. History M.A. Thesis. Sabancı University, 2020.

Gara 2026 — *Gara E.* Writing Contemporary History: Ottoman Turkish and Greek Narrations of the Morean Rebellion in the Late Eighteenth Century // Writing History in Ottoman Europe (Fifteenth – Eighteenth Centuries) / Eds. O. Olar, K. Petrovsky. Leiden; Boston, 2026. P. 470–503 (The Ottoman Empire and its Heritage. Vol. 82).

Βαχαβιώλος 2012 — *Βαχαβιώλος Δ. Θ.* Ἀνέκδοτο Ὑπόμνημα Ἐκλογῆς Ἐπισκόπου Ἑλούς ἀπὸ τὸ Ἀρχιεπισκοπικὸν τοῦ οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου (1η Αὐγούστου 1775) // Λακωνικά Σπουδαί. 2012. Τ. 20. Σ. 231–246.

- Γριτσόπουλος 1950 — *Γριτσόπουλος Τ. Αθ.* Πωλητήρια καὶ ἄλλα ἔγγραφα τῆς παρὰ τὴν Δημητσάναν μονῆς τοῦ Φιλοσόφου (1626–1787) // Ἑπετηρὶς τοῦ Ἀρχείου τῆς Ἱστορίας τοῦ Ἑλληνικοῦ Δικαίου. 1950. Τ. 3. Σ. 118–157.
- Γριτσόπουλος 1962 — *Γριτσόπουλος Τ. Αθ.* Σχολὴ Δημητσάνης. Ἀθήνα: Ἰδιωτικὴ ἔκδοσις, 1962.
- Γριτσόπουλος 1963 — *Γριτσόπουλος Τ. Αθ.* Διδάσκαλοι τῆς Σχολῆς Δημητσάνης, τέκνα πνευματικὰ τῆς Σχολῆς Σμύρνης // Μικρασιατικὰ χρονικά. 1963. Τ. 10. Σ. 144–163.
- Γριτσόπουλος 1964 — *Γριτσόπουλος Τ. Α.* [Γρηγόριος] ὁ Ε΄ // Ὀρθοσκευτικὴ καὶ ἠθικὴ ἐγκυκλοπαιδεῖα. 1964. Τ. 4. Σ. 736–745.
- Εὐαγγελίδης 1936 — *Εὐαγγελίδης Τ.Ε.* Ἡ Παιδεῖα ἐπὶ Τουρκοκρατίας. Ἐν Ἀθήναις: Τύποις Ἀ. Π. Χαλκιοπούλου, 1936. Τ. 1.
- Ζερλέντης 1907 — *Ζερλέντης Π.* Ἀντώνιος ὁ Βυζάντιος διδάσκαλος τῆς ἔν Κωνσταντινουπόλει μεγάλης τοῦ γένους σχολῆς // BZ. 1907. Bd. 16. S. 241–253.
- Ζερλέντης 1910 — *Ζερλέντης Π.* Προσθήκαι εἰς τα περὶ Ἀντωνίου τοῦ Βυζαντίου // Δελτίον τῆς ΙΕΕΕ. 1910. Τ. 7. Σ. 470–479.
- Καρράς 2010 — *Καρράς Γ.Κ.* Εμπόριο, Πολιτικὴ καὶ Αδελφότητα: Ρωμιοὶ στὴ Ρωσία 1700–1774. Διδακτορικὴ διατριβή. Ἀθήνα, 2010.
- Κιτρομηλίδης 2002 — *Κιτρομηλίδης Π.Μ.* Κυπριακὴ λογιосύνη 1571–1878: Προσωπογραφικὴ θεώρησις. Λευκωσία: Κέντρο Ἐπιστημονικῶν Ἑρευνῶν, 2002 (Πηγές καὶ Μελέτες τῆς Κυπριακῆς Ἱστορίας, 43).
- Κουγέας 1957 — *Κουγέας Σ.Β.* Ὁ μητροπολίτης Μονεμβασίας καὶ Καλαμάτας Ἰγνάτιος ὁ Τζαμπλάκος (Ἐξαμπλάκων 1776–1802) καὶ τίνα περὶ αὐτὸν ἔγγραφα // Πελοποννησιακά. 1957. Τ. 2. Σ. 141–160 (работа осталась нам недоступной).
- Κουλούρη 1985 — *Κουλούρη Χρ.* Ἐμμανουήλ Τροχάνης. Ἐνας μέσος δάσκαλος τοῦ ΙΗ αἰῶνα // Μνήμων. 1985. Τ. 10. Σ. 202–211.
- Μανούσακας 1986 — *Μανούσακας Μ.Ι.* Ἰωάννης Μπενιζέλος (1735 ci. – 1807). Βιογραφικὸ σημεῖωμα // Ἰωάννης Μπενιζέλος. Ἱστορία τῶν Ἀθηνῶν / προλεγόμενα Ἱ. Γενναδίου; ἐπιμ. Ἱ. Κόκκωνα, Γ. Μπώκου; ἐπιστημονικὴ παρουσίασις Μ. Ἱ. Μανούσακα. Ἀθήνα: Ἐκδοτικὴ Ἀθηνῶν, 1986. Σ. κγ'–λ'.
- Μανούσακας 1990 — *Μανούσακας Μ.Ι.* Ἡ «Διδασκαλία Χριστιανικὴ κατ' ἐρωταπόκρισιν», ἀγνοημένο αὐτόγραφο ἔργο (1780) τοῦ Ἰωάννου Μπενιζέλου // Μεσαιωνικὰ καὶ νέα Ἑλληνικά. Ἀθήνα, 1990. Τ. 3. Σ. 7–96.

- Μιχαηλάρης 2007 — *Μιχαηλάρης Π.Δ.* Ἑκκλησιαστικές πλαστογραφίες // Ὁ Ἑρανιστής. 2007. Τ. 26. Σ. 59–77.
- Μπακούρος 2013 — *Μπακούρος Β.* Ἡ ῥητορική παιδεία τῆς Πατριαρχικῆς Σχολῆς καὶ ἡ πολιτική διαπαιδαγώγηση τοῦ Γένους. Τὸ “Προσφώνημα” τοῦ 1705 “σύγγραμμα” τοῦ Ἀντωνίου Βυζαντίου» // Μνημοσύνη. 2013. Τεύχ. 13. Σ. 173–203.
- Σκαρβέλη-Νικολοπούλου 1989 — *Σκαρβέλη-Νικολοπούλου Α.* Τὰ μαθηματάρια τῶν Ἑλληνικῶν σχολείων τῆς Τουρκοκρατίας (διδαστορική διατριβή). Ἀθήνα, 1989.
- Τζώρτζη 2012 — *Τζώρτζη Ἐ.* Ἡ Ἑλληνική γραμματεία στὴ βασικὴ παιδεία τοῦ γένους κατὰ τὴν ὕστερη τουρκοκρατία (1750-1821): ἀπὸ τὴ χειρόγραφη παράδοση στὸ ἔντυπο. Διδαστορική διατριβή. Πανεπιστήμιο Ἰωαννίνων, 2012.
- Φανουράκης 1950 — *Φανουράκης Εὐμ.* Ἀνέκδοτα Ἑκκλησιαστικά Ἑγγραφα τῶν χρόνων τῆς Τουρκοκρατίας ἀποκεῖμενα ἐν τῷ Μουσείῳ Ἑρακλείου (μέρος 1ο) // Κρητικά Χρονικά. 1950. Τ. 4. Σ. 65–74.
- Φωτόπουλος 1995 — *Φωτόπουλος Α.Θ.* Οἱ κοτζαμπάσηδες τῆς Πελοποννήσου κατὰ τὴ δευτέρη τουρκοκρατία, 1715–1821. Διδαστορική διατριβή. Ἀθήνα, 1995.
- Φραγκίσκος 2001 — *Φραγκίσκος Ἐμμ. Ν.* Ἡ “Χρηστοθήθεια” τοῦ Ἀντ. Βυζαντίου καὶ ὁ “Galateo” τοῦ Giovanni della Casa. Οἱ πρῶτες συσχετίσεις // Ὁ Ἑρανιστής. 2001. Τ. 23. Σ. 300–306. URL: <https://doi.org/10.12681/er.168> (июль 2026).

СОКРАЩЕНИЯ

- ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
 МДА — Московская духовная академия
 ПЭ — Православная энциклопедия
 РГБ — Российская государственная библиотека
 ВЗ — Byzantinische Zeitschrift
 ΙΕΕΕ — Η Ιστορική καὶ Εθνολογική Εταιρεία τῆς Ελλάδος

П.А. Блохин

КЛЯТВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЕЙ В ТЕКСТАХ ФРАЙБУРГСКОГО ГОРОДСКОГО ПРАВА (1120–1293)

Аннотация. Принесение клятв — важная процедура в средневековом праве. Фрайбургские правовые источники XII–XIII вв. содержат формулировки клятв законодателей. Древнейший вариант клятвы был зафиксирован уже в Учредительной привилегии 1120 г. и представлял собой сложное ритуализованное действие, легитимирующее основание рынка во Фрайбурге и предоставление ему привилегии.

В XIII в. меняется состав присягавших: наряду с сеньором клятву приносили представители городской общины и органов местного самоуправления. И город, и сеньор стали навешивать печати на хартии и другие тексты законов. Печати подтверждали новые нормы и удостоверяли принесенные сторонами соглашения клятвы. Законодательные тексты могли включать даже несколько клятв, которые легитимировали новые законы и соглашение между городом и его сеньором; содержание клятв соотносилось с конкретными обстоятельствами городской истории. Широкая вариативность в применении клятв и использовании печатей во фрайбургском законодательстве XII–XIII вв. говорит о том, что в этой области публично-правовой деятельности еще не было четкой унификации.

Ключевые слова. Фрайбург в Брайсгау, клятвы, средневековое городское право, коммунальное движение, социальные конфликты в городе

Принесение клятвы — важная процедура в публично-правовой сфере общественной жизни. В Средневековье на Западе клятве придавали большое значение. Соприисяжники на тинге, короли при разделе территорий, сеньоры и вассалы и др. приносили присяги¹. В средневековом Фрайбурге в Брайсгау, в раннем периоде его истории, при обнародовании нового текста законов приносили клятвы. Их формулировки сохранились в самих текстах. В первую очередь, присяги включены в состав протоколов (вступлений) и эсхатологов (заключений) юридических источников, иногда они встречаются в их основной части.

В XII–XIII вв. во Фрайбурге было создано 14 правовых текстов: четыре официальные городские хартии, одна хартия, изначально навязанная властям, но имевшая официальное хождение, два проекта городских хартий, один черновик городской хартии для передачи фрайбургских законов в дочерний город местной правовой семьи, и целая группа разновременных дополнений к ним. Из этих 14 текстов вводную часть имеют восемь, заключительную — семь. Это:

– Учредительная привилегия 1120–1122 гг.² (далее — GP; *Gründungsprivileg*). Она была предоставлена рынку, основанному во Фрайбурге (на тот момент времени — сельском поселении) влиятельным сеньором Конрадом фон Церингеном (ок. 1090–1152 гг., герцог фон Церинген с 1122 г.). Содержала набор первоначальных привилегий, адресованных местным торговцам и жителям поселения;

– Штадтродель 1218 г.³ (далее — R; *Rodel/Stadtrodel*). Хартия, созданная горожанами и представленная своему сеньору, графу Эгону IV фон Ураху (ок. 1160–1230 гг., сеньор Фрайбурга в 1218–1220 гг.), как написанную от имени их прежнего властителя, герцога Бертольда V Богатого фон Церингена (ок. 1160–1218 гг., герцог и сеньор Фрайбурга

¹ В настоящей работе термины «клятва» и «присяга» употребляются как синонимы.

² Опубликована: Blattmann Anh. 14: 531–533. Подробнее о GP: Blattmann 1982: 27–45.

³ Опубликован: UBF I. Подробнее о R: Blattmann 1995: 8–11.

с 1186 г.). Граф Эгон принял R как подлинную хартию. Штадтродель не имеет заключительной части. Законы R действовали во Фрайбурге до 1293 г.;

– дополнения к Штадтроделю 1248 г.⁴ (далее — R доп.). Правовой текст, созданный по результатам городского восстания 1248 г., направленного против злоупотреблений городского патрициата. Источник зафиксировал создание новых органов муниципального управления;

– краткий (далее — FR 1275)⁵ и

– пространный проекты городского права 1275 г.⁶ (далее — FR 1275a; *Freiburger Rechts*). Городские хартии, созданные в сеньориальной канцелярии в интересах графа Эгона I фон Фрайбурга (1263–1318 гг., сеньор города в 1271–1316 гг.) и местного патрициата с реваншистской целью — отменить невыгодные сеньору законы Штадтроделя 1218 г. и не устраивающие городской патрициат дополнения к Штадтроделю 1248 года. Оба проекта не стали официальными хартиями, так как были отвергнуты Младшим городским советом и фрайбургской общиной;

– дополнения к пространному проекту 1282 г.⁷ (далее — FR 1275a доп.). Правовой текст, в котором граф Эгон II попытался придать пространному проекту 1275 г. официальный статус. Содержал законы, еще более ограничивающие деятельность Младшего совета, созданного в 1248 г. Городская община и Младший совет Фрайбурга отклонили FR 1275a доп.;

– хартия 1293 г.⁸ (далее — FR 1293). Объемная хартия, созданная от имени графа Эгона II и Младшего совета, как результат компромиссного соглашения между сеньором

⁴ Опубликованы: UBF XI. Подробнее о R доп. см.: Schadek 2001d: 144–145.

⁵ Опубликован: Blattmann Anh. 10: 656–671.

⁶ Опубликован: UBF XXIV: 74–87. Подробнее о проектах 1275 г. см.: Blattmann 1995: 6–7, 285–298.

⁷ Опубликованы: UBF XXX: 92–94. Подробнее о FR 1275a доп. см.: Schadek 2001a: 149.

⁸ Опубликована: UBF L: 123–139. Подробнее о FR 1293 см.: Blattmann 1995: 6–7, 285–298.

Фрайбурга, патрициатом и средними слоями города. FR 1293 зафиксировал окончание процесса формирования органов муниципальных управления;

– дополнения к хартии 1293 г.⁹ (далее — FR 1293 доп.). Правовой текст, датированный тем же днем, что и хартия 1293 г. Содержал, помимо прочего, нормы регламентации местных ремесленных корпораций.

* * *

Учредительная привилегия GP хранит информацию о самой древней формулировке фрайбургской клятвы. Во вводной части к тексту Конрад фон Церинген в присутствии 12-ти своих министриалов поклялся «над святая святых» (*super sancta sanctorum*) от своего имени и имени своих потомков вечно исполнять положения привилегии¹⁰. Сам текст привилегии дошел до сего времени в копии 1341 г., в сокращенном варианте¹¹. Создатель копии опустил имена свидетелей (министриалов), заменив их на указание: «12 самых известных моих (Конрада фон Церингена. — П. Б.) министриалов» (*duodecim nominatissimis ministerialibus meis*). Для закрепления такой клятвы Конрад «дал свою правую руку свободному человеку и присяжным рынка в знак нерушимой клятвы» (*manu mea dextera huius rei fidem libero homini et coniuratoribus fori infringerem dedi*). Само это символическое церемониальное действие напоминает оммаж сеньора с неблагородными вассалами¹². Опять же по причине того, что привилегия известна по позднейшей копии, реальное имя «свободного человека» также не сохранилось, как и, вероятно, имена первых фрайбургских присяжных рынка (выбор-

⁹ Опубликовано: UBF LI: 140–143. Подробнее о FR 1293 доп. см.: Schadek 2001b: 151–153.

¹⁰ Blattmann Anh. 14: 533. Epilog.

¹¹ Подробнее см.: Blattmann 1982: 27–29.

¹² Подтвердить или опровергнуть то, что эта ритуализованная клятва является оммажем, не представляется возможным. В научной литературе вопрос об оммаже не поднимается, а в существующих ныне источниках об учреждении городов Церингенами подобный сюжет не присутствует.

ных должностных лиц, осуществлявших рыночный контроль и выполнявших иные должностные обязанности во Фрайбурге — самых первых представителей зарождавшегося муниципального управления).

Упоминание в GP о *libero homini* вызвало серьезную историографическую дискуссию. Среди значительного числа мнений о том, что за «свободный человек» мог скрываться за этим термином, стоит выделить точку зрения В. Шлезингера, который полагал, что таким свободным мог быть некий авторитетный фрайбуржец, либо церингенский вассал, имя которого было впоследствии утеряно¹³.

В оригинальном тексте GP вероятнее всего присутствовали имена министриалов Конрада и *libero homini*. Вполне реальные 12 министриалов сеньора, с одной стороны, и «свободный человек» и присяжные рынка (об их количестве GP не сообщает), со стороны фрайбуржцев, становились свидетелями (а *libero homini* еще и участником) клятвы Конрада фон Церингена.

Также стоит отметить, что в тексте нет упоминания о прикреплении печатей к тексту GP. Подлинность данных фрайбуржцам привилегий удостоверялась следующим указанием во вводной части GP: «записано в хирографе» (*sub cyrographo conscripta*)¹⁴. Это подтверждало действенность данных Фрайбургу законов: они «надолго сохраняются в памяти» (*longum tempus habeantur in memoria*). Нормы были закреплены клятвой Конрада, его символическим жестом и удостоверены многочисленными свидетелями.

Штадродель (R) не имеет заключительной части и не содержит клятв. Подписей под текстом нет. Этот текст изначально создавался как «поддельная» хартия. В 1218 г. скон-

¹³ Подробнее см.: Schlesinger 1966: 433–437 и Schlesinger 1970: S. 31–37. С этой точкой зрения был не согласен В. Штульпнагель. Он заявлял, что *libero homini* — это должность поместного управляющего у Церингенов, которая появилась задолго до 1120 г.: Stülpnagel 1970: 11–12.

¹⁴ Blattmann. Anh. 14: 531. Prolog. В данном случае под «хирографом» подразумевается текст, созданный при личном участии/от первого лица.

чался бездетный сеньор Фрайбурга, внук Конрада фон Церингена герцог Бертольд V. Значительное в своих размерах герцогство было разделено между боковыми ветвями фамилии. Часть наследства Бертольда досталось Фридриху II Гогенштауфену. Город Фрайбург перешел под власть зятя покойного Церингена, графа Эгона IV фон Ураха (он был женат на родной сестре Бертольда Агнессе). В силу возраста и состояния здоровья (а может и по иным причинам), Эгон недолго оставался господином города, а в 1220 г. передал власть своему сыну, также Эгону. Новый господин и его потомки с тех пор стали носить фамилию фон Фрайбурги. В момент смены сеньориальной династии горожане представили хартию новому господину города как подлинную, созданную во времена их прежнего сеньора, герцога Бертольда V фон Церингена.

Горожане отыскиали и прикрепили к пергамену самую древнюю из возможных тогда городскую печать (Илл. 1а–1б)¹⁵. Сам факт использования городской печати говорит о многом: сформировавшийся к этому времени городской Совет стал использовать собственную печать, а значит самостоятельно издавал постановления, мог скреплять ею тексты договоренностей, как с фрайбургским сеньором, так и с различными внешнеполитическими акторами и т.п. Появление у Фрайбурга собственной печати в начале XIII в. свидетельствовало о достижении городом весьма высокого уровня политической самостоятельности.

Однако только этим объяснять появление городской печати на R было бы некорректно. На тексте всего одна печать. Церингенскую (герцога Бертольда V) горожане либо не нашли, либо побоялись ее вешать на документ. Кроме того, как указывалось выше, в R нет эсхатокола, а в тексте протокола нет клятв. Это делает Штадрodelь «нестандартной» хартией. Присяга законодателей подтверждала действительность новых законов, делала хартию легитимным и официальным документом. Несмотря на отсутствие клятв в тексте R (они никогда не были произнесены) и отсутствие печати

¹⁵ Rietschel 1907: 25, 27.

сеньора, Штадрodelь все же признается официальной хартией. Таким образом, городская печать, прикрепленная к пергамену, подтверждала право местных органов самоуправления быть законодателем (по крайней мере, участником создания текста законов). Навешивание же на R печати покойного Бертольда могло бы выглядеть как то, что именно герцог фон Церинген обнародовал хартию и произносил клятву (чего не было в действительности), а при неблагоприятном стечении обстоятельств вполне могло обернуться для фрайбуржцев обвинением в фальсификации. Горожане сделали ставку на то, что новый сеньор города не вполне дееспособен и примет их «фальшивку» как подлинную хартию. Их ставка сыграла, а все последующие сеньоры Фрайбурга, потомки Эгона IV фон Ураха, не оспаривали решение своего предка, несмотря на то, что R существенно ограничивал их власть. Законы Роделя действовали в городе до 1293 года.

Илл. 1а.

Прорисовка печати, размещенной на Штадтрodelе 1218 г. Существовала как официальная городская печать, вероятно, до 1230 г. UBF Beilage: II, 1

Илл. 1б.

Фотография печати 1218 г. Schadek 2001с: 137, Abb. 37

В дополнениях к Штадтроделю (R доп.) содержится несколько клятв. Текст документа составлен от имени шультгейса Конрада — тезки тогдашнего сеньора, консулов (членов нового исполнительного органа городского управления, в дальнейшем не функционировавшего) и всей общины. R доп. повествует о драматических событиях — о восстании средних слоев Фрайбурга против местного патрициата в 1248 г., о достигнутых договоренностях между конфликтующими сторонами и о реформе городского управления. Сеньор Фрайбурга граф Конрад I фон Фрайбург (ок. 1226–1271 гг., сеньор города с 1237 г.) не был участником конфликта, а в завершающей его стадии выступил в роли арбитра.

В первом параграфе приведена первая клятва. Было сказано, что противоборствующие стороны (городская община и патрицианский совет) «пообещали святой клятвой повсеместно исполнять все свободы наши и права» (*iuramenti religione uniuersaliter prestita promissimus omnes libertates nostras et iura*). Эти «права и свободы», как говорится дальше в тексте, существовали при прежнем сеньоре герцоге Бертольде фон Церингене, которые, в свою очередь, были основаны на законах города Кёльна¹⁶, и которые были признаны горожанами и будут соблюдаться нынешним сеньором графом Конрадом, а также будущими поколениями¹⁷. Такая присяга доказывала авторитет городского права и должна была стать побуждением к тому, чтобы стороны окончательно завершили противоборство и заключили соглашение друг с другом.

Вторая клятва была приведена в заключительной части дополнений. В ней говорится, что поклявшиеся (в тексте используется слово *juraimus* [«мы поклялись»], обозначавшее шультгейса Конрада, консулов и представителей общины) должны были содействовать тому, «что при любых обстоятельствах случится в дальнейшем, если это покажется полезным большей или достойнейшей части нашей общины,

¹⁶ Этот отрывок — ссылка на Штадтродель.

¹⁷ UBF XI: 54. § 1.

для общей чести и пользы нашего города или провинции» (*quod quiquid postmodum quocumque casu contingente communi honestati et utilitati uille nostre aut prouincie maiori aut saniori parti uniuersitatis nostre expedire uisum fuerit*).

Третья клятва в тексте дополнений следует сразу за второй. Тот же, что и в случае со второй присягой, состав присягнувших, принес «устную клятву» (*iuramento verbaliter*)¹⁸, пообещав «быть обязанным судить (по новым законам. — П. Б.) в силу данной присяги, городу нашему, а также провинции приносить пользу скорее, чем вредить» (*iudicantes ea sub debito eiusdem iuramenti ciuitati nostre nec non prouincie prodesse potius quam obesse*)¹⁹. И вторая, и третья клятвы подтверждали, что компромиссное соглашение было достигнуто, новые законы отныне становились официальными для города.

Наконец, в R доп. имеется запись об обнародовании итогового решения договаривающихся сторон. Сеньор города — граф Конрад I, «согласившиеся» (*consensu*) члены Старшего и только что организованного Младшего советов, а также шультгейс, консулы и представители фрайбургской общины «перед алтарной частью нашей приходской церкви» (*in cancellis eccleie nostre parochialis*) «в присутствии народа» (*in facie populi*) обнародовали принятое решение. Указывалось, что нормы R доп. должны были соблюдаться горожанами и их потомками. За их нарушение было прописано наказание: исключение из городской общины, изгнание из города вместе с семьей и конфискация имущества.

После всего вышесказанного был составлен текст самих дополнений к Штадрodelю, для того, «чтобы это в будущем никакими уловками не было оспорено». Текст был скреплен печатями графа Конрада и города (Илл. 2а–2б). Сам текст

¹⁸ Термин «устная клятва» (*iuramento verbaliter*) сложно интерпретировать. Сложно предположить, что остальные клятвы приносились в письменном виде. Скорее всего, речь идет о дополнительной, принесенной вслед за первоначальной, клятве, произнесение которой не предполагалось изначально.

¹⁹ UBF XI: S. 55. Эсхатокол.

был обнародован «на кладбище перед двором господина Рудольфа, нашего приходского священника»²⁰.

Илл. 2а.

Прорисовка печати, размещенной на дополнениях к Штадрodelю 1248 г. Использовалась муниципалитетом до 1253 г.
(UBF Beilage: II, 2)

Илл. 2б.

Фотография печати 1248 г.
(Schadek 2001с: 137, Abb. 37)

Логика изложения материала автором текста и содержание самих клятв позволяет предположить, что они произносились именно в такой последовательности, как это указано в дополнениях. Текст R доп. имеет три клятвы, что является не вполне ординарным случаем для законодательных текстов. Однако стоит отметить, что дополнения к Роделю — не только законодательный источник. Мне приходилось писать о том, что R доп. — это еще и «морализующее» пове-

²⁰ UBF XI: S. 55. Эсхатокोल.

ствование об окончании вооруженного восстания 1248 г. (составитель воспользовался отрывками из Нового Завета для характеристики происходящих событий), и текст мировоззренческого характера (использовались разнообразные образы, в том числе и времени)²¹. Кроме прочего, R доп. и описывал динамику произошедших событий, и содержал новые фрайбургские законы. Поэтому клятвы, о которых говорит текст, не произносились «одномоментно»: в один день или в небольшой промежуток времени. Первая клятва, зафиксированная в первом параграфе дополнений, была произнесена в момент, когда стороны согласились провести переговоры и прийти к компромиссному решению. Вторая и третья («устная») клятва, прописанная в начале эсхатокола, были принесены после того, как договаривающиеся пришли к компромиссу и составили новые законы, удовлетворяющие противоборствующие стороны. Вероятнее всего, они произносились одна за одной.

Составитель дополнений при датировании текста указывает, что в мае 1248 г. во Фрайбурге произошел конфликт между городской общиной и местным советом: «в год от воплощения Господа 1248, месяце мае, между общиной Фрайбурга и 24-мя старшими присяжными возникло некое несогласие» (*anno ab incarnatione domini MCCXLVIII, mense maio, inter uniuersitatem Friburgensem et viginti quatuor maiores coniuratos quedam discordia fuit exorta*)²², а в конце документа заявляет: «год и месяц указаны выше» (*anno et mense suprascriptis*)²³. Сказать, когда точно были произнесены каждая из клятв и составлен сам текст дополнений, не представляется возможным, однако можно предположить, что сами переговоры, составление новых законов и создание итогового текста, хоть и случились в течении мая месяца, но все же потребовали некоторого времени.

В этом плане оба проекта 1275 г. и хартия 1293 г. значительно лаконичнее. В проектах сеньор города, а в хартии —

²¹ Блохин 2025б.

²² UBF XI: S. 53. Протокол.

²³ UBF XI: S. 55. Эсхатокол.

сеньор вместе со Старшим и Общественным (временная совместная сеньориально-муниципальная коллегия) советами поклялись «без всякого дурного обмана» (*ane aller slaht gevärde*) исполнять законы, установленные в данных текстах²⁴. Проекты должны были быть запечатаны только сеньориальной печатью; хартия 1293 г. имеет и графскую, и городскую печати (Илл. 3). Есть указание, что: «и на этом документе, и на ручательстве мы <...>²⁵ печать на это письмо повесили» (*ze einem urkünde, und ze einer bewerunge, so han wir <...> ingesigel, an disen brief gehenket*)²⁶.

Илл. 3.

Фотография печати, введенной в официальное обращение с 1245 г.

Используется фрайбургским муниципалитетом по сей день.

Аналогичный оттиск размещен на хартии 1293 г.

(Schadek 2001c: 137, Abb. 37)

²⁴ UBF XXIV: 87. Эсхатокол.

²⁵ В этом месте перечислены действующие лица, о них см. ниже.

²⁶ UBF L: 139. Эсхатокол. В этом случае остается неясным термин «ручательство» (*bewerunge*). Он может быть переведен и как гарантия, и как ручательство, и как поручительство. Речь не идет об отдельном документе — дополнении к хартии. Можно предположить, что такой гарантией была клятвы сеньора и представителей города.

Если в проектах 1275 г. единственным законодателем является сеньор, то список составителей хартии 1293 г. шире. В качестве инициаторов создания документа выступают граф Эгон II, Младший совет и городская община. Из состава первоначальных законодателей исключен Старший совет, что является важным итогом социально-политического противостояния в городе. Однако итоговую клятву приносят сеньор, Старший совет, Общественный совет, а со стороны фрайбуржцев — представители городской общины. Младший совет (в силу своих компетенций) не приносил присяги.

Весьма показательным примером практики принесения клятв фрайбургскими законодателями является дополнение к пространному проекту 1275 г. (FR 1275a доп.). В 1282 г. граф Эгон II, воспользовавшись выгодной для себя ситуацией — он примирился с королем Рудольфом I Габсбургом (1218–1291 гг., до 1273 г. — граф Рудольф IV), заручился его поддержкой и попытался взять реванш за свою неудачу в борьбе за новую фрайбургскую хартию. Он подготовил правовой текст, который вводил в действие пространный проект 1275 г. Кроме того, в FR 1275a доп. вводились законы, возвращавшие сеньору властные полномочия, отмененные Штадтроделем (R). Младший совет при введении в действие FR 1275a и FR 1275a доп. фактически лишался всех своих властных полномочий²⁷.

Для подтверждения новых правовых норм сеньор города клянется «на святынях» (*uf den heiligen*)²⁸, что законы этого и ранее созданного, но не обнародованного проекта будут соблюдаться, а если он, граф Эгон, нарушит клятву, то в течение месяца должен принести присягу заново, а если и далее горожане будут указывать на нарушение сеньором принятых постановлений, то могущественные союзники графа перестанут оказывать ему покровительство: клятва заканчивалась весьма изящным заявлением о том, что в случае ее нарушения «должны для меня (графа Эгона. — П. Б.) быть

²⁷ Подробнее: Блохин 2025а: 919–923.

²⁸ UBF XXX: 94. § 7.

беспомощны²⁹ все печати, которые на этом примирительном письме висят» (*vnd soltin mir vnbeholfen sin, alle die der ingesigil an disem svonbrief hangont*). Горожане должны были принести такую же клятву, а в случае ее нарушения — получить такое же наказание (формулировка про «беспомощность» печатей повторялась)³⁰. Документ должен был быть запечатан, помимо сеньориальной и городской, печатями свидетелей. Ими назывались: базельский епископ Генрих II фон Исни, фогт Брайсгау маркграф Генрих фон Хохберг, майнцский пробст Петер и базельский пробст Отто. Они должны были повесить свои печати на документ после принесения взаимной клятвы графа Эгона и фрайбуржцев.

В тексте упоминается еще одна персона, участник предполагаемого действия — посланник короля Рудольфа I, некий «мудрый Бэгир, которого поэтому мой господин римский король Рудольф от своего пути для этого отправил» (во Фрайбург. — П. Б.; *der wise Bägir, den min Herre der Römisch Kung Rvodolf von sinen wegin darzuo hat gesendit*). Цель этой поездки — наблюдение за примирением между графом и горожанами³¹. Однако Бэгир (его титулы и звание не известны, источник о них ничего не сообщает) не должен был произносить клятв и не должен был вешать печать на FR 1275a доп.; его имени нет ни в списке свидетелей, ни в перечне присягнувших³².

Господин города является единственным автором FR 1275a доп. Он приносит клятву, которую должны повторить со своей стороны горожане. В самом документе прослеживается тесная связь между принесением клятв и навешиванием печатей свидетелей на документ. Помимо удостоверения состоявшегося примирения и создания нового текста они подтверждали клятвы. Нарушение клятвы, как сказано выше, делало печати свидетелей «бессильными». Все свидетели, названные поименно (кроме «мудрого Бэгира»), долж-

²⁹ То есть лишены силы, утратят силу.

³⁰ UBF XXX: 94. § 8.

³¹ UBF XXX: 91–92. Протокол.

³² UBF XXX: 94. Эсхатокон.

ны были повесить свои печати на документ, рядом с печатью Эгона II.

Младший совет и городская община не приняли соглашение в том виде, как оно было представлено их сеньором, поэтому, несмотря на присутствие доверенного лица короля и весьма знатных особ королевства, клятвы не были произнесены, печати не были вывешены, сам текст дополнений не был обнародован, а эти дополнения не были приняты.

В отличие от хартии 1293 г. (FR 1293) состав составителей и присягнувших в дополнениях к ней практически совпадает. FR 1293 доп. был создан от имени сеньора, обоих советов и общины.

Дополнения к хартии 1293 г. (FR 1293 доп.) содержат две клятвы. Во вводной части сказано, что сеньор, оба совета и представители общины принесли клятву от своего имени и от имени своих потомков в том, что законы будут действовать долгое время, а в будущем их потомки должны принести такую же клятву³³.

В заключительной части говорится, что сеньор³⁴ для того, чтобы законы FR 1293 доп. «были и оставались постоянно» (*war und stete blibe*), вешает сеньориальную и городскую (!) печать (*mit ünserme ingesigele, und mit der stette ingesigele von Friburg besigelt*)³⁵. После чего, оба городских и Общественный советы и представители общины подтвердили создание системы цехового управления во Фрайбурге и поклялись исполнять нормы FR 1293 доп. «без всякого обмана». В подтверждение клятвы и записанных в тексте законов — «подтверждении и установлении» (*bewerunge und stetigunge*), «мы»³⁶ повесили нашу печать на это письмо» (*han wir ünser ingesigel an disen brief gehenket*)³⁷.

³³ UBF LI: 140. Протокол.

³⁴ Речь идет именно о сеньоре: используется только местоимение «мы» без перечисления иных акторов, что в этом тексте обозначает графа Эгона II (ср.: *wir Grave Egene von Friburg*. UBF LI: 140. Протокол).

³⁵ UBF LI: 143. Эсхатокол.

³⁶ Здесь местоимение «мы» относится к группе акторов, поскольку весь отрывок говорит о советах и общине.

³⁷ UBF LI: 143. Эсхатокол.

Таким образом, о прикреплении печатей на FR 1293 доп. в тексте эсхатокола говорится дважды. В первом случае называются сеньориальная и городская печати, во втором — городская. На самом же документе имеется не три, а две печати. Кроме того, наблюдается небольшая путаница с тем, кто вешал печати: либо сеньор прикрепил сразу обе, либо составители текста допустили небрежность и не указали, кто скрывался за местоимением «wîg» в начале эсхатокола.

Такие несоответствия могут быть объяснены тем, что FR 1293 доп. были созданы несколько ранее названной в документе даты — 23.08.1293 г. На это указывает несколько обстоятельств. Наиболее весомое³⁸ указание дает текст § 77 хартии 1293 г. В параграфе сказано, что в городе функционирует Общественный совет, «дающий власть цеховым мастерам во Фрайбурге» (*gewalt gegeben den zunftmeisteren ze friburg*), объединяющий представителей обоих советов, фрайбургской общины и самого сеньора. И об этом «в письме указано, которое он (граф Эгон II. — П. Б.) затем предоставил и запечатал своей и городской печатью» (*an der brieft stat, den er in darüber at gegeben mit sinem und der stette ingesigelt*)³⁹. Это «письмо»⁴⁰ есть текст, созданный несколько ранее хартии 1293 г., который регламентировал цеховую организацию фрайбургских ремесленников.

Этот же параграф хартии разъясняет ситуацию вокруг навешивания печати на FR 1293 доп. сеньором Фрайбурга. Оба отрывка (§ 77 FR 1293 и эсхатокол FR 1293 доп.) синхронно говорят о том, что граф Эгон II прикрепил к тексту дополнений две печати, свою и городскую. Параграф 77 хартии, в свою очередь, посвящен Общественному совету, в который входил и сам граф Эгон. Совет, первоначально созданный как объединение сеньора города и представителей местного

³⁸ Вопрос о времени создания дополнений к хартии 1293 г. — тема большого отдельного исследования. В рамках настоящей статьи будут высказаны только основные соображения и выводы по данному вопросу.

³⁹ UBF L: 133. § 77.

⁴⁰ В данном случае термин «письмо» (*brieft*) — это общеупотребимое обозначение официального документа.

патрициата для совместного решения некоторых исключительно городских проблем, после 1291 г. приобрел расширенный состав (в него были включены репрезентанты средних слоев населения города) и стал заниматься вопросами формирования системы цехового управления в городе и подготовкой новой хартии. Сеньор, как член объединения, которое было инициатором создания цеховой организации и ее органов управления во Фрайбурге, повесил на документ городскую печать, а как городской сеньор — свою собственную.

Отрывок о двух печатях в хартии 1293 г., поскольку его повторяет в начале эсхатокола FR 1293 доп., является оригинальным текстом раннего документа о фрайбургских цехах. Другая часть эсхатокола FR 1293 доп., в которой говорится о том, что оба фрайбургских совета, Общественный совет и представители общины поклялись об «установлении» (законов об учреждении системы цехового управления) и о «подтверждении» (факта навешивания печатей на ранний документ о фрайбургских цехах), является, с большой долей вероятности, позднейшей записью в итоговый вариант документа, в FR 1293 доп.

Таким образом, несколько ранее хартии 1293 г. появляется текст законов о фрайбургских цехах. Помимо прочего в нем содержится совместная клятва сеньора, обоих советов и представителей городской общины (в том виде, как она записана в протоколе к FR 1293 доп.) и информация о прикреплении сеньором города на документ своей и городской печатей. 23 августа 1293 г. была принята новая официальная городская хартия, а вместе с ней, в то же самое время, и дополнения к ней. На дополнения, как на новый текст, были повешены печати сеньора и города (города — от имени обоих советов, Общественного совета, членом которого был граф Эгон, и городской общины). Дублировать же городскую печать было нецелесообразно. Поэтому в эсхатоколе FR 1293 доп. говорится о трех печатях, но на документе их две. Городская печать подтверждала установления, присяги и печати раннего документа, равно как и нового текста — дополнений к хартии 1293 года.

Существуют два текста, не относящихся к законодательным источникам фрайбургской истории, но которые я считаю целесообразным рассмотреть в этой статье⁴¹. Речь идет о мирном соглашении, заключенном сеньором города с фрайбуржцами в 1283 г. Грамоты интересны тем, что в них очень краткая информационная часть. По сути в обоих текстах она сводится к следующему: «граф Эгон фон Фрайбург и горожане Фрайбурга пришли к порядку и примирению» (*Graue Egene von Vriburch, vnde die Burgere von Vriburch einre ordenunge vnde einer svone sint vber ein komen*)⁴². В источнике не указаны условия этого примирения, не говорится о том, по каким спорным проблемам было достигнуто соглашение между противоборствующими сторонами и пр. Немецкие историки сокрушались, что не раскрыты условия такого соглашения, что нет информации о том, что стало причиной конфликта и т.п.⁴³. Однако полагаю, что подобной информации в текстах и не могло быть. Долго тлеющий конфликт между горожанами и их сеньором готов был перейти в свою горячую фазу, и тогда король Рудольф I Габсбург, заинтересованный в стабильности в регионе, принудил противоборствующие стороны к примирению без каких-либо дополнительных условий и договоренностей.

Одна грамота составлена от имени короля Рудольфа. Монарх зафиксировал состоявшееся примирение, установил требование его соблюдать сторонами конфликта, и подтвердил взаимные клятвы графа и горожан. В засвидетельствование вышеперечисленного король по просьбе графа Эгона и горожан повесил на грамоту свою королевскую печать: «на документе, по просьбе графа Эгона и горожан, мы нашу королевскую печать повесили» (*eime vrkunde durch bette Grauen Egenen vnd der Burger, so han wir vnser kvnelich ingesigil gehenkit*)⁴⁴. Другой текст написан от имени графа Эгона II, свидетелем соглашения выступает епископ страсбургский

⁴¹ UBF XXXIV, UBF XXXV.

⁴² UBF XXXIV: 99; UBF XXXV: 100.

⁴³ Например, Schadek 2001a: 150.

⁴⁴ UBF XXXIV: 99.

Конрад: «Мы Конрад Божьей милостью епископ страсбургский по просьбе графа Эгона и горожан Фрайбурга повесили нашу печать на это письмо» (*Wir Cvonrat von gottis gnadin bischof ze Strazpurg dur bette Grauin Eginne vnd der burger von Vriburg heinken unsir ingisigel an disen brief*), а горожане пояснили, что они «признают это (примирение между горожанами и сеньором. — П. Б.), как выше было записано» (*verjähren ovch des, als da vor stat geschriben*)⁴⁵. Актеры — сеньор, представители горожан и свидетель соглашения — повесили на грамоту свои печати. Из содержания обоих текстов неясно, присутствовал ли король при примирении сторон, либо он составил свой текст позже, по просьбе графа Эгона. Оба источника датированы началом апреля 1283 г., без указания дня, когда было заключено примирение и принесены клятвы.

Скорее всего, изначально было три грамоты. В королевском подтверждении сказано, что: «граф Эгон фон Фрайбург и горожане Фрайбурга пришли к порядку и примирению, как установлено в письме, которое он запечатал своей печатью, а также в письме, которое они запечатали своей печатью» (*Graue Egene von Vriburch, vnde die Burgere von Vriburch einre ordenunge vnde einer svone sint vber ein komen, als an dem brieue stat, den er in het mit sime insigel besigilt vnd ouch an dem brief, den sū ime heint mit irme insigel besigilt*)⁴⁶. Вероятно, стороны (граф Эгон и горожане) обменялись своими текстами: городской хранился у сеньора, а графский — у фрайбуржцев. Городской вариант соглашения не сохранился.

Сохранившиеся тексты по своей сути передают нам только взаимные и, как их называл сеньор Фрайбурга, «раздельные клятвы» (*gesworne bedint*) конфликтующих сторон. Сохранившаяся клятва графа лаконична: «я граф Эгон, в этом письме обещаю надежно оберегать этот порядок и это примирение и подтверждаю также то, что это было, как выше было записано и в этом документе» (*Ich Graue Egin gelobon an disem brief stät ze haltinne dis ordinunge vnd dise suon vnd vergih ovch des, daz es ist, als da vor stat geschriben, vnd dar vmbe*

⁴⁵ UBF XXXIV: 98–99.

⁴⁶ UBF XXXIV: 99.

ze eime vrkünde)⁴⁷. Полагаю, что городская клятва была такой же. Печати же, которые отлично сохранились на существующих ныне грамотах, были вывешены: сеньором — в знак подтверждения клятвы, страсбургским епископом — как доказательство своего свидетельства состоявшегося примирения. Королевская же печать, скреплявшая монаршую грамоту, подтверждала миротворческую роль Рудольфа в урегулировании конфликта. Но несмотря ни на что, конфликт между фрайбуржцами и их сеньором продолжал тлеть, и уже через шесть лет королю Рудольфу I Габсбургу вновь пришлось вмешаться в это противостояние.

* * *

Клятвы фрайбургских законодателей XII–XIII вв. показывают широкую вариативность. Древнейшая формула присяги подтверждает действенность новых законов через ритуализированное действие — сеньор города при многочисленных свидетелях жестом подтверждает свою клятву. Сведений о печати на пергамене не имеется. С начала XIII в. присягнувшие законодатели и свидетели принесенной клятвы ставят на документы свои печати, а ритуал принесения присяги более не описывают.

Хартия и проекты хартии имели в своем составе одну клятву, легитимирующие новые нормы. Хартия 1293 г., дополнения к ней и оба проекта 1275 г. имеют: либо краткий вариант индивидуальной (в проектах 1275 г. от имени сеньора города), либо коллективной (в хартии 1293 г. и в дополнениях к хартии 1293 г. от имени сеньора, городских советов и представителей общины) клятвы. Печати в хартии 1293 г. (проекты не имели печатей) подтверждали обнародование новых законов. Тексты дополнений к Штадтроделю от 1248 г., к пространному проекту 1275 г. и к хартии 1293 г. содержат несколько клятв (две или три), и варьируют коллективную и «раздельную» версии. Важнейшая для истории города XIII в. хартия 1218 г. — Штадтродель — не содержит клятвы, но эта хартия была скреплена древнейшей печатью

⁴⁷ UBF XXXIV: 99.

города Фрайбурга. Почти весь этот век она была действующей городской хартией, которую потом дополняли и изменяли. На хартию была повешена только городская печать, которая стала единственным подтверждением подлинности Штадтроделя.

Широкая вариативность в применении клятв и использовании печатей во фрайбургском законодательстве XII–XIII вв. говорит о том, что в этой области публично-правовой деятельности еще не было четкой унификации. Каждая клятва приносилась в соответствии с обстоятельствами, при которых городу предоставляли тот или иной правовой текст. Навешивание печатей на документ также всегда сопровождалось пояснениями, в силу каких причин составители текста и свидетели (в некоторых случаях) совершали это действие. И принесенная клятва, и вислая печать на пергамене имели важнейшее значение для публично-правовой сферы общественной жизни в то время.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

- UBF XXIV — Aeltester deutscher Entwurf der Stadtrechte // Urkundenbuch der Stadt Freiburg im Breisgau / Hrsg. von H. Schreiber. Freiburg im Breisgau, 1828. Bd. I, abt. 1. S. 74–87. XXIV.
- UBF I — Aelteste Verfassungsurkunde // Urkundenbuch der Stadt Freiburg im Breisgau / Hrsg. von H. Schreiber. Freiburg im Breisgau, 1828. Bd. I, abt. 1. S. 3–24. I.
- UBF LI — Bürgermeister und Zünfte // Urkundenbuch der Stadt Freiburg im Breisgau / Hrsg. von H. Schreiber. Freiburg im Breisgau, 1828. Bd. I, abt. 1. S. 140–143. LI.
- Blattmann Anh. 10 — Der erste deutsche Stadtrechtsentwurf für Freiburg im Breisgau vom Juli 1275 // *Blattmann M.* Die Freiburger Stadtrechte zur Zeit der Zähringer: Rekonstruktion der verlorenen Urkunden und Aufzeichnungen des 12. und 13. Jahrhunderts. Freiburg; Würzburg, 1995 (Veröffentlichungen aus dem Archiv der Stadt Freiburg im Breisgau. 27). Bd. 2. Anh. 10. S. 656–671.
- Blattmann Anh. 14 — Freiburger Gründungsprivileg // *Blattmann M.* Die Freiburger Stadtrechte zur Zeit der Zähringer: Rekonstruktion der

- verlorenen Urkunden und Aufzeichnungen des 12. und 13. Jahrhunderts. Freiburg; Würzburg, 1995 (Veröffentlichungen aus dem Archiv der Stadt Freiburg im Breisgau. 27). Bd. 2. Anh. 14. S. 531–533.
- UBF L — Neue Verfassungs-Urkunde // Urkundenbuch der Stadt Freiburg im Breisgau / Hrsg. von H. Schreiber. Freiburg im Breisgau, 1828. Bd. I, abt. 1. S. 123–139. L.
- UBF XXXIV — Ordnung und Sühne zwischen dem Grafen und der Stadt // Urkundenbuch der Stadt Freiburg im Breisgau / Hrsg. von H. Schreiber. Freiburg im Breisgau, 1828. Bd. I, abt. 1. S. 98–99. XXXIV.
- UBF XXXV — Ordnung und Sühne zwischen dem Grafen und der Stadt // Urkundenbuch der Stadt Freiburg im Breisgau / Hrsg. von H. Schreiber. Freiburg im Breisgau, 1828. Bd. I, abt. 1. S. 99–100. XXXV.
- UBF XXX — Sühne des Grafen mit der Stadt // Urkundenbuch der Stadt Freiburg im Breisgau / Hrsg. von H. Schreiber. Freiburg im Breisgau, 1828. Bd. I, abt. 1. S. 92–94. XXX.
- UBF XI — Vermehrung Rathsglieder nebst andern Einrichtungen // Urkundenbuch der Stadt Freiburg im Breisgau / Hrsg. von H. Schreiber. Freiburg im Breisgau, 1828. Bd. I, abt. 1. S. 53–55. XI.
- UBF Beilage — Übersicht der Abbildungen, welche in den beigegebenen Tafeln enthalten sind // Urkundenbuch der Stadt Freiburg im Breisgau / Hrsg. von H. Schreiber. Freiburg im Breisgau, 1828. Bd. I, abt. 1. Beilage.

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Блохин 2025a — Блохин П.А. Социальный конфликт и борьба за хартию вольностей во Фрайбурге в последней четверти тринадцатого столетия // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2025. Т. 70. Вып. 4. С. 914–930.
- Блохин 2025б — Блохин П.А. Время как образ в городском праве Фрайбурга в XII—XIII вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16. Вып. 9 (155). [Эл. ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840036543-6-1/> (июль 2026). DOI: [10.18254/S207987840036543-6](https://doi.org/10.18254/S207987840036543-6)
- Blattmann 1995 — Blattmann M. Die Freiburger Stadtrechte zur Zeit der Zähringer: Rekonstruktion der verlorenen Urkunden und Auf-

- zeichnungen des 12. und 13. Jahrhunderts. Bd. 1–2. Freiburg; Würzburg, 1995. (Veröffentlichungen aus dem Archiv der Stadt Freiburg im Breisgau. 27).
- Blattmann 1982 — *Blattmann M.* Zwei vergessene Paragraphen in der Freiburger Gründungsurkunde? // Zeitschrift des Breisgau-Geschichtsvereins «Schau-ins-Land». 1982. 101. S. 27–46.
- Schadek 2001a — *Schadek H.* Von der Verstimmung zur Konfrontation. Der Streit um die Rechte der Stadt // Geschichte der Stadt Freiburg im Breisgau / Hg. im Auftrag der Stadt Freiburg i. Br. von H. Haumann und H. Schadek. Stuttgart, 2001. Bd. 1. S. 149–151.
- Schadek 2001b — *Schadek H.* Bürgermeister und Zünfte. Das Stadtrecht von 1293 // Geschichte der Stadt Freiburg im Breisgau / Hg. im Auftrag der Stadt Freiburg i. Br. von H. Haumann und H. Schadek. Stuttgart, 2001. Bd. 1. S. 151–153.
- Schadek 2001c — *Schadek H.* Freiburg und das Haus Urach. Die Reaktion der Bürgerschaft auf den Herrschaftswechsel // Geschichte der Stadt Freiburg im Breisgau / Hg. im Auftrag der Stadt Freiburg i. Br. von H. Haumann und H. Schadek. Stuttgart, 2001. Bd. 1. S. 134–138.
- Schadek 2001d — *Schadek H.* Gegen die Alleinherrschaft der Geschlechter Das Aufbegehren der «homines novi» // Geschichte der Stadt Freiburg im Breisgau / Hg. im Auftrag der Stadt Freiburg i. Br. von H. Haumann und H. Schadek. Stuttgart, 2001. Bd. 1. S. 144–145.
- Schlesinger 1966 — *Schlesinger W.* Das älteste Freiburger Stadtrecht. Überlieferung und Inhalt // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Abteilung, 1966. Bd. 83: German. S. 431–472.
- Schlesinger 1970 — *Schlesinger W.* Zur Gründungsgeschichte der Stadt Freiburg // Freiburg im Mittelalter. Veröffentlichungen des Alemannischen Instituts / Hrsg. W. Müller. 1970. № 29. S. 24–49.
- Stülpnagel 1970 — *Stülpnagel W.* Über neuere Arbeiten zu Fragen der Freiburger Stadtgründung // Zeitschrift des Breisgau-Geschichtsverein «Schau-ins-Land». 1970. 88. S. 5–22.
- Rietschel 1907 — *Rietschel S.* Neue Studien über die älteren Stadtrechte von Freiburg im Breisgau mit einer vergleichenden Ausgabe der lateinischen Stadtrechtstexte des 13. Jahrhundert // Festgabe für Friedrich Thudichum. Tübingen, 1907. S. 3–45.

Е.Н. Кириллова

СТРУКТУРА РЕМЕСЛЕННЫХ И ТОРГОВЫХ УСТАВОВ В РЕЙМСЕ XIII–XVIII ВЕКОВ

Аннотация: Автор изучает последовательность изложения предписаний в регламентах ремесленных и торговых корпораций Реймса XIII–XVIII вв. Рассчитаны средние значения объема уставов, рассмотрены статьи как смысловые единицы, выявлены проблемы, к обсуждению которых составители уставов обращались неоднократно, и такие вопросы, которые разъясняли один раз, если только внутрикорпоративные конфликты не вынуждали к иному. Динамика изменений представлена на конкретных примерах из истории корпораций уксусоваров, пряничников и других ремесленников Реймса. Выявлены хронологически обусловленные предпочтения в конфигурации регламентов, а также ряд тенденций, обусловленных логикой развития профессиональных сообществ этого города.

Ключевые слова: ремесленные и торговые уставы, Реймс, XIII–XVIII вв., объем устава, средний устав, последовательность статей, логика изложения правил

В центре внимания данной работы находятся письменные источники — нормативные акты, регулировавшие деятельность ремесленников и торговцев Реймса, важного политического, экономического и религиозного центра Французского королевства. Деятельность многочисленных городских ремесленников и торговцев в средние века и раннее Новое время регулировали более 70 первых, вторых и третьих редакций уставов их профессиональных сообществ, которые были утверждены балли архиепископа Реймса и королем Франции.

Последовательность изложения предписаний в законе и нормативном акте имеет значение как для точной передачи их сути и содержания, так и для их непосредственного восприятия. Это в полной мере относится к ремесленным и торговым регламентам эпохи Средневековья и Нового времени, однако специалисты практически не уделяли внимания такому аспекту их изучения, останавливаясь преимущественно на круге вопросов, которые они регулировали¹, но не на структуре этих текстов. В известной серии «Типология источников западного Средневековья», которую с 1972 г. выпускает издательство *Brepols*², ремесленные и торговые уставы, самый изученный тип источников по истории средневекового ремесла, также пока не представлены.

Не только *порядок* перечисления требований, но и содержание ремесленных и торговых уставов во Французском королевстве не было задано на государственном уровне, хотя представление о необходимых предписаниях, разумеется, существовало. В посвященном регулированию ремесла и торговли в королевстве ордонансе Генриха III 1577 г., который, как полагают специалисты, так и остался проектом³, отдельный XVI раздел был посвящен общим вопросам: сроку службы присяжных (должностных лиц корпораций, выбранных или назначенных из числа мастеров), оплате их труда, досмотрам мастерских, братствам, шедеврам, приему новых мастеров, обучению, работе подмастерьев⁴. В мартовском эдикте Людовика XIV 1691 г. обобщенная характеристика ремесленных регламентов, установленных, как было подчеркнуто, благодаря эдиктам Генриха III и Генриха IV в конце XVI в., была дана следующим образом: они регулировали сроки обучения, стоимость и качество шедевров, правила

¹ К примеру: Depping 1837: lxxxij–lxxxiv; Fagniez 1877: 5; Lespinasse 1879: XVII–XVIII, XCV–CXLVIII; Olivier-Martin 1938: 92–93, 98; Сванидзе 1967: 19–20; Поссер 1999: 146, 148, 150; и др.

² Typologie des Sources du Moyen Âge Occidental. URL: <https://www.brepols.net/series/typ#publications> (январь 2026).

³ Les métiers 1886: 80–81. Not. 1.

⁴ Les métiers 1886: 83.

приема мастеров, включая вступительные взносы, правила о выборах присяжных и досмотрах изделий⁵.

Изучение последовательности предписаний позволяет объемнее представить историю конкретных профессиональных сообществ, преемственность принятых ими практик и их модификации, взаимодействие между корпорациями и их взаимоотношения с городскими властями, а также влияние общегосударственного законодательства, прежде всего, в связи с созданием новых мануфактурных производств. Эти и другие проблемы истории корпораций предстают по-разному, если изучать их в общем хронологическом порядке или объединить для близких специальностей. Начну с первого, но прежде следует рассмотреть статьи уставов.

СТАТЬИ РЕМЕСЛЕННЫХ И ТОРГОВЫХ УСТАВОВ

Деление законов и нормативных актов на статьи, обособленные и законченные смысловые единицы, — естественный, логичный и удобный формат для подобного рода текстов. Регламенты представляют собой перечень правил, каждое из которых обычно содержит информацию о том, что именно предписано делать или, напротив, запрещено, и что последует за несоблюдением этих правил, или, говоря юридическим языком, норма обычно состоит из гипотезы (если...), диспозиции (то...) и санкции (иначе...).

Когда каждая статья устава посвящена одной ситуации или одной норме и ее вариантам, это понятно, удобно и логично. Многие средневековые ремесленные и торговые регламенты составлены именно таким образом: в статьях изложены предписания, выполнение которых предполагается обязательным для всех членов этого профессионального сообщества и прочих, кого это касалось — учеников, подмастерьев и других работников, городских мастеров смежных специальностей, местных и приезжих торговцев, жителей ближней округи или более дальних мест, которые не были профессиональными ремесленниками или торговцами, но могли привезти в город изготовленные ими изделия, заго-

⁵ Les métiers 1886: 124.

товки или сырье. В то же время (и в том же регламенте) другие статьи могли включать несколько правил, как взаимосвязанных, так и находившихся в ином соотношении.

Правомерность выделения статей в регламентах корпораций Реймса, начиная с самых первых, с конца XIII в., может быть обусловлена палеографически и содержательно. В рукописях начало статей обозначали специальными знаками (*pied-de-mouche*), выделением абзацев (и их нумерацией, см. далее), *повтором* определенных слов в выражений: «А также...» (*Item*), «По обычаю / В соответствии с давним обычаем...» (*Il est de coustume (ancienne) que...*), «Следует, чтобы...» (*Faut que...*), «Будут также должны...» (*Seront aussy tenus...*), «Не будет позволено...» (*Ne sera permis...; Ne sera loisible...*), «Никто не может впредь...» (*Nul ne pourra...; Ne pourront...; Ne pourra aucun...*) и др.

Со временем статьи начинают нумеровать (римскими, затем арабскими цифрами), что позволяет издателям распространять эту практику для удобства и на более ранние тексты; в публикациях неоригинальные номера статей заключают в квадратные скобки. В Реймсе нумерация появилась впервые в уставе суконщиков 1569 г., в следующий раз — через 12 лет, в уставе ткачей полотна 1581 г., но между этими двумя датами было принято еще 9 регламентов, статьи которых не имели собственной нумерации. Она становится нормой для городских регламентов с середины XVII в.

Деление устава на статьи организует текст, облегчает его восприятие и использование. В то же время оно имеет содержательное значение, если говорить о социально-экономической и административной истории корпораций, особенно в длительной перспективе. Обозначу некоторые его аспекты.

Статьи, посвященные изделиям ремесла (сырью, процессу работы, размерам изделий, другим критериям их качества), обычно сконцентрированы на одном конкретном вопросе, что характерно как для ранних уставов, XIII–XIV вв., так и многих последующих. Например, в уставе, созданном в 1571 г. для разделения сфер деятельности сапожников, которые изготавливали новую обувь, и починщиков, которые чинили

старую, 19 из 24 статей, очень небольшого объема, в 2–3 строки, были отведены одному или нескольким изделиям или отдельным особенностям их изготовления⁶.

Одновременно самые объемные статьи уставов содержат перечисления изделий, которые делали и имели право делать эти мастера и, соответственно, не должны были изготавливать другие ремесленники. Например, у изготовителей шелковых изделий 1600 г. это подробнейшая [I] статья, которая в издании П. Варена (in-4°) занимает почти страницу⁷, у медников Реймса 1701 г. подобная X статья — даже более страницы, и к ней следует добавить еще три статьи (XIII, XIV и XV) с более краткими списками изделий⁸. Подробно перечисляли свои товары и купцы: мерсье в уставе 1639 г.⁹ и бакалейщики в уставе 1592 года¹⁰.

Правила, связанные с разными аспектами деятельности корпораций, излагаются в более пространных статьях. В XVII–XVIII вв. в одной статье нередко объединяли нормы, ранее составлявшие несколько отдельных статей. С одной стороны, пространная статья цельно представляет заданный сюжет: все правила приема в обучение и его завершения (например, в общем для всего королевства регламенте красильщиков шелка и шерсти 1669 г. это XC ст., которая занимает в разных изданиях от одной до полутора страниц¹¹), все правила выполнения шедевра (как у столяров в 1684 г.¹² и др.), обучения (как у ножовщиков в 1739 г.¹³ и др.). С другой стороны, в одной статье устава могли быть рассмотрены разные вопросы, в других случаях составлявшие несколько

⁶ AL 2: 240–248.

⁷ AL 2: 377–378. Именно в этом издании опубликовано большинство уставов ремесленных и торговых корпораций Реймса.

⁸ AL 4: 107–109.

⁹ AL 2: 570–578. XV ст. *Marchands merciers* — влиятельные negociants, оптом торговавшие тканями, предметами роскоши и многими другими товарами.

¹⁰ AL 2: 989–990. XXIX–XXX ст.

¹¹ Recueil 1730. T. II: 389–390; AL 2: 904–905.

¹² AL 2: 343. I ст.

¹³ AL 2: 1037. VI ст.

статей. Например, V статья устава корзинщиков 1588 г.¹⁴ определяет плату присяжным за оценку шедевра, запрет банкетов и даров в связи с выполнением шедевра, требование сообщить властям о результатах выполнения шедевра, чтобы те предписали прием нового мастера — при этом контролю присяжных за выполнением шедевра отведена IV статья, и складывается впечатление, что было бы более логично изложить правила иначе. В III статье устава литейщиков 1741 г.¹⁵ соединены требования присутствия на общих собраниях, как в связи с выборами присяжных, так и по другим поводам, присутствия на похоронах мастеров и мастериц, правила несения факелов на похоронах, организации заупокойной службы в случае смерти мастера или мастерицы, обязанности присутствия всех мастеров на такой службе, ее оплаты из средств сообщества — хотя ежегодной заупокойной службе посвящена отдельная II статья. Таким образом, деление на статьи не всегда совпадает с тематическим делением уставов: несколько вопросов могло быть сведено в одну статью, и принципы такого объединения не всегда понятны; в других случаях одному вопросу (качеству изделий, обучению, выполнению шедевра, приему в корпорацию и др.) отводили несколько отдельных статей.

Объемные статьи, на первый взгляд, должны были восприниматься и на слух, и зрительно хуже, чем краткие, выстроенные по принципу «одно предписание — санкция за его нарушение» (или: норма и ее ситуативные варианты). Восприятие регламента на слух — публичное его оглашение не только для членов корпорации, но и в масштабах всего города — было не просто хорошо известной в Реймсе традицией, но обязательной составляющей процедуры его утверждения, как и практика издания этих текстов в раннее Новое время¹⁶. Однако восприятие правил зависит от того, кто именно их слушает или читает. Перечисление изделий не будет монотонным и в силу этого малоосмысленным для ремесленников, которые их изготавливают, и купцов, кото-

¹⁴ AL 2: 337.

¹⁵ AL 4: 352.

¹⁶ Кириллова 2007а: 47–60.

рые ими торгуют. Напротив, для них каждое название (и каждое следующее слово) являлось *уникальным* и обладало собственной исключительной ценностью. Таким же образом соединение норм, не всегда понятное внешнему наблюдателю, скорее всего, воспринималось как логичное, закономерное и правильное теми, кого они непосредственно касались.

Каждая из обозначенных составляющих: формулировки правил, объем статей, в которых они изложены, соотношение кратких и пространных статей, последовательность представления правил, логика их изложения — влияли на восприятие регламентов как представителями власти, благоприятное впечатление которых способствовало скорейшему и положительному решению проблем, так и профессиональными сообществами. Соответственно, следует поставить вопрос об авторстве этих текстов. Можно высказать предположение о том, что сложные, пространные статьи создавались не коллективом рядовых членов профессионального сообщества, а узким кругом — должностными лицами корпорации. Они обращались к писанной традиции: более ранним собственным уставам, отдельным постановлениям для своей корпорации, уставам других профессиональных сообществ, как местных, так и из других городов (в Реймсе обычно из Парижа, но не только), общим для всего королевства регламентам ремесел и мануфактур. Такие практики хорошо известны как по прошениям мастеров и торговцев, решениям общих собраний корпораций, так и по архивным собраниям, сохранившим чужие уставы, тексты которых были знакомы корпорациям Реймса¹⁷.

История ремесленных и торговых корпораций с момента их появления в письменных свидетельствах и до самого конца их существования (во Франции их запретили в 1791 г.) представляет собой «перетекание» устных практик в письменные, которые первоначально использовались в исключительных случаях (персональных конфликтов, столкновения разных групповых интересов, массовых волнений), затем постепенно становились общепринятой практикой, все

¹⁷ Кириллова 2019: 80, 395–396.

более и более распространенной, но не столько поглощавшей новые для себя сферы жизни и деятельности ремесленников и торговцев, сколько усиливавшей свое присутствие в уже занятых ею областях. Единственно возможным способом существования и общественного признания для норм и обычаев письменные практики не стали и не могли стать, что можно подтвердить на конкретных примерах. Правила изготовления изделий, несмотря на многочисленные и детальнейшие предписания мануфактурной эпохи, не были никогда записаны таким образом, чтобы, следуя этим указаниям, рекомендациям и требованиям, их можно было бы выполнить от начала и до конца. Также неоднократно оказывалось, что профессиональное сообщество «всегда» (на протяжении некоего длительного времени) придерживалось обычаев, письменно не зафиксированных, о существовании которых внешнему наблюдателю становится известно лишь в ходе изучения судебных дел: как, например, об истинном размере вступительного взноса у изготовителей колбасных изделий Реймса в 1753–1754 гг. или о выборах должностных лиц у бочаров в 1730 году¹⁸. В какой-то момент истории конкретной корпорации такие неписанные традиции могли все же записать, объяснив эту необходимость именно тем, что их начинают регулярно нарушать — как правила о похоронах мастеров и мастериц у бочаров в 1738 г. или об обучении и вступительных взносах у ножовщиков в 1738–1739 годах¹⁹.

СРЕДНИЙ РЕМЕСЛЕННЫЙ УСТАВ В РЕЙМСЕ

Объемы уставов и количество вошедших в них статей весьма разнообразны, что могло зависеть от времени записи (более поздние — более подробные), внутрикорпоративных конфликтов (правила о должностных лицах корпораций, присяжных, дважды оказались зафиксированы в утвердивших уставы постановлениях бальи, а не в статьях самих уставов: у ткачей сукна в 1599 г. и булавочников в 1635 г.), споров с другими корпорациями и других обстоятельств. Две

¹⁸ Кириллова 2008, Кириллова 2022.

¹⁹ Кириллова 2007а: 133, 138.

эти величины (объемы уставов и количество статей в них) взаимосвязаны, но не всегда корреляция однозначна. 22 статьи устава ножовщиков 1739 г. почти в два раза больше 23 статей устава ткачей сукна 1599 г. и в полтора раза — уставов сапожников 1571 г. (21 статья) и стригальщиков сукна 1599 г. (тоже 21 статья). 12 статей устава мясников 1467 г. в полтора раза больше почти одинаковых по объему уставов 1571 г. — веревочников (13 статей) и пряничников (11 статей). Наименьший регламент Реймса с оригинальной разбивкой на статьи принадлежит кузнецам (1644 г.), в нем 11 статей. Среди таких, которые не имеют деления на статьи, но их можно установить по формальным критериям (деление на абзацы или *Item* в начале предложений): пять статей у кожевников и дубильщиков в 1535 г. и восемь у булавочников в 1635 г. Самый пространственный ремесленный регламент Реймса — устав столяров 1684 года — состоит из 58 статей, чуть меньше, 55 статей, включает устав изготовителей шелковых изделий 1600 года.

Средний ремесленный регламент в Реймсе XIII–XVIII вв. состоял из 24 статей. Хронология изменений за этот период представлена в Таблице 1, где указано также число дополнений к уставам.

ТАБЛИЦА 1. СРЕДНИЙ РЕМЕСЛЕННЫЙ РЕГЛАМЕНТ В РЕЙМСЕ

Век	Среднее кол-во статей в уставе	Наименьший устав, количество статей	Наибольший устав, количество статей	Количество уставов (и дополнений)
XIII в.	17	17		1
XIV в.	20	20		1
XV в.	20,33	12	25	3
XVI в.	21,82	5	40	22
XVII в.	26,41	11	58	17 (4)
XVIII в.	26,94	14	40	18 (7)
Итого:	24,39	5	58	62 (11)

Знание среднего размера устава позволяет составить более точное представление о нормативном регулировании и более корректно использовать подсчеты. Для Реймса действительно известно много нормативных актов, позволяющих изучать и статику, и динамику, но ранее подобные подсчеты историки не производили — впрочем, не только для Реймса. Самое, вероятно, удивительное, состоит в том, что даже для такого откровенно напрашивающегося на подсчеты источника, как «Книга ремесел» Этьена Буало (уникального сборника из условно 100 ремесленных и торговых регламентов Парижа XIII в.), их нет, и если кто-то из исследователей и занимался такими вычислениями, они остались в личных архивах и не были вынесены на суд специалистов²⁰.

Представление о среднестатистическом уставе не является игрой разума. Оно позволяет оценивать масштабы перемен при сопоставлении со следующими редакциями уставов. Изменение одного-двух правил говорит о живой реакции на происходившее, насущной необходимости скорейших корректировок, что наилучшим образом известно для сукноделов и изготовителей других шерстяных тканей, регулярно обновлявших свои регламенты (в Реймсе: 1292, 1340, 1572, 1599, 1618, 1625, 1634, 1657, 1664, 1666, 1700, 1710 гг.), но также и для других специальностей. Изменение 10–12-ти статей позволяет говорить о смене парадигмы. В первом уставе столяров Реймса 1524 г. было 16 статей, во втором,

²⁰ «Все эти регламенты кратки и немногословны», в отличие от более поздних — такой характеристикой ограничился первый издатель «Книги ремесел» Ж. Деппен (Depping 1837: lxxxiij). Средний парижский регламент меньше, чем в Реймсе: в нем около полутора десятков статей (среднее значение — ок. 13,5), однако для того, чтобы рассчитать это число более корректно, необходим углубленный источниковедческий анализ рукописей и регламентов, что позволит точнее определить и обосновать хронологию создания «Книги ремесел». Эти уставы были изначально разделены на статьи теми самыми *piéd-de-mouche*, что облегчает задачу, но она усложняется до сих пор нерешенной проблемой: какие именно тексты «Книги ремесел» и в какой редакции следует учитывать (Кириллова 2006; Bourlet 2015; Кириллова 2019: 63–74).

1567 г. (не сохранился), и в третьем, 1592 г. — уже 30. У булочников в 1561 г. — 17 статей, в 1743 г. — уже 40. В ремесленном уставе сукноделов и изготовителей шерстяной кисеи Реймса 1664 г. было 46 статей, а в составленном всего через два года, в 1666 г., мануфактурном регламенте этой корпорации — на четверть больше, 59 статей²¹.

Уставы купеческих корпораций Реймса объемнее ремесленных — 29,5 статей в среднем, а среднее дополнение к такому уставу включало 14 статей. Мануфактурные регламенты второй половины XVII–XVIII в., как общие для всего королевства, так и отдельные для разных отраслей и разных городов Франции, обычно были еще более пространными, а их статьи — более объемными.

Многократно упомянутые дополнения к регламентам по определению меньше среднестатистического устава, в них порядка 10 статей (среднее значение — 9,8). Например, в 1618 году было добавлено 14 статей к уставу суконщиков 1569 г., состоявшему изначально из 28 статей, в 1774 году — 16 статей к трем уставам сапожников и починщиков обуви 1571 г., суммарно включавшим 63 статьи (24+21+18). Однако подобные подсчеты являются непродуктивными и некорректными и могут выступать лишь в качестве рамочных. Дополнения нельзя механически добавлять к прежним уставам — это никак не простое сложение старого и нового, поскольку какие-то из прошлых установлений могли быть сохранены полностью или частично, другие — заменены или отвергнуты. При объединении профессиональных сообществ это фиксировали прямо и непосредственно. Заключительная статья регламента, утвержденного в 1704 г. для ставших единой корпорацией купцов-мерсье и суконщиков, гласит:

«регламенты, прежде созданные для двух объединившихся профессий,... будут исполнены в соответствии с их формой и содержанием в том, что не противоречит приведенным выше статьям»²².

²¹ А, например, устав амьенской суконной мануфактуры, тоже 1666 г., состоял из 248 статей (Recueil 1730. T. I: 218–272).

²² AL 2: 576–577. XIV ст.

Для объединившейся в 1767 г. корпорации сапожников и починщиков в 1774 г. королевским патентом был утвержден регламент, дополнивший их прежние уставы, который завершался XVI статьей о том,

«что прежние регламенты будут исполнены в соответствии с их формой и содержанием во всем, что не было изменено нашими настоящими» [постановлениями]²³.

Можно привести множество примеров того, как следует соотносить предписания регламентов и дополнений к ним. Сошлюсь на тех же сапожников и починщиков обуви, в уставах которых 1571 г. были традиционные статьи о вдовьем праве²⁴, и в дополнении 1774 г. тоже есть статья²⁵, в которой так же, как и в XVI в., было закреплено право вдовы заниматься ремеслом, как это делал ее покойный муж. В XVI в. требовали наличия в мастерской вдовы знавших ремесло работников, за действия которых вдова несла ответственность, а в XVIII в. о таких работниках нет ни слова, но вдовам запретили объединяться с кем-либо, кроме мастеров этого ремесла. Таким образом, две статьи прежних отдельных регламентов сапожников и починщиков были заменены на одну, а приведенное выше сложение 63+16 будет некорректным.

Увеличение объема предписаний как следствие большей их детальности гораздо более очевидно, если рассматривать историю разных ремесел, особенно когда хронологический разрыв составлял два–три столетия: как у мясников, столяров, булочников, шляпников, веревочников и др. Многие корпорации Реймса получили несколько регламентов, и хотя не все эти тексты сохранились (нет первых уставов слесарей 1566 г., изготовителей шелковых изделий 1582 г., бочаров 1596 г., кровельщиков 1607 г., аппретурщиков тканей 1687 г., вторых уставов столяров 1567 г., медников 1601 г., корзинщиков 1618 г.)²⁶, они несомненно заслуживают вни-

²³ AL 2: 248. XVI ст.

²⁴ Соответственно: AL 2: 257. [XV] ст.; 261. [XV] ст.

²⁵ AL 2: 247. VII ст.

²⁶ См. таблицу 1: Кириллова 2019: 76–78.

мания. Новые предписания почти всегда объемнее: в 1,5–2 раза в среднем (в 2,3 раза у мясников и булочников)²⁷, и даже в 3,5 раза, как у столяров (от 16 статей в уставе 1524 года к 58 статьям в четвертом их уставе 1684 г.).

Уменьшение объемов также возможно, и это не единичная практика, а скорее один из вариантов развития регламентации. Подобную тенденцию демонстрируют слесари, в уставе которых 1646 г. было 27 статей, а в 1708 г. — 22²⁸. Создателям регламента 1708 г., тем не менее, понадобилось неоднократно обращаться к болезненным для многих корпораций проблемам: монопольному праву на ремесло (VIII и XII ст.), качеству изделий (IX, XI, XIII ст.) и к таким, которые имели особое значение непосредственно для этого сообщества, как правила об изготовлении ключей (XIV, XV и XXI ст.)²⁹. У портных и старьевщиков за почти столетие с начала XVI до начала XVII в. (1628–1716 гг.) устав также уменьшился с 30 до 24 статей. Причина состояла в иной компоновке правил и принципиальном изменении их адресности: первый устав был почти дословно списан с парижского регламента 1583 г., второй был создан для Реймса, со знанием иных традиций, но без оглядки на них. Если для чистоты эксперимента взять 11 корпораций, история которых позволяет не обращаться к выяснению характера дополнений, а рассматривать именно первые и вторые / третьи уставы, то подсчеты для первых уставов периода XIII – начала XVIII в. и вторых / третьих середины XVII–XVIII столетий таковы: 18 статей в *среднем первом* регламенте и 31 статья — в *среднем новом*.

Все эти данные не могут быть рассмотрены автономно, в отрыве от содержания регламентов, поскольку, как уже было отмечено, следующие установления во многих случаях не отменяли, а дополняли предыдущие, даже когда об этом

²⁷ У литейщиков, которые не имели регламента до 1701 г., а второй устав получили в 1741 г., — т. е. «не знали» средневековых традиций профессионального регулирования, тенденция такая же: было 26, стало 39 статей, устав увеличился в полтора раза.

²⁸ Первый устав корпорации 1566 г. не сохранился и количество статей в нем неизвестно, что могло бы изменить картину.

²⁹ AL 2: 590–596.

не было сказано напрямую, что может быть предметом отдельных исследований.

ЛОГИКА ИЗЛОЖЕНИЯ ПРЕДПИСАНИЙ

Составители регламентов по-разному соединяли правила и выстраивали их порядок: одному сюжету могла быть отведена одна статья или несколько, необязательно последовательных. Например, в отдельную IX статью вынесено правило о плате присяжным за оценку шедевра в уставе медников 1701 г.³⁰, в то время как непосредственно о шедевре сказано в V статье, а между V и IX статьями находятся не имеющие отношения к шедевра предписания о правилах обучения ремеслу и качестве изделий. К вопросу о монопольном праве на ремесло составители этого устава возвращались *трижды*, в IV, X и XII статьях. Это важно для любого профессионального сообщества, но многим корпорациям было достаточно одной статьи: булочникам в 1561 и 1743 гг., шляпникам в 1570 г., ткачам полотна в 1581 г., седельщикам в 1592 г.,... пряничникам в 1708 г., портным в 1716 г., веревочникам и пуговичникам в 1736 г.

Приведенный пример — не единичный случай. Напротив, одной из самых типичных особенностей ремесленных уставов следует назвать то, что их составители могли *множественно* возвращаться к одному и тому же вопросу. Это не всегда наиболее болезненная для сообщества и послужившая причиной для записи устава проблема (как утверждение монопольного права на ремесло), а самые разные — требования к желавшему вступить в корпорацию, правила обучения, качество изделий, их досмотры и др. Такую проблему рассматривали не в нескольких последовательных статьях или одной объемной статье, а иным образом: когда логическое продолжение обнаруживается, например, в статье, записанной *через* несколько других по теме статей. Смысловые разрывы и потребность в повторах могут быть объяснены иной логикой составителей уставов и, прежде всего, конкретикой их мышления, их несклонностью к обобщениям, в ко-

³⁰ AL 4: 106–107.

торых они, вероятно, усматривали опасность недопонимания со стороны действующих лиц: полагая свои положение или обстоятельства иными, те могли считать, что ранее зафиксированные правила на них не распространяются.

Например, в уставе уксусоваров и изготовителей горчицы Реймса 1582 г.³¹ было *трижды* сказано о монополии на ремесло:

- отдельно об исключительном праве мастеров делать и продавать горчицу (X ст.),
- отдельно — о монополии на изготовление и продажу уксуса оптом и в розницу (XV ст.)
- и отдельно о монопольном праве мастеров покупать осадок, уксус и виноградный напиток (*rappée*), чтобы делать уксус (XVIII ст.).

Подчеркну, что закреплению исключительного права заниматься *этим* ремеслом за членами *этой* корпорации посвящены не только прямые предписания и запреты, но и многие другие нормы. К ним относятся правила об определении размеров изделий и иных критериев их качества (право устанавливать эти критерии), о преимущественном праве на приобретение необходимого для работы сырья, когда его привозят в город, о запрете подмастерьям (знающим *это* ремесло специалистам) наниматься на работу к кому-либо, кроме как к мастерам — членам *этой* корпорации, о признании обучения исключительно только у члена корпорации (как в своем городе, так и в прочих городах) и другие. Важнейшее место среди них занимало право досматривать и проверять качество всех изделий ремесла.

К обязательным досмотрам имевших отношение к этому ремеслу изделий, товаров и сырья в уставе уксусоваров обращались *пять* раз:

- никто не мог привезти в город и выставить на продажу горчичное семя, если его не досмотрят присяжные мастера (IV ст.);
- ни мастера этого ремесла, ни прочие не могли покупать горчичное семя, если прежде оно не было досмот-

³¹ AL 2: 315–318.

- рено присяжными, которые убедились в его качестве (V ст.);
- мастера должны предъявлять присяжным для досмотра всю свою работу, изделия, товары, инструменты (XI ст.);
 - никто не мог привезти в город золу от сожженного винного осадка (*cendres gravellés*, сырой поташ) и выставлять ее на продажу или везти в свой дом, если предварительно она не была досмотрена присяжными (XVI ст.);
 - никакой торговец из этого города или другого места не мог покупать такую золу, привезенную в Реймс, если она не была досмотрена присяжными (XVII ст.).

Всякое новое обращение к теме имеет другой объект рассмотрения и адресовано другим лицам, однако все эти предписания могут быть вполне логично объединены в одно-два правила: присяжные досматривают *все изделия и товары* этого ремесла, как сделанные местными мастерами, так и привезенные в город для продажи. Подобные формулировки в ремесленных и торговых регламентах Реймса встречаются регулярно. Например, в XXIII статье устава обивщиков мебели 1616 г.³² или в XVI статье устава купцов-мерсье 1639 года³³. Обобщение, тем не менее, не устроило до конца ни ту, ни другую корпорацию, и, соответственно, в XXVIII и XXI статьях их уставов³⁴ было *еще раз* сказано об обязательном досмотре всех привозных товаров. Объединение изделий, произведенных местными мастерами, и тех, которые привозят из других мест Французского королевства и из-за границы, в одну категорию стало удаваться, как свидетельствуют источники, благодаря мануфактурам. В новом уставе изготовителей шерстяной кисеи Реймса 1710 г. (это не мануфактурный, а обычный ремесленный регламент) в одном предписании были объединены все ткани — «привезенные или отправленные чужаками в этот город, чтобы быть там

³² AL 2: 449.

³³ AL 2: 578–579.

³⁴ AL 2: 450, 580.

проданными или выставленными на продажу, а также те, которые изготовлены в этом городе»³⁵.

В ряде случаев напрашивается вывод о нежелании составителей «затруднять» себя поиском обобщающих формулировок. Представлю в качестве примера предписания веревочников о досмотрах изделий местных мастеров и привозных изделий, как основной обязанности присяжных (Таблица 2). Первый устав эта корпорация получила в 1571 г., затем, начиная с середины XVII в. для них были приняты многочисленные предписания: 1636, 1647, 1674, 1685, 1689, 1697, 1700, 1712 гг. (их содержание неизвестно), что привело к утверждению в 1736 г. нового устава. Его объем увеличился при этом в два раза: от 13 до 26 статей.

ТАБЛИЦА 2.
СРАВНЕНИЕ ПРЕДПИСАНИЙ О ДОСМОТРАХ
В ПЕРВОМ И ВТОРОМ УСТАВАХ ВЕРЕВОЧНИКОВ РЕЙМСА

Первый устав 1571 г. (AL 2: 213–219)	Второй устав 1736 г. (AL 2: 214–217. Not.)
Мастера выбирали двух присяжных именно для проведения досмотров (<i>pour visiter les ouvrages ès maisons et boutiques desdits cordiers</i> : [I] ст.)	
Досмотры включены в клятву присяжных (<i>de bien et diligemment visiter les ouvrages dudit mestier</i> : I ст.)	Досмотры включены в клятву присяжных как в общем виде (<i>procèdes... aux visites tant générales que particulières</i>), так и в более подробном описании: «каковые досмотры будут производиться во всех домах и лавках всех мастеров веревочников и везде, где будет необходимо» (I ст.)
[III] ст. посвящена шедевр, как и предыдущая; [IV] ст. – обучению	Присяжные проводят два ежегодных досмотра «всех изделий мастеров и мастериц этого ремесла», чтобы обеспечить обществу наилучшие изделия (III ст.)

³⁵ AL 2: 230. XXIII ст.

Нет правил досмотра изделий, привезенных чужаками	«Присяжные мастера этого сообщества досматривают всю обработанную пенку, которую привезут в этот город в течение года, все изделия их ремесла, которые будут выставлены на продажу на ярмарках, которые проходят в этом городе»; определены плата за досмотр, право изъятия изделий, штраф и доля присяжных в нем, обязанность чужаков, которые привозят на ярмарки ³⁶ товары этого ремесла, предупреждать присяжных, чтобы те их досмотрели (<i>pour en faire la visite</i> : VIII ст.)
Нет экстраординарных досмотров	Присяжные имеют право проводить экстраординарные досмотры (<i>faire des visites extraordinaires</i>) у мастеров и мастериц этого сообщества в сопровождении сержанта, когда считают их необходимыми; а с разрешения бальи, генерального наместника полиции, также в сопровождении сержанта, могут устраивать досмотры (<i>aller en visite</i>) у тех мужчин и женщин, кто занимается ремеслом веревочников, работает с пенкой и конским волосом (XIV ст.)
Размеры некоторых изделий указаны в [VII], [IX] и [X] статьях	Первая часть статьи посвящена описанию размеров изделий (но не тех, что в первом уставе; и других статей подобного содержания нет); чужаки, которые привозят веревочные изделия в город, должны выставлять их на рыночной площади, предупредив присяжных, чтобы те их досмотрели (<i>avertir les jurez pour en faire la visite</i>), определена плата за досмотр (XVII ст.)
Нет правил досмотра изделий, привезенных мастерами	Мастер, который купит за городом веревки из лыка или луба, должен по прибытии известить присяжных для досмотра (<i>pour les visites</i>), плата — как в предыдущей статье (XVIII ст.)

³⁶ В раннее Новое время в Реймсе ежегодно проходили четыре ярмарки: Пасхальная, св. Магдалины, св. Ремигия и Королевская (AL 2: 153, 160. Not.; также: Histoire de Reims 1983: 111–112; Demouy 1992).

За прошедшие с утверждения первого устава полтора столетия усложнилось управление сообществом, выявили больше оснований для внутрикорпоративного и внешнего контроля. Составители нового устава были вынуждены предусмотреть следующие правила:

- для присяжных — уточнение их обязанности производить досмотры (у кого, с какой регулярностью, в каких местах; I ст.);
- для членов корпорации, мастеров и мастериц, — регулярные (III ст.) и экстраординарные проверки (XIV ст.), а также проверки изделий, привезенных ими из-за города (XVIII ст.);
- для горожан, занимавшихся этим ремеслом, но не являвшихся членами корпорации, также мужчин и женщин, — проверки с разрешения баляи (XIV ст.);
- для чужаков, которые привозили в город изделия ремесла, — проверки, когда товары выставляли на рыночной площади (XVII ст.);
- для всех, кто привозил в город обработанную пеньку, и для всех, кто собирался торговать на ярмарках, — также проверки и обязанность предупредить о своем прибытии присяжных (VIII ст.).

Суммарно *шесть* статей, *четыре* категории подконтрольных лиц, как изготовителей, так и торговцев, — в отличие от первого регламента, составителям которых хватило *одной* статьи и *одной* категории контролируемых — мастеров ремесла. Точнее, если следовать «букве» первого регламента 1571 г., досмотрам подлежали изделия этого ремесла (*les ouvrages dudit mestier*), и этого обобщающего определения было достаточно на протяжении полутора столетий для того, чтобы досмотры производились, а сложные ситуации, несомненно возникавшие в ходе таких проверок, решались. Если обратиться к аргументам, которыми веревочники обосновывали необходимость нового устава, то на первое место они поставили увеличение их корпорации, далее указали, что теперь их изделия более совершенны, затем вполне традиционно жаловались на тех, кто занимался в городе этим ремеслом — следовало бы добавить, «не вступив

в корпорацию», и можно предполагать, что подобная фраза была в прошении, но его текст не сохранился, а в его переказе от лица бальи такое выражение отсутствует³⁷.

К вопросу о досмотрах составители нового устава 1736 г. обращались неоднократно, но непоследовательно. Между указанными в таблице 2 статьями находятся другие, где рассмотрены следующие вопросы.

Между III и VIII статьями: обучение — шедевр — привилегии для зятя и сына мастера — вдовье право;

между VIII и XIV статьями: запрет иметь более одной мастерской — похороны мастеров — права старейшины — смерть присяжного — плата за открытие мастерской;

между XIV и XVII статьями: участие в покупке — найм подмастерьев — качество изделий.

Каким образом развивалась мысль составителей этого устава, остается неясным — точнее, следовало бы сделать вывод о неочевидных внешнему наблюдателю ассоциативных связях и элементе случайности. Однако проблема досмотров была более чем насущной и острой, если необходимость нового обращения к ней возникала по ассоциации со столь разными темами.

Уставы корпораций Реймса позволяют выделить в то же время группу вопросов, разъяснить которые обычно оказывалось достаточно *один раз*, что свойственно и ранним, и поздним регламентам. Это общие собрания, общие мессы и заупокойные службы, похороны мастеров и мастериц, выборы или назначение должностных лиц, отчет об общих средствах, обучение, выполнение шедевра, вступительные клятвы и взносы, найм подмастерьев, маркировка изделий. Такие правила могли быть записаны в одной или нескольких статьях, и обычно — в последовательных, без тематических разрывов между ними. Соответственно, неоднократные обращения к этим темам (как и к другим) могут быть *маркерами* внутрикорпоративных конфликтов, о которых может

³⁷ AL 2: 213. Not. 1.

быть известно из других источников, но таких свидетельств может и не оказаться.

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ УСТАВОВ

Изменение последовательности, в которой были изложены предписания, как и изменение самих предписаний или степени их детальности в новых уставах также представляет большой интерес. В качестве показательного примера представлю корпорацию пряничников.

В начале XVIII в. они заявляли о себе как о новом профессиональном сообществе, хотя эта корпорация существовала в Реймсе еще с 1571 г., когда 11 января бальи архиепископа Ж. Шевалье признал их самостоятельной корпорацией, отделившейся от булочников и кондитеров³⁸, а 9 ноября 1571 г. он утвердил первый их регламент³⁹. В 1707 г. пряничники обратились с просьбой утвердить составленные ими статьи в качестве регламента: 30 августа их одобрил бальи Реймса, 3 октября — городской совет, после чего они обратились к королю, который утвердил их регламент 30 марта 1708 г., разрешив им стать урегулированной корпорацией (*d'établir corps et communauté en jurande dudit mestier*)⁴⁰. Это небольшое сообщество, в 1571 г. включавшее всего семь мастеров, с достаточно узкой специализацией, и ранее я уже высказывала предположение, что их история действительно могла прерваться⁴¹. Этой цезуре нет иных подтверждений кроме того, что о своей прежней истории они не вспоминали и на прежний устав не ссылались. Однако они его *знали и использовали* при составлении новых статей, что следует не из порядка изложения правила, а из текстуальных повторов. Представлю сравнение статей, посвященных должностным лицам корпорации — присяжным, в Таблице 3, где полужирным шрифтом выделены отличающиеся слова и выражения (без учета особенностей написания слов), обычный шрифт

³⁸ AL 2: 219–220. Not. 1.

³⁹ AL 2: 220–223.

⁴⁰ AL 2: 223. Not. 1.

⁴¹ Кириллова 2007а: 128–129.

соответствует общему для двух уставов тексту; перевод приведен без такого разграничения.

ТАБЛИЦА 3.

СТАТЬИ О ПРИСЯЖНЫХ В УСТАВАХ ПРЯНИЧНИКОВ

Устав 1571 г.	Устав 1708 г.
<i>Premier</i>, devront eslire deux personnes dudit mestier pour être maistres jurez, qui auront le regard et visitation sur les ouvrages et marchandises d'iceluy mestier, qui seront tenus, ladite élection faite, comparoir pardevant nous à la première audience et plaidoirie qui se tiendra pour prester le serment de fidellement et dilligement exercer leur charge, à ce que leur règlement soit sincèrement gardé et observé, et des fautes qu'ils y trouveront en faire poursuites pardevant nous sans aucune exemption de personnes	VII. Seront éleus deux maîtres dudit métier, pour être jurés, pour faire les visites des ouvrages et marchandises d'icelui métier, qui seront tenus, ladite élection faite, de comparoir devant le bailly de l'archevêché de Reims, à la première audience et plaidoirie qui se tiendra, pour prêter le serment de fidellement et dilligement exercer leur charge, à ce que le présent règlement soit sincèrement gardé et observé, et des fautes qu'ils trouveront en faire poursuites pardevant lui sans aucune distinction
Прежде всего, должны быть избраны два представителя этого ремесла в качестве присяжных мастеров, которые будут осуществлять надзор и досмотр изделий и товаров этого ремесла, которые будут должны, после проведения этих выборов, предстать перед нами на первом же, какое состоится, слушании и заседании, чтобы принести клятву добросовестно и усердно выполнять свои обязанности, чтобы их регламент честно соблюдался и исполнялся, а нарушения, которые они там обнаружат, преследовать в судебном порядке перед нами без исключений для кого-либо.	VII. Будут выбраны два мастера этого ремесла в качестве присяжных, чтобы совершать досмотры изделий и товаров этого ремесла, которые будут должны, после проведения этих выборов, предстать перед балии архиепископства Реймса, на первом же, какое состоится, слушании и заседании, чтобы принести клятву добросовестно и усердно выполнять свои обязанности, чтобы настоящий регламент честно соблюдался и исполнялся, а нарушения, которые они там обнаружат, преследовать в судебном порядке перед ним без каких-либо различий.

Для устной культуры дословный повтор одних и тех же формулировок (формул или формульных выражений) важен, возможно, даже больше, чем повтор содержательный. Изменение порядка слов, использование синонимов и синонимичных выражений свидетельствуют скорее о письменных, а не устных традициях. В этом конкретном примере с очень незначительными изменениями текст повторяется дословно, что доказывает знание пряничниками своего первого устава. Содержание правил также подтверждает следование прежним традициям.

Во-первых, присяжных по-прежнему двое, а значит, состав корпорации остался примерно таким же (менее 20 мастеров). История ремесел Реймса знает немного примеров, когда корпорация меняла количество своих должностных лиц⁴², но исключать такую возможность не следует.

Во-вторых, их по-прежнему выбирали, причем обоих, что нехарактерно для XVIII в.: в это время присяжных обычно назначали «по списку», то есть по порядку приема в мастера.

В-третьих, завершает обе статьи фраза о беспристрастности мастеров — именно так им следовало выполнять обязанности присяжных. Формула «без исключений для кого-либо» известна и по другим регламентам, записанным при бальи Жорже Шевалье: у шляпников в 1570 г., изготовителей шерстяной кисеи в 1572 г. и в 1574 г. у кожевников, выделывавших лайковую кожу, изготовителей пергамена и перча-

⁴² В корпорации суконщиков и шоссетье (изготовителей шоссов — мужских штанов-чулок) в 1569 г. стало четверо присяжных (AL 2: 194–195. III ст.), а в предшествовавшем ей братстве св. Марии Магдалины их было только двое, поскольку в него входили только суконщики. В ремесленной корпорации изготовителей шерстяной кисеи было двое присяжных как в 1572, так и в 1710 г., но когда они вместе с сукноделами и изготовителями саржи вошли в состав мануфактуры, с 1666 г. по начало XVIII в., присяжных стало шестеро, поскольку они контролировали уже всех городских мастеров, занимавшихся изготовлением шерстяных тканей. У слесарей в середине XVII в. было двое присяжных (AL 2: 590. [I] ст.), а в 1754 г. корпорацию представляли трое присяжных (AL 2: 592. Not. 4), что свидетельствует о ее расширении, хотя постановления, утвердившего такое изменение, не сохранилось.

ток⁴³. Для последних это был первый и единственный устав; шляпники более не использовали такую формулу, ни в 1630, ни в 1700 г., а изготовители шерстяной кисеи дословно повторили ее в своем новом уставе 1710 года⁴⁴. Другие ремесленные регламенты Реймса в это время не содержат подобной формулы, подтверждая, что повторившие ее пряничники использовали свой прежний устав.

Четвертая характеристика должности прописана в, соответственно, [II] и VIII статьях уставов пряничников: присяжные выполняли свои обязанности два года, ежегодно половина их состава менялась — взамен присяжного, который уже проработал два года, корпорация выбирала нового. Эта традиция сформировалась в Реймсе с 70-х годов XVI в., хотя ей следовали не все городские сообщества⁴⁵; но она хорошо известна и для других городов королевства.

Далее в уставе 1708 г. пряничники почти дословно повторили правила шедевра (III и IV ст.), но не [IV] статью первого устава, а формулировки 1614 г., когда эта статья была заменена двумя новыми статьями (*que ledit article quatrième dudit règlement sera corrigé, et, au lieu d'iceluy, mis et adjouté les deus suivants*)⁴⁶. Изменено было только количество пряников, обязательных в качестве шедевра для обычного претендента на звание мастера, которых стало семь вместо восьми: по одному прянику весом в шесть, пять, четыре, три и два фунта и два пряника весом в половину фунта. Прежде был также пряник весом в один фунт⁴⁷.

Был повторен запрет для присяжных и всех прочих мастеров получать какую-либо плату за оценку шедевра, а для нового мастера — запрет устраивать пирушки, за что его могли лишить только что полученного звания мастера, а других участников пирушки — оштрафовать (соответственно,

⁴³ Кириллова 2007б, Кириллова 2016.

⁴⁴ AL 2: 229. VII ст.

⁴⁵ Кириллова 2007б: 473–477.

⁴⁶ AL 2: 221–222. Not. 1.

⁴⁷ В уставах 1571 и 1708 гг. самым большим был пряник весом в шесть (*six*) фунтов, а в постановлении бальи 1614 г. — в 10 (*dix*) фунтов, что, наиболее вероятно, является опечаткой.

[V] и IX статьи уставов). В XVIII в., как и ранее, оплата труда присяжных, оценивавших выполнение шедевра, была пространственной, общепринятой и одобряемой корпорациями практикой, и почти дословный повтор прежнего запрета, с изменением лишь размера штрафа, с четырех до шести ливров, вызывает удивление.

С одного до 10 фунтов воска вырос вступительный взнос ученика ([VII] и XI ст.), который за него вносил мастер, принимавший его в обучение. Увеличился штраф за прием нового ученика ранее, чем в последний (третий) год обучения предыдущего — с 32 парижских су до трех ливров и 15 су ([VIII] и XII ст.). Оба изменения вполне естественны для раннего Нового времени.

Незначительно были скорректированы предписания о досмотрах: присяжные будут «досматривать *продукты и товары этого ремесла* / пряники, которые чужаки привезут в этот город и его пригороды, *где* / и будут выставлены на продажу» ([IX] и XIV ст.; курсивом выделен более ранний вариант). В 1708 г. появилось уточнение о времени досмотров: теперь они были ограничены проведением ярмарок. Если сопоставить эти правила с предписаниями других ремесленных уставов Реймса, нельзя не отметить их лаконичность, что проявилось как в небольшом количестве правил (и статей), так и в отсутствии обращений к членам корпорации в разных их качествах и действиях (ср. с веревочниками выше), к горожанам, мастерам смежных специальностей (тем же булочникам и кондитерам). Конкуренция со стороны приезжих торговцев беспокоила пряничников только во время ярмарок, что в целом позволяет сделать вывод о благополучной экономической ситуации и широком рынке сбыта, что позволяло мастерам чувствовать себя в городе и его округе вполне уверенно.

Изменился подход к общим средствам корпорации. В XVI в. за них отвечали присяжные, отчитываясь перед новым присяжным в присутствии трех самых опытных мастеров. В XVIII в. персональная ответственность была возложена на старшего из присяжных, который при сложении своих обязанностей давал отчет второму присяжному в присутст-

вии двух опытных мастеров ([X] и XVI ст.). Оба регламента требовали незамедлительной передачи оставшихся денег новому ответственному лицу, что должно было предотвратить злоупотребления со стороны присяжных, как и в других корпорациях Реймса — у шляпников в 1570 году, слесарей в 1708 г. и др.

Угроза растраты общих денег, которая всегда серьезно воспринималась корпорациями, в уставе пряничников 1571 г. (и у ряда других сообществ: у изготовителей шерстяной кисеи в 1572 г., кожевников и перчаточников в 1574 г., колпачников в 1581 г., булавочников в 1635 г., столяров в 1684 г. и шляпников 1700 г.) зафиксирована как запрет использовать средства «на траты в тавернах», на банкеты и выпивку ([XI] ст.). В 1708 году пряничники установили ограничение в 10 ливров, свыше которых присяжный мог расходовать общие средства только по решению сообщества, под угрозой исключения этих расходов из счета корпорации и их возмещения из его личных средств (XVII ст.).

Новые правила, которые появились в XVIII веке:

- о составлении списка мастеров секретарем бальяжа (I ст.),
- об обязательной принадлежности каждого мастера к католической вере и его добропорядочности (II ст.),
- о незамедлительном приеме в мастера ученика, хорошо выполнившего своей шедевр (X ст.⁴⁸),
- об обязательном представлении учениками должным образом оформленных свидетельств об обучении (XIII ст.);
- о праве мастеров делать пряники любой формы, веса и размера, которые нельзя ничем посыпать (нонпарелью и др.), пока тесто не будет готово (XVIII ст.).

Нет необходимости проводить подобные сравнения для других статей этих регламентов и прочих первых — вторых — третьих уставов: будет много общего и много отличий,

⁴⁸ Здесь в тексте была допущена описка, на которую указал издатель: было ошибочно добавлено отрицание «не» (*ne*), что лишало право смысла (AL 2: 224. Not.).

обусловленных временем записи и обстоятельствами истории конкретных ремесел. Здесь проблема состояла в том, что корпорация позиционировала себя как новая, «не помнила» о прежних правилах, однако использовала их, почти дословно переписывая старый текст.

Последовательность представления правил в новых текстах не совпадает с порядком, в котором они представлены в прежних регламентах: это общая тенденция для самых разных специальностей. В то время как такое сходство легко прослеживается между хронологически близкими текстами.

Ранее мне удалось обнаружить⁴⁹ поразительное сходство композиции уставов, с совпадением даже номеров статей, почти дословный повтор формулировок для таких далеких друг от друга профессий как свечные мастера (устав 1733 г.) и пуговичники (1736 г.) — это ремесленные корпорации. Вторую пару составили регламенты бакалейщиков 1692 г. — купеческой корпорации и шляпников 1700 г. — ремесленной. Сходство наблюдается в первой половине уставов, в то время как начиная с их середины предписания приобретают уникальный характер. Составители этих текстов явно располагали копиями и образцами, которым следовали настолько, насколько полагали это удобным. Отдельные совпадения в формулировках статей обнаруживаются также и между этими двумя парами уставов, но их принципиально меньше, чем внутри этих пар, что вполне объяснимо временем их составления. Уточню, что эти четыре регламента не были записаны друг за другом, между ними в Реймсе были составлены и утверждены уставы других корпораций: дополнение к уставу бочаров 1700 г., два дополнения к регламенту суконной мануфактуры (о длине и ширине тканей и о досмотрах) тоже 1700 г., новый устав шляпников 1700 г., уставы медников и литейщиков 1701 г., аппретурщиков тканей 1703 г., купцов (объединившихся суконщиков и мерсье) 1704 г., уставы колпачников 1706 и 1735 гг., пряничников и слесарей 1708 г., изготовителей шерстяной кисеи 1710 г., добавление к уставу бочаров 1716 г. и устав портных того же 1716 г., устав монет-

⁴⁹ Кириллова 2007а: 201; Кириллова 2019: 80.

чиков 1725 г., дополнение к уставу каменщиков 1730 г., устав веревочников 1736 года.

Известны и другие подходы к созданию устава. Регламент поваров 1757 г.⁵⁰, первый для этой корпорации и один из самых поздних в Реймсе, содержит множество коротких статей с редкими для городской традиции формулировками и неординарными сочетаниями правил в статьях. Например, здесь есть отдельная VII статья о том, что один и тот же человек не может одновременно быть присяжным и сборщиком (ответственным за общую кассу корпорации, ему посвящены еще две статьи, VIII и IX). Правила о выборах присяжных разбиты на четыре короткие статьи (IV, V, VII, VIII), хотя обычно ограничивались одной. Требование о подтверждении работы подмастерья соответствующим сертификатом вынесено в отдельную XII статью, хотя обычно его объединяли с другими требованиями к подмастерьям, ученикам (их свидетельству об обучении) или к приему мастеров. Этот устав производит впечатление созданного «в вакууме», «впервые» в истории города, он выпадает из общепринятого и доминирующего порядка построения нормативных актов Реймса.

ОТ НАЧАЛА ДО КОНЦА

Первые ремесленные регламенты Реймса начинали с правил о *присяжных* — как у сукноделов в 1292 г., семи ремесел видама⁵¹, цирюльников и хирургов в 1463 г., кожевников и дубильщиков в 1535 г., булочников в 1561 г. и др., или о *приеме в корпорацию* — у мясников в 1467 г., столяров в 1524 г., аптекарей в 1552 г., сукноделов 1569 г. и др., что характерно для периода с конца XIII по конец XVI века.

⁵⁰ AL 4: 497–503.

⁵¹ Видам — сеньор, державший земли от епископства или аббатства при условии представлять и защищать интересы своего сеньора в его мирских делах. В разных документах называют от трех до девяти ремесел видама: живописцы, изготовители седел и шорники, вышивальщики, стекольщики, резчики по камню, медники, изготовители гребней для чесания шерсти и пеньки (Кириллова 2007а: 35–41).

Для уставов конца XVI — первой половины XVII в. характерна практика посвящать первые статьи *критериям качества изделий* (начиная с устава шорников 1581 г., за которыми последовали уксусовары в 1582 г., седельщики 1592 г., ткачи сукна 1599 г., изготовители режущих инструментов 1612 г., булавочники 1635 г.) и *монопольному праву на ремесло* (начиная с корзинщиков 1588 г., затем: красильщики 1588 г., изготовители шелковых изделий 1600 г., портные 1628 г.). В это время продолжали и прежние традиции, когда первые статьи отводились присяжным (каменщики 1625 г., слесари 1646 г.) или требованиям к мастерам (обивщики 1616 г., кузнецы 1644 г., столяры 1684 г., изготовители колбасных изделий 1685 г.).

Во второй половине XVII–XVIII вв. уставы начинали с правил о *ежегодной общей торжественной мессе и службе за упокой душ* умерших членов корпорации⁵². Эти тенденции не зависели от профессии или от того, являлся ли регламент первым в истории данного профессионального сообщества или вторым / третьим. Первым в Реймсе уставом, в начале которого было сказано о традициях братства, ежегодной торжественной службе и ежегодном поминовении членов корпорации, был регламент купцов-мерсье 1639 года. За ними последовали сукноделы в 1664 г. (и их же мануфактурный устав 1666 г.) и бакалейщики в 1692 г. — что позволяет определять эту тенденцию как связанную с купеческими, а не ремесленными сообществами, поскольку первую скрипку в истории сукноделов, изготовителей саржи и шерстяной кисеи Реймса в 1660-х годах играли именно купцы, а не ремесленники. Постепенно такой способ построения устава приняли другие профессиональные сообщества. У музыкантов Реймса в 1700 г. эти статьи находились еще не в самом начале устава⁵³ (II ст.), как и у аппретурщиков тканей в 1703 г. (II и III ст.), изготовителей шерстяной кисеи в 1710 г. (II и III ст.), свечных мастеров в 1733 г. (II и III ст.), пуговичников

⁵² Кириллова 2007а: 29; Кириллова 2019: 83.

⁵³ Archives Municipales et Communautaires de Reims. Fonds ancien. C. 805. Liasse 196.

в 1736 г. (II и III ст.). А шляпники в 1700 г., медники в 1701 г., литейщики в 1701 и 1741 гг., портные в 1716 г., монетчики в 1725 г., ножовщики в 1739 г., повара 1757 г. начинали свои регламенты именно с общих церковных служб. Для многочисленных в это время добавлений такая тенденция не характерна. Корпорации с долгой историей, получавшие новые уставы в XVIII в., статьи такого содержания по прежней традиции помещали в конце регламента: колпачники в 1706 и 1735 гг., слесари в 1708 г., веревочники в 1736 г., булочники в 1743 году.

При всей важности начальных и конечных позиций середина текста не менее существенна. В этом отношении регламенты исключительно разнообразны и единой линии — или нескольких — не выстраиваются.

Можно выделить предписания, последовательное изложение которых представляется, на первый взгляд, наиболее логичным: а) об обучении; б) выполнении шедевра; в) приеме в сообщество (уточню, что эти правила есть не во всех уставах). Такому порядку следовали сапожники и починщики обуви в 1571 г., колпачники в 1581 г., ткачи полотна в 1581 г., шорники в 1581 г., столяры 1592 г., изготовители шелковых изделий в 1600 г., изготовители режущих инструментов в 1612 г., обивщики в 1616 г., кузнецы в 1644 г., сукноделы в 1664 г., бакалейщики в 1692 году. Отчасти его придерживались столяры в 1524 г., уксусовары в 1582 г., книгопечатники в 1623 г., слесари в 1708 г., портные 1716 г., веревочники в 1736 г., повара в 1757 году. Но в большинстве уставов порядок изложения предписаний был другим. У сукноделов в 1292 г. о вступительной клятве нового мастера сказано значительно раньше, чем об обучении, и между этими нормами записаны совершенно иные: о качестве изделий, запрете сговора среди работников и их найме. В уставе цирюльников 1463 г. сначала сказано о экзамене, который должен выдержать новый мастер ([III] и [IV] ст.), и лишь после рассмотрения нескольких других сюжетов (монополия, добропорядочность мастера, качество работы, братство, вступительные взносы, запреты сманивать учеников и подмастерьев, работать в праздники, опять качество работы) —

об обучении ([XIV] и [XV] ст.). Мясники в 1467 г. прием и испытание нового мастера ([I] и [II] ст.) рассмотрели прежде, чем вступительный взнос ученика ([III] ст.; уточню, что у них не было никаких других правил об обучении). Во многих уставах требования к новому мастеру и / или к шедевру записывали принципиально раньше правил об обучении, не усматривая в этом никакого логического противоречия: у сукноделов в 1569 г., шляпников в 1570 и 1700 гг., веревочников в 1571 г., пряничников в 1571 и 1708 гг., корзинщиков в 1588 г., седельщиков в 1592 г., каменщиков в 1625 г., слесарей в 1646 г., столяров в 1684 г., изготовителей колбасных изделий в 1685 г., музыкантов в 1700 г., медников в 1701 г., литейщиков в 1701 и 1741 годах, аппретурщиков тканей в 1703 г., колпачников в 1706 и 1735 гг., изготовителей шерстяной кисеи в 1710 г., свечных мастеров в 1733 г., пуговичников в 1736 г., ножовщиков в 1739 г., булочников в 1743 г.

Вряд ли следует определять подходы составителей регламентов как противоречившие логике, поскольку они руководствовались иными соображениями: профессиональное сообщество состояло из мастеров, и требования к тому, кто собирался стать мастером, были самыми значимыми в этой системе отношений. Каким образом такой человек подходил к той позиции, которая давала ему возможность перейти на более высокий уровень: где, у кого, сколько и как он учился, набирался практического опыта и накапливал средства, чтобы выполнить шедевр и заплатить вступительный взнос — было менее важно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Составители королевских эдиктов XVI и XVII вв. хорошо представляли круг значимых для ремесленников и торговцев проблем, регулирование которых полагалось необходимым, но на государственном уровне содержание и конфигурация уставов не были регламентированы. Королевские эдикты обобщали опыт корпораций, к этому времени насчитывавший уже несколько столетий, и в сочетании с общими для всего королевства ремесленными и мануфактурными уставами, как и регламентами отдельных мануфактур, под-

тверждали его востребованность в новых условиях и для новых производств.

Изучение порядка предписаний в регламентах ремесленных и торговых корпораций Реймса позволило обнаружить ряд тенденций, обусловленных логикой внутреннего развития профессиональных сообществ этого города.

Первые статьи регламентов имели особое значение в плане восприятия этих текстов как представителями власти, так и всем профессиональным сообществом. В период с XIII по конец XVI в. уставы обычно начинали с положений о присяжных или требований к новым мастерам, в конце XVI – первой половине XVII в. — с критериев качества изделий или монопольного права корпорации на сферу своей деятельности, с середины XVII в., под несомненным влиянием авторитетных купеческих сообществ, — с ежегодных общих церковных служб.

Последовательность дальнейшего изложения правил выстраивалась составителями регламентов в соответствии с приоритетами, которые ими никогда не объяснялись, и говорить о них можно лишь с известной долей условности.

Была выявлена группа проблем, к обсуждению и регламентации которых составители уставов обращались многократно: требования к качеству изделий, их досмотрам, монопольному праву на ремесло. Специфической особенностью изложения этих сюжетов было наличие смысловых разрывов в представлении разных их аспектов, которые «всплывали», возможно, по ассоциации, после рассмотрения других вопросов. Здесь особенно ярко проявилась конкретика мышления составителей, несклонность к обобщениям, в которых они могли усмотреть опасность недопонимания со стороны мастеров, мастериц, подмастерьев...: полагая свои положение или обстоятельства отличными от предписанных, те могли посчитать, что именно на них правила не распространяются. Одновременно следует подчеркнуть, что благоприятная для некоторых корпораций среда (отсутствие конкуренции, широкий рынок сбыта) прослеживается в спокойном тоне предписаний их регламентов, отсутствии

повторных обращений к болезненным (для других) вопросам, наличии обобщающих формулировок.

Были выявлены общие для регламентов разного времени вопросы, рассмотрение которых выстраивалось противоположным образом: обычно их разъясняли однократно. Это общие собрания, общие мессы и заупокойные службы, похороны мастеров и мастериц, выборы или назначение должностных лиц, отчет об общих средствах, обучение, выполнение шедевра, вступительные клятвы и взносы, найм подмастерьев, маркировка изделий. Соответственно, неоднократные обращения к этим темам могут быть маркерами конкретных внутрикорпоративных конфликтов, даже если из других источников о них не было известно.

Собственная, не всегда очевидная для стороннего наблюдателя логика изложения, отсутствие склонности к обобщениям в сочетании с настойчивостью и исключительной дотошностью в решении сложных для конкретной корпорации и в конкретных обстоятельствах задач доказывают самостоятельность ремесленников и торговцев при составлении статей, которые они обсуждали на своих собраниях и представляли затем властям в качестве регламентов своих профессиональных сообществ.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

- Archives Municipales et Communautaires de Reims. Fonds ancien. C. 805. Liasse 196.
- AL 2 — Archives législatives de la ville de Reims / Publ. par P. Varin. 4 vol. P., 1847. Pt. 2. Statuts. Vol. 2.
- AL 4 — Archives législatives de la ville de Reims / Publ. par P. Varin. 4 vol. P., 1852. Pt. 2. Statuts. Vol. 4. Этот том многотомного издания архивных документов Реймса нумеруется в историографической традиции по-разному: как «третий том» (vol. 3) второй части этой публикации, имеющей общий заголовок «Статуты» (первый том вышел в 1844 г., второй — в 1847 г.), и как «четвертый том», в соответствии с номером, указанным на его титульном листе (vol. 4).

- Les métiers 1886 — Les métiers et corporations de la ville de Paris / Publ. par R. de Lespinasse. 3 vols. P., 1886. T. I: Ordonnances générales. Métiers de l'alimentation.
- Recueil 1730 — Recueil des reglements generaux et particuliers concernant les manufactures et fabriques du royaume. 4 vol. P., 1730.

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Кириллова 2006 — Кириллова Е.Н. «Книга ремесел» Этьена Буало: аутентичный текст или логика издателей // Средние века. 2006. Вып. 67. С. 28–55.
- Кириллова 2007а — Кириллова Е.Н. Корпорации раннего Нового времени: ремесленники и торговцы Реймса в XVI–XVIII веках. М., 2007.
- Кириллова 2007б — Кириллова Е.Н. След на воде // Искусство власти. Сборник в честь профессора Н.А. Хачатурян / Отв. ред. О.В. Дмитриева. СПб., 2007. С. 472–485.
- Кириллова 2008 — Кириллова Е.Н. Обычай: до, после и вместо регламента // Право в средневековом мире. 2008. Сборник статей / Под ред. И.И. Варьяш, Г.А. Поповой. М., 2008. С. 88–96.
- Кириллова 2016 — Кириллова Е.Н. «Без исключений для кого-либо»: клятва присяжных мастеров в Реймсе XVI века // Средние века. 2016. Вып. 77 (3–4). С. 282–292.
- Кириллова 2019 — Кириллова Е.Н. История ремесла во Франции XIII–XVIII веков: статья мастером. СПб., 2019.
- Кириллова 2022 — Кириллова Е.Н. Бочары Реймса в 1730 г.: новая система управления // ЭНОЖ «История». 2022. Вып. 8 (118). URL: <https://history.jes.su/s207987840022690-8-1/> (июль 2026). DOI: [10.18254/S207987840022690-8](https://doi.org/10.18254/S207987840022690-8).
- Россер 1999 — Россер Дж. Ремесленные гильдии и организация труда // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999. Т. 2. С. 142–156.
- Сванидзе 1967 — Сванидзе А.А. Ремесло и ремесленники средневековой Швеции. М., 1967.
- Bourlet 2015 — Bourlet C. Le Livre des métiers dit d'Étienne Boileau et la lente mise en place d'une législation écrit à Paris (fin XIIIe – début XIVe siècle) // Médiéval. 2015. 69. Travailler à Paris (XIIIe — XVIe siècle). P. 19–47.
- Demouy 1992 — Demouy P. Les archevêques de Reims et les foires (XIe–XVe siècles) // Actes des congrès de la Société des historiens

médiévistes de l'enseignement supérieur public, 19e congrès, Reims, 1988. Le marchand au Moyen Age. P., 1992. P.81-94. DOI: <https://doi.org/10.3406/shmes.1988.1533>.

Depping 1837 — *Depping G.-B.* Introduction de l'état du commerce et de l'industrie de Paris au XIIIe siècle // Réglements sur les arts et métiers de Paris, rédigés au XIIIe siècle et connus sous le nom du *Livre des métiers* d'Étienne Boileau / Publ. par G.-B. Depping. P., 1837. P. xix-lxxxvj.

Fagniez 1877 — *Fagniez G.* Etudes sur l'industrie et la classe industrielle à Paris au XIIIe et XIVe siècles. P., 1877.

Histoire de Reims 1983 — Histoire de Reims / Sous la dir. de P. Desportes. Toulouse, 1983.

Lespinasse 1879 — *Lespinasse R. de.* Introduction historique au *Livre des métiers* // Le Livre des métiers / Publ. par R. de Lespinasse et Fr. Bonnardot. P., 1879. P. I-CLIV.

Olivier-Martin 1938 — *Olivier-Martin F.* L'organisation corporative de la France d'ancien régime. P., 1938.

М.С. ПЕТРОВА

К ВОПРОСУ О ЧТЕНИИ ОДНОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ

ПЕСНЬ О ПОБЕДЕ
КОРОЛЯ ИТАЛИИ ПИПИНА В 796 ГОДУ

Аннотация: Статья посвящена аналитическому чтению ряда фрагментов эпической поэмы *Carmen de Pippini regis victoria a. 796*, составленной анонимным автором в конце VIII века по случаю подчинения правителя аваров Пипину (777–810), королю Италии. Отмечается, что поэма входит в группу тех стихов, которые принято называть «Каролингскими ритмами», что ее текст составлен упрощенным ритмическим (силлабо-тоническим) стихом, представляющим собой размеренное чередование ударных и безударных слогов, независимо от их долготы. Выявлены способы передачи автором радостного события победы Пипина. Делается вывод, что произведение могло восприниматься двояко: и как стихотворение, которое надлежало пропевать или декламировать, и как текст, предназначенный для прочтения.

Ключевые слова: поэма, чтение, Пипин, авары

В нашей статье речь пойдет о чтении эпической поэмы *Carmen de Pippini regis victoria a. 796*¹ (Илл. 1), составленной анонимным автором в конце VIII в. по случаю подчинения

¹ См. Holder-Egger (ed.) 1911. Наш перевод, выполненный по указанному изданию, см. ниже. Также см.: Duemmler (ed.) 1881: 116–117, где приведено другое название поэмы: *De Pippini regis victoria avarica*.

Илл. 1

Пипин, король Италии.

Копия, сделанная в X в. с оригинального изображения манускрипта Анналов Фульды (IX в.)².

² Изображение находится в открытом доступе; является общественным достоянием. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Pepin_of_Italy#/media/File:Pépin_d'Italie.jpg (февраль, 2026).

правителя аваров³ сыну Карла Великого Пипину (777–810)⁴,

³ Авары — кочевой народ центрально-азиатского происхождения, переселившийся в VI в. в Центральную Европу и создавший там государство Аварский каганат (VI–IX вв.), которое в период своего расцвета (562–823) занимало территории (полностью или частично) современных государств — Венгрии, Австрии, Словакии, Баварии, Польши, Украины, Чехии, Румынии, Хорватии, Сербии. Вражда между Карлом Великим и аварами началась в 782 году. Ее поводом послужило появление аварского войска на реке Эне (*Enns*). В 791 г. франки предприняли крупное контрнаступление против аваров, в котором участвовали и славянские отряды. В 795 году Хейрик, герцог Фриульский, разграбил аварский ринг и в конце года отправил захваченные трофеи в Ахен. Чуть позже, летом 796 года, франкские войска выступили двумя колоннами: одна, под руководством Карла Великого, овладела пограничными аварскими укреплениями в низовьях реки Рабы, другая, возглавляемая сыном Карла Пипином (см. ниже, примеч. 4), двинулась из Фриульской низменности и, достигнув верховьев Савы, захватила здесь аварский ринг. Пипин, разгромив аваров, захватил в плен и аварского кагана Тудуна (обращенного в христианскую веру годом раньше). Победа Пипина над аварами, будучи весьма ощутимым ударом для Аварского каганата, не только ускорила его крах, но способствовала дальнейшему расширению влияния Франкского королевства на востоке. См.: Curta 2021: 110–131; об аварах и каганате, см.: Walter 2018: 354–370 (sqq.).

⁴ Пипин, названный при рождении Карломаном (777 – 8 июля 810), король Италии с 781-го по 810-й год, был третьим сыном Карла Великого (ум. в 814 г.); вторым, рожденным королевой Хильдегардой (758–783). В четырехлетнем возрасте после крещения (781 г.) он был назван Пипином (вероятно, в честь деда Пипина [Короткого], основателя династии Каролингов); коронован в Риме папой Адрианом (772–795) на трон (завоеванного Карлом Великим) Лангобардского королевства, которым вместе с отцом правил с юных лет. В юном возрасте Пипин проявил себя как успешный военный лидер. В 786 г. он принял участие в походе своего отца против Тассилона, правителя Баварии; в 796 г. возглавил поход против Аварского каганата; совершил ряд набегов на герцогство Беневенто и успешный поход (в 810 г.) против венецианцев. В 806 году согласно воле Карла, выраженной в *Divisio Regnorum*, Пипин был утвержден в правлении Италией, а также после смерти Карла должен был получить большую часть Баварии и Alemannii. Но Пипин умер раньше своего отца. Сын Пипина Бернард был провозглашен Карлом королем Италии в 813 г., а его потомки составили самую продолжительную прямую мужскую линию Каролингской династии, поскольку находились у власти до XI в. Об этих событиях см.

разование там могли получить не только клирики, но и миряне. В связи с этим сочинение ритмических стихов было общедоступной формой народного творчества. Из Италии такая поэзия распространилась на земли франков, оказавшись понятной как грамотным дружинникам (подобным Ангельберту, автору «Стиха о битве при Фонтанете»⁸), так и местным клирикам. Однако повсюду она оставалась поэзией низовой и почитателями школьной учености с презрением отвергалась.

Основная масса таких стихов, написанных каролингскими авторами, относится к IX веку, так что рассматриваемый нами текст является одним из первых образчиков этого жанра. Будучи восхвалением короля Пипина, это стихотворение прославляет его победу над самым страшным, из граничивших с франками, варварским племенем — аvaraми. Имеющиеся в тексте грамматические ошибки и стилистические неточности позволяют приравнять эту поэму к народным балладам. Соединение жанра восхваления и народной формы было характерной чертой каролингской поэзии. Примечательно, что реминисценций из античных поэтических текстов в этом стихотворении нет, ибо они являлись достоянием учёных поэтов и не входили в круг чтения горожан и дружинников, образование которых ограничивалось лишь чтением Библии. Заимствования же из библейских текстов, напротив, встречаются, и они, как правило, используются автором поэмы весьма искусно. Сочетание авторского рассказа о победных событиях и прямой речи главных действующих лиц — здесь, поверженных аvarов, — также характерно для народной поэзии.

⁸ Duemmler (ed.) 1884: 138 sqq. Эта ритмическая поэма написана по поводу битвы при Фонтанете, которая произошла 25 июня 841 года между сыновьями Людовика Благочестивого. В ней участвовали, с одной стороны, армии Карла Лысого и Людовика Германского, с другой — войско их старшего брата Лотаря. Текст поэмы написан приверженцем Лотаря Ангельбертом, принимавшим участие в этой битве. Ее перевод, выполненный Б.Н. Ярхо, см.: ПСЛЛ 1970: 406–407. См. также: Godman 1985: 48–51.

Ниже мы обратим внимание на ряд сложных для прочтения мест оригинального текста не только в филологическом аспекте, но и в историческом.

Прежде всего, отметим, что такие варианты имен как Píppín (S. 5, v. 11–12)⁹, Pippinus (S. 8, v. 10)¹⁰ и Tarcán (S. 10, v. 25)¹¹, а также упомянутый выше отход от обычной структуры стиха не нарушают правильности стихотворной ритмической формы. Характерные для поэмы погрешности в орфографии, особенности синтаксиса и отход от общепринятых грамматических форм демонстрируют смешение разговорных выражений (коллоквиализма) и письменного языка¹² (S. 2, v. 11–16):

2. Multa mala iam fecerunt
ab *antico* tempore,
fana dei destruxerunt
atque monasteria,
vasa aurea sacrata,
*argentea, fictilia*¹³.

Так, ‘antico’ (S. 2, v. 12), произведенное от ‘anticus’, следует рассматривать как вульгаризм, поскольку в классическом латинском языке это слово пишется через ‘qu’ — ‘antiquus’ (хотя написание ‘anticus’ встречалось в архаическом периоде развития латинского языка). Примеры других вульгаризмов, где имеется смешение ‘c’ с ‘qu’ или ‘g’, также встречаются ниже: ‘plagare’ (S. 10, v. 27: ...et plagare munere) от ‘placo, -āre’; ‘crande’ (S. 15, v. 24: Qui conclusit regnum crande...) от ‘grandis, e’. Такие стихи, скорее всего, могли сочиняться и тут же записываться на слух. Поэтому

⁹ См. ниже.

¹⁰ См. ниже.

¹¹ См. ниже.

¹² Это имеет место и в “Versus de Verona”. См.: Duemmler (ed.) 1881: 120–122. Об этой поэме, см.: Godman 1985: 29–30.

¹³ Ср. 2 Тим 2:20: “...*vasa aurea et argentea, sed et lignea et fictilia*” (курсив наш. — М. П.) — «...сосуды... золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные» (здесь и далее цитаты библейских текстов приведены в синодальном переводе).

они считались уделом малообразованных писателей и читателей, и ценились меньше, чем высокая поэзия.

Возможно, по этой причине Теодульф Орлеанский, пишущий под влиянием Овидия элегическим дистихом, насмехается над ирландцами (скоттами), которым свойственно было пропускать звук 'с' или смешивать его с 'к' или 'g'. Действительно, если удалить букву 'с' из латинского 'scottus', получится 'sottus' — «тупица» или «идиот». Тем самым, буква 'с' является «спасительной» (*salvi*) для ирландцев, поскольку избавляет их от именованья «тупицами» (Theod. Carm. v. 168–174):

...Utque sit hic aliud, nil nisi Scottus erit
Cui si litterulam, quae est ordine tertia, tollas,
Inque secunda suo nomine forte sedet,
Quae sonat in 'caelo' prima, et quae in 'scando' secunda,
Tertia in 'ascensu', quarta in 'amicitiis',
Quam satis offendit, pro qua te, littera salvi,
Utitur — haud dubium quod sonat, hoc et erit.

...Может ли быть он иным? Он ведь всего только скотт.
Надо б ту букву отнять, что в азбуке значится третьей,
В кличке же злого врага будет на месте втором,
Первою в «Крыше стоит», и второю в слове «сКитаться»,
Третьей во «вскрыть» она, в «сроке» четвертой звучит.
Он опускает в речах ту букву; итак без сомненья,
Как сам себя он зовет, точно таков он и есть¹⁴.

Есть и другие лексические особенности. Среди таковых 'linteamina' (S. 3, v. 20) от 'linteamen, inis (n)' — слово, встречающееся в Вульгате и общее для отцов Церкви, обозначающее кусок полотна применительно к христианской одежде:

3. Vestem sanctam polluerunt
de ara sacratissima,
linteamina levitae
et santaemonialium
muliebribus tradita
suadente demone.

¹⁴ Пер. Б.И. Ярхо // ПСЛЛ 1970: 274.

Здесь же обратим внимание и на отсылки автора стихотворения к библейским текстам. В их числе S. 5, v. 11:

5. Rex *accintus* dei *virtute*
Pippin, rex catholicus,
castra figit super flumen
albidum Danubium,
hostibus accingens totum
undique presidia, —

что сопоставимо со строкой из Псалма (64:7): “Firmans montes in *virtute* tua, *accinctus* potentia” (...поставивший горы силою Своею, препоясанный могуществом...). Есть также и плеоназм (S. 8, v. 13: ‘depopulare populum’, имеющий место в Иудифи (3:3): “...omnes montes et colles et campi et armenta boum gregesque ovium et caprarum... in conspectu tuo sunt” — «Вот перед тобою и селения наши, и все места наши, и все нивы с пшеницею, и стада овец и волов... как будет глазам твоим угодно»), и аллюзия (S. 14, v. 18: “...in timore Domini”)¹⁵ на известное библейское пророчество о грядущем праведном правителе, Мессии, при котором на земле воцарится всеобщий мир.

Различные написания отдельных слов, зачастую ключевых, довольно часто встречаются в этой поэме. Например, ‘Avarorum’ (S. 6, v. 19), отличное от такового у Теодольфа Орлеанского в его «Песни...» (Carm. v. 45): “Ut veniunt *Abares*, Arabes Nomadesque venite...” («Как авары сдались, так сдавайтесь, арабы, номады...»¹⁶); ‘Cacane’ (Voc.) (S. 6, v. 21) и ниже ‘Cacanus’ (Nom.) (S. 10, v. 22), записанное иначе Эйнардом (Vita Kar. 13: “...regia kagani”).

6. Unguimeri satis pavens,
Avarorum genere,
regi dicens satis forte:
“Tu, *Cacane*, perдите!”
atque Catunae mulieri,
maledictae coniugi...

¹⁵ Ср. Ис 11:1–9.

¹⁶ Пер. Б.И. Ярхо // ПСЛЛ 1970: 271.

Слово 'Tarcan' (S. 10, v. 25), означающее высших должностных лиц при правителе аваров — тарканов — потребовало добавления 'primatibus', указывающего на то, что этот титул требовал разъяснения для предполагаемых читателей поэмы.

10. Audiens *Cacanus* rex,
undique perterritus,
protinus ascendens mulam
cum *Tarcan primatibus*,
regem venit adorare
et plagare munere.

Есть в поэме и грамматическая ошибка (S. 8, v. 14), связанная с неправильным выбором падежа. Так, первые три слова ('montes', 'silvas', 'colles') строки, обозначающие обстоятельство места, должны быть написаны в аблативе:

8. Adpropinquat rex Pippinus
forti cum exercitu
fines tuos occuparet,
depopulare populum,
montes, silvas^f atque colles
ponere presidia.

Традиционно, начав с благодарности Богу (S. 4, v. 5–8: *Misit deus Petrum sanctum, / principem apostolum, / in auxilium Pippini / magni regis filium...* S. 5, v. 11–12 — см. *выше*), автор переходит к рассказу и диалогу, который местами становится искусным и изысканным. Так, почтительная речь кагана, обращенная к победителю, изложена подобающим образом на правильном «книжном» языке (S. 11–12):

11. Regi dicens: 'Salve princeps!
Esto noster dominus!
Regnum meum tibi trado
cum festucis et foliis,
silvas, montes atque colles
cum omnibus nascentiis.

12. Tolle tecum proles nostras,
parent tibi obsequia,

de primatibus nec parcas,
terga verte acie:
colla nostra, proles nostras
dicioni tradimus’.

А похвала Пипину представляет собой характерную хвалебную песнь, содержащую в себе последовательные радостные восклицания, подходящие для публичного декламирования (S. 14–15):

14. Vivat, vivat rex Pippinus
in timore domini!
Avus regnet et senescat
et procreet filios,
qui palatia conservent
in vita et post obitum!

15. Qui conclusit regnum crande,
amplum, potentissimum,
quae regna terrae non fecerunt
usque ad diem actenus,
neque Cesar et pagani,
sed divina gratia.

Выбор слов и манера выражения автора напоминают здесь религиозные и литургические тексты (S. 15, v. 28: “Cesar et pagani...” — то есть римский император и сами римляне; S 16, v. 30–31: “Gloria aeterna patri, / gloria sit filio” — Вечная слава Отцу, слава и Сыну!), видимо ему хорошо известные.

Но как бы то ни было, этим ритмическим латинским стихом автор отмечает радостное событие победы Пипина, сына Карла Великого. Произведение могло восприниматься двояко: и как стихотворение, которое надлежало пропевать или декламировать, и как текст, предназначенный для прочтения.

БИБЛИОГРАФИЯ

Curta 2021 — *Curta F.* Nomadic Pastoralism in Central Europe? The First Avar Century // *The Long Sixth Century in Eastern Europe.*

- Leiden; Boston: Brill, 2021. P. 110–131 (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. Vol. 72).
- Duemmler (ed.) 1881 — De Pippini regis victoria avarica // MGH: Poetae Latini Aevi Karolini. T. I / Rec. Ern. Duemmler. Berolini: Ap. Weidmannos, 1881.
- Duemmler (ed.) 1884 — De Pippini regis victoria avarica // MGH: Poetae Latini Aevi Karolini. T. II / Rec. Ern. Duemmler. Berolini: Ap. Weidmannos, 1884.
- Godman 1985 — *Godman P.* Poetry of the Carolingian Renaissance. London: Duckworth, 1985.
- Holder-Egger (ed.) 1911 — Carmen de Pippini regis victoria a. 796 // Einhardi Vitae Karoli Magni // Monumenta Germaniae Historica: Scriptores Rerum Germanicarum in usum scholarum / Ed. U. Holder-Egger. Hannover: Hahn, 1911.
- Walter 2018 — *Walter P.* The Avars: A Steppe Empire in Central Europe, 567–822. Ithaca – London: Cornell University Press, 2018. P. 354–370.
- Гаспаров 1970 — *Гаспаров М.Л.* Каролингские ритмы // ПССЛ 1970. С. 402–414.
- Петрова 2005 — *Эйнхард.* Жизнь Карла Великого / Вступ. ст., пер. с лат, примеч., указ. М.С. Петровой. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.
- ПССЛ 1970 — Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков / Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек, М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1970.

Приложение

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР
ПЕСНЬ О ПОБЕДЕ КОРОЛЯ ПИПИНА В 796 ГОДУ

- 5 1. Ты, о Христос, отпрыск Божий,
Кто создал все народы,
земли, источники, реки, горы,
Кто дал [Свой] образ человеку,
10 и в последние времена обратил аваров
[к истинной вере].
2. Много зла принесли они с давних пор,
разрушив святилища Божии и монастыри,

а также священные сосуды,
15 из золота и серебра, [и] утварь.

3. Они осквернили святые покровы
священных алтарей,
20 а льняные облачения диаконов и монахинь
по наущению дьявола
отдали своим женщинам.

5 4. Бог послал святого Петра,
первейшего из апостолов,
на помощь Пипину,
сыну великого короля [Карла],
10 чтобы он сопровождал его и войско франков в пути.

5. Король Пипин, поддерживаемый силой Божией,
христианский король,
15 разбив лагерь над Дунаем, светлой рекой,
повсюду расставил скрытые засады против врагов.

6. Гунн Унгвимер из аварского рода,
объятый страхом
20 выступил вперед и молвил [своему] королю:
«Ты, Каган, повержен!»,
и Катуне, его проклятой жене...

7. «Ваше царствование подошло к концу,
более вы не будете править,
5 уже все ваше королевство перешло к христианам,
разрушенное Пипином,
христианским князем!

10 8. Король Пипин приближается
с сильным войском,
чтобы занять твои пределы и истребить твой народ,
15 чтобы разместить свои укрепления на горах,
холмах и в лесах.

9. Вставай скорее.
Бери с собою щедрые дары.
Поклонись королевскому скипетру,
дабы хоть немного продлить свою жизнь.
20 Предложи ему золото и жемчуга,
дабы не предал он тебя смерти».

10. Когда каган, их правитель, услышал это,

его объял ужас.

Он тут же воссел на мула вместе
с знатнейшими тарканами и отправился
почтить короля и умиловить его дарами.

11. И сказал он королю [Пипину]:
«Приветствую тебя, князь, будь нашим господином!
Я вручаю тебе свое королевство,
каждую его травинку и лист:
его леса, горы и холмы вместе с тем,
что на них растёт.

12. Возьми себе наше потомство,
позволь им услужить тебе,
не отвергай моих знатнейших,
поверни обратно своё войско.
Мы отдаём на твоё усмотрение наши головы
и потомство».

13. Мы же, верные христиане,
возблагодарим Бога,
утвердившего власть нашего короля
над всем гуннским королевством
и даровавшего нам победу
над племенами язычников.

14. Да здравствует король Пипин,
[в Духе] страха Господнего!
Пусть, правя нами, он состарится и станет дедом,
и породит сынов,
которые будут беречь его дворцы при его жизни
и после кончины!

15. Ведь он выстроил королевство великое,
обширное и могущественное,
таких королевств до настоящего дня
не рождала земля,
не создавали языческие [римские] цезари,
но лишь по Божия милость.

16. Вечная слава Отцу, слава и Сыну!

*Перевод с латинского
М.С. Петровой*

Ю.Я. Вин

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПОЛИМОРФИЗМ СРЕДНЕВЕКОВОГО ВИЗАНТИЙСКОГО ПИСЬМА

ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ*

Аннотация: Идентификация автографов некоторых византийских писцов убеждает в существовании так называемого полиморфизма. Он присущ их манере письма благодаря индивидуальным особенностям греческого написания. Соответствующий термин подразумевает явные морфологические изменения и отличия письма профессионального писца или любого другого человека. Обоснованием такого утверждения служат как теоретические доводы палеографов и почерковедов, так и наблюдения над письмом рукописей и документов. Они позволяют говорить о том, что отождествление письма остается сугубо субъективным процессом. С этих позиций палеография требует привлечения всех изучаемых данных, обеспечивая комплексный подход к проводимому исследованию. В нем специальные палеографические приемы изучения письма должны необходимым образом правомерно сочетаться с общенаучными методами. Это касается как работы писца над книгой, так и написания документов. Анализируя индивидуальные особенности средневековых образцов греческого письма, приходится помнить о его полиморфизме.

Ключевые слова: полиморфизм, индивидуальные особенности, византийское письмо, греческая палеография

* Автор благодарит Отдел рукописей ГИМ за любезное разрешение публиковать иллюстративный материал. Автор выражает глубокую благодарность за помощь в работе над этой статьей Д.Е. Кондратьеву и В.З. Григорьевой.

Доказательства на этом пути
не найдешь — могут быть лишь
те или иные впечатления,
«качество» которых напрямую зависит
от «глаза» и опыта исследователя.

Б. Л. Фонкич

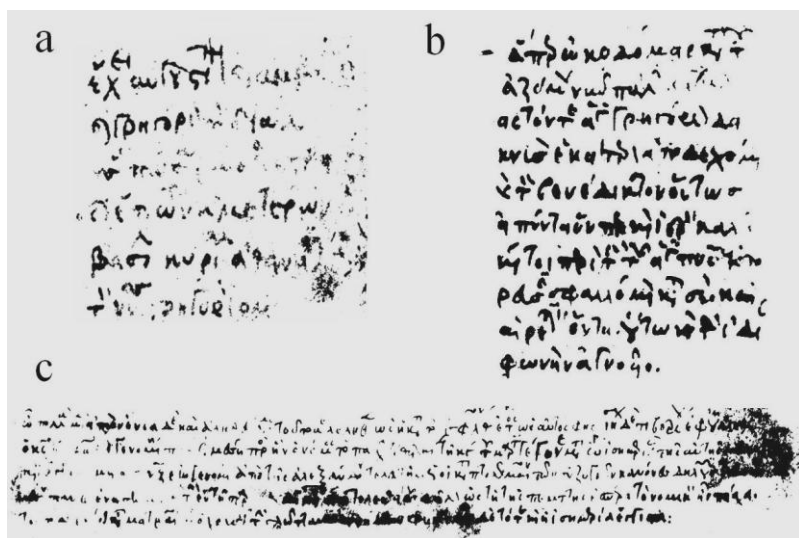
Одним из наиболее удачных для автора этих строк оказалось отождествление писца ряда маргиналий в одной из наиболее востребованных греческих рукописей из собрания ГИМ. Имеется в виду «Сборник сочинений против латинян» второй половины XIII в. (Влад. № 240)¹. Автором немногочисленных и преимущественно кратких маргиналий признан Димитрий Кидонис². Наверное, нет нужды сейчас характеризовать личность и деятельность этого довольно известного византийца. Безусловно, его рукописное наследие, автографы и сделанные Димитрием Кидонисом маргиналии, как и писцы его круга, всегда интересовали специалистов, что доказывает творчество как Б.Л. Фонкича, так и его коллег³. Однако стоит пояснить — сравнительная краткость выявленных записей и особенности их внешнего вида и размещения на полях рукописи оставляют впечатление нерелевантности этих маргиналий другим образцам письма Димитрия Кидониса, что побуждает ставить вопрос о полиморфизме средневекового греческого письма (Илл. 1).

Указанный термин восходит к греческому прилагательному *πολύμορφος* в его основном лексическом значении «многообразный», «разнообразный». В наши дни термин «полиформизм» получил достаточно широкое распространение и проник в научный обиход специалистов, представляющих самые различные отрасли знаний, начиная с биоло-

¹ Владимир (Филантропов) 1894: 314–319. Также см.: Фонкич, Поляков 1993: 87.

² Владимир (Филантропов) 1894: 314–319; Фонкич, Поляков 1993: 87.

³ Фонкич 1983: 11–12, 15–17; Фонкич 2014: 393–398; Fonkič 2014: 399 etc.; Fonkič 2002: 243 etc. Также, например, см.: Бруни 2018: 19–30.

Илл. 1

Димитрий Кидонис. Маргиналии.
ГИМ. Рукопись. Влад. гр. № 240.
а. Л. 24 об.; б. Л. 54 л.; с. Л. 237 л.

гии, химии, минералогии и завершая информатикой. И всякий раз этот термин истолковывается столь специфичным, применительно к сферам его приложения, образом, что не может быть сведен к какому-либо одному определению. Однако за разнообразием истолкований подразумевается главное — явные морфологические отличия описываемых явлений и результатов их действия. Таким образом, палеография смело может принять этот термин для характеристики видоизменений общего вида письма профессионального писца или любого другого человека. Как правило, такой вопрос встает в процессе отождествления письма идентифицируемого писца и его автографов. Именно эта сущность письма, наблюдаемая при его отождествлениях, побуждает размышлять о причинах полиморфизма в данной отрасли знаний.

На этот счет, надо признать, Б.Л. Фонкич оставил довольно ясные указания. Прежде всего, следует отметить суждения ученого о том, что без тренированного «глаза» спе-

циалиста идентификация им писцов путем сличения их письма невозможна⁴. И в этом мнении Б.Л. Фонкич целиком и полностью совпадает с убеждениями зачинателей науки о почерковедении, которая уже на ранней стадии ее развития была адаптирована к решению практических задач криминалистики. Как говорил один из корифеев почерковедения, Э. Озенбрюгген, рассматривая задачи по сличению почерков, «вообще способность к этому следует предполагать у таких людей, которые почти ежедневно призваны к тому, чтобы тщательно наблюдать и разбирать чужие почерки»⁵. Уже на начальной стадии возникновения научного почерковедения, когда утверждается выполнение так называемой «каллиграфической экспертизы», была отмечена вариативность почерков⁶. Тогда Е.Ф. Буринский, предрекая научному почерковедению большое будущее, вслед за одним из своих предшественников указывал на необходимость давать объяснения «уклонениям и видоизменениям» почерков⁷. К слову сказать, зачинатель отечественной криминалистики отводит видную роль в становлении почерковедения историку, который-де «протянет руку» почерковеду. Е.Ф. Буринский называет науку о почерках «великой пособницей»⁸.

В свою очередь, Б.Л. Фонкич, читая много лет лекционный курс по греческой палеографии и кодикологии, неоднократно проводил различие между почерковедением и палеографией средневекового письма. По словам ученого, палеографу необходимо особенно внимательно относиться к общему характеру письма и его наклону вкупе с использованием отдельных элементов письма⁹. Вместе с тем определяя важнейшую задачу палеографа в различении индивидуальных особенностей письма квалифицированных средневековых книгописцев, Б.Л. Фонкич заострял внимание на том, что они

⁴ Фонкич 2012: 28, 90, 171.

⁵ Osenbrüggen 1867: 186–193, bes. S. 191; Озенбрюгген 1867–1868: 79–86, особ. с. 84.

⁶ Швец 2006: 2 и далее.

⁷ Буринский 1903: 177–190, особ. с. 178–179, 186.

⁸ Буринский 1903: 186 и далее.

⁹ Фонкич 2012: 39.

неизбежно следовали каллиграфическому канону того стиля, в рамках которого писцы работали. Именно эта черта характеризует книжную культуру Средневековья и последующих столетий, позволяя исследователям относить создателей рукописной книги к определенным книгописным школам. Принадлежность к ним обуславливала в названную эпоху при копировании книг нивелирование индивидуальных особенностей письма отдельных книгописцев¹⁰.

Как известно, если не большинство, то многие специалисты, характеризуя минускульное письмо, на передний план выдвигают индивидуальные особенности письма, выраженные в начертании отдельных букв или их отдельных лигатур, которые предопределяют слитность письма. Это качество письма позволяет выделять на основе анализа отдельных его элементов стили письма и описывать их типологические свойства и стилевые особенности. В частности, особенное внимание уделяется написанию отдельных букв. Исходя из этого характеризуются особенности каждого стиля. Ввиду слитности минускульного письма его называют «авторским», что предполагает возможность установления также индивидуальных особенностей письма, которое ныне все называют «почерком»¹¹.

Надо сказать, что в своем лекционном курсе Б.Л. Фонкич изредка прибегал к обыденному примеру узнавания лица другого человека, его давнего знакомого, несмотря на возрастные изменения физиогномических черт. В докомпьютерную эпоху подобное сравнение процедуры узнавания человека, конечно, обладало некоей убедительностью. Даже в наши дни, когда разработаны программные средства распознавания не только письма, но и человеческих лиц, столь простое обращение к исконной природе человека не утрачивает своей значимости. Программные средства, включая нейронные и нечеткие нейронные (нейро-нечеткие) сети, действуют на основе алгоритмов, ориентированных на определенные пространственные точки. Говоря другими словами, подобные инновационные подходы противопоставле-

¹⁰ Фонкич 2012: 24–25.

¹¹ Андреев, Герд 2022: 189–198, особ. с. 189–190, 193 и далее.

ны исконной человеческой природе. Благодаря ей со младенчества человек постигает окружающий его мир через образы. Собственно говоря, палеограф, неизменно, независимо от времени его жизни, то есть срока, на каковой специалист отстоит от изучаемой рукописи, и его квалификации, в первую очередь, воспринимает рукописный текст в его образном представлении. И только затем, обретая доказательную базу для своих заключений, исследователь переходит к идентификации письма по его признакам и элементам.

Такова сущностная посылка к изучению полиморфизма греческого письма, с которой в своей работе так или иначе сталкиваются все палеографы. Для них не секрет, что нередко письмо на первых и последних листах рукописи, написанной даже одним писцом, выглядит несколько иначе. На этом сказывается и длительный срок написания рукописи во много приемов на протяжении недель, и дефицит писчего материала, и цвет чернил, хотя подобные вопросы затрагиваются далеко не всегда¹². Нередко каллиграфичное письмо в начале рукописи мало-помалу сменяется сжатыми его формами. Равным образом влияет на внешний облик письма его расположение на листе, а также размещение букв на строке и наличие выносных линий и знаков. В некоторых рукописях заметны устремления писцов уплотнить письмо путем сжатия изображений букв, написания их над строкой, а иногда пропуска букв. Безусловно, на внешнем облике текста сказывается систематическое использование лигатур и связанного написания букв в слове. В то же время маргиналии, в особенности, если они многочисленны и пространны, оказываются написаны более мелким размером или видоизмененным письмом. Те или иные признаки полиморфизма письма можно найти в различных греческих рукописях, а в некоторых из них изменения письма обретают непреложный самобытный вид.

По сути аналогичного подхода в отношении средневекового византийского письма придерживается Б.Л. Фонкич. Согласно его точке зрения, греческой и славянской культуре эпохи Средневековья и последующих столетий свойственно

¹² Подробнее см.: Мокрецова и др. 2003.

явление, когда профессиональный писец, как рассказывает ученый, помимо своего обычного почерка обладает и другим, или даже несколькими почерками, применяя их в повседневной деятельности «по мере надобности». При этом подчеркивается, что писцы древних книг и документов владели почерками различных стилей. Соответственно, наряду с торжественно каллиграфическим письмом рукописей, которому профессиональный копиист, как правило, обучался специально, для каждодневных записей он использовал обыденное, «простое» письмо¹³. Сам Б.Л. Фонкич убедительно продемонстрировал это на примере автографов Михаила Триволиса, известного большинству из нас под именем Максима Грека¹⁴. Многолетние наблюдения палеографа удостоверяют его выводы относительно правомерности изучения «обыденных» и «специальных» почерков. Иначе говоря, Б.Л. Фонкич противопоставляет каллиграфичное книжное письмо и написание торжественных актов, с одной стороны, с другой — «простое» письмо обычных документов¹⁵.

В этом смысле характерно письмо одного из ярких представителей византийской книжности — Никифора, митрополита Критского и проректора кафедры Лакедемонии, как его характеризует собственноручная вкладная запись 1312 г. в четвероевангелии-апракос XI–XII вв. в конволюте с довольно обширным приложением второй половины XIII – первой половины XIV вв. (Влад. гр., № 12). Сама эта запись была частично опубликована еще Владимиром (Филантроповым), полностью ее воспроизвел Б.Л. Фонкич, а затем он издал также факсимиле этой вкладной записи¹⁶. Самой личности обосновавшегося в Мистре митрополита Никифора, владельца библиотеки и организатора скриптория, посвящены достаточно многочисленные исследования, или, по крайней мере, разрозненные ссылки. Правда, их сведения весьма про-

¹³ Фонкич 2012: 37–38.

¹⁴ Фонкич 1997: 57–58.

¹⁵ Фонкич 2012: 53.

¹⁶ Владимир (Филантропов) 1894: 12–13. Также см.: Фонкич, Поляков 1993: 25–26. Факсимиле вкладной записи митрополита Никифора см.: Древности 2004: 16.

тиворечивы в определении сроков жизни и деятельности Никифора¹⁷.

Обращение к указанному автографу Никифора обретает принципиальную значимость при рассмотрении письма другой рукописи, известной под названием «Василия Великого 56 бесед и посланий» (Влад. гр. № 131). Она написана также, по всей видимости, в первые десятилетия XIV в. тремя писцами (I. Лл. 1 об. – 5 об., 29 об. – 90 об., 187-214; II. Лл. 6-29; III. Лл. 91-186 об.). Их письмо обладает общими стилевыми чертами, отображающими принадлежность к общей школе или скриптории. Одним из писцов, несомненно, основным, являлся, с большой долей вероятности, Никифор Мосхопул¹⁸. Его письмо идентифицируется согласно воспроизведению образца 1311 года¹⁹.

Без сомнения, допустимо утверждать лишь то, что все три писца работают в тесном сотрудничестве. Написанные разными писцами главы не разделены, один завершает свою работу, другой — продолжает. Никифор Мосхопул написал большую часть рукописи, три фрагмента, включая начало и значительную часть в ее завершении. Судя по всему, Никифор выступал организатором рукописных работ. Конечно, невозможно сказать, участвовал ли самолично Никифор в разлиновке пергаменных листов, но он, по всей видимости, имел прямое отношение к созданию заставки и инициала не только в начале рукописи, а также оглавлению отдельных разделов. По крайней мере, там встречаются исправления и маргинальные пометы. Правда, из-за сходства индивидуальных особенностей письма трех писцов и цвета чернил решать вопрос об авторстве редакции однозначно не удастся. Да и цвет чернил, использованных основным писцом,

¹⁷ Зверев, Попов 2004: 414. Там же см. основную литературу.

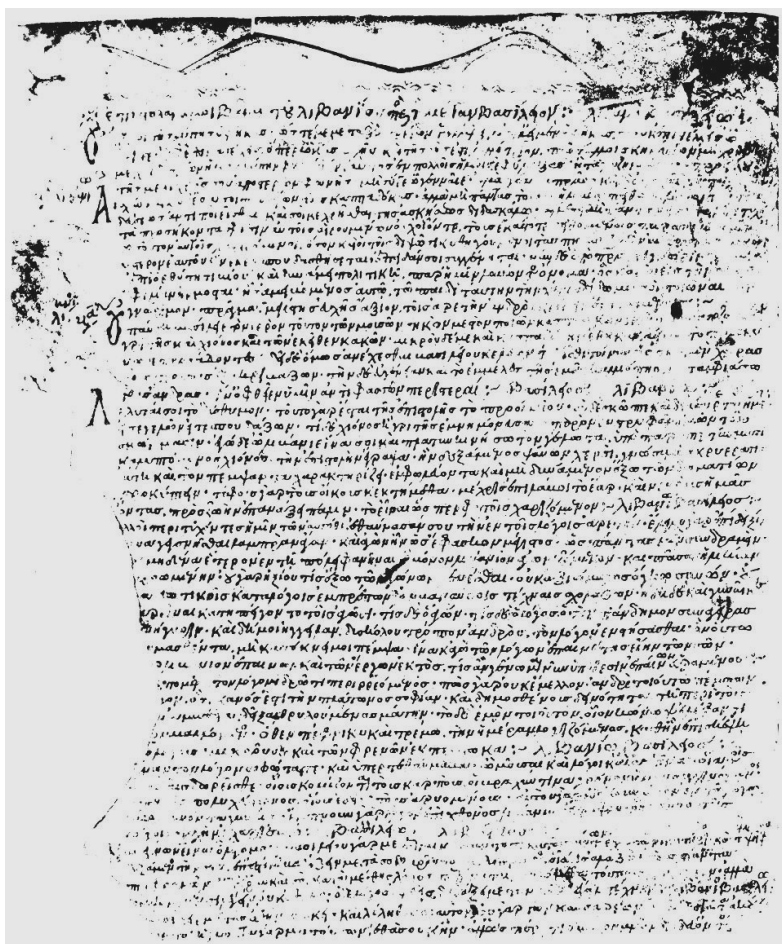
¹⁸ Владимир (Филантропов) 1894: 126–127. Также см.: Фонкич, Поляков 1993: 57.

¹⁹ См.: Turin 1972b. Pl. 88. Составитель альбома предлагает положительную атрибуцию фрагмента рукописи библиотеки Малатестиана в Чезене (Италия), содержащей поэму Гомера «Одиссею»: Cese-na, Bibl. Malatestiana, ms. D.XXVII.2. Fol. 8 r. Подробнее см.: Turin 1972a: XXXI, 113 etc.

меняется от черных и коричневых до серых и светлобурых, что усугубляет трудности его отождествления в виду очевидного полиморфизма написанного им текста.

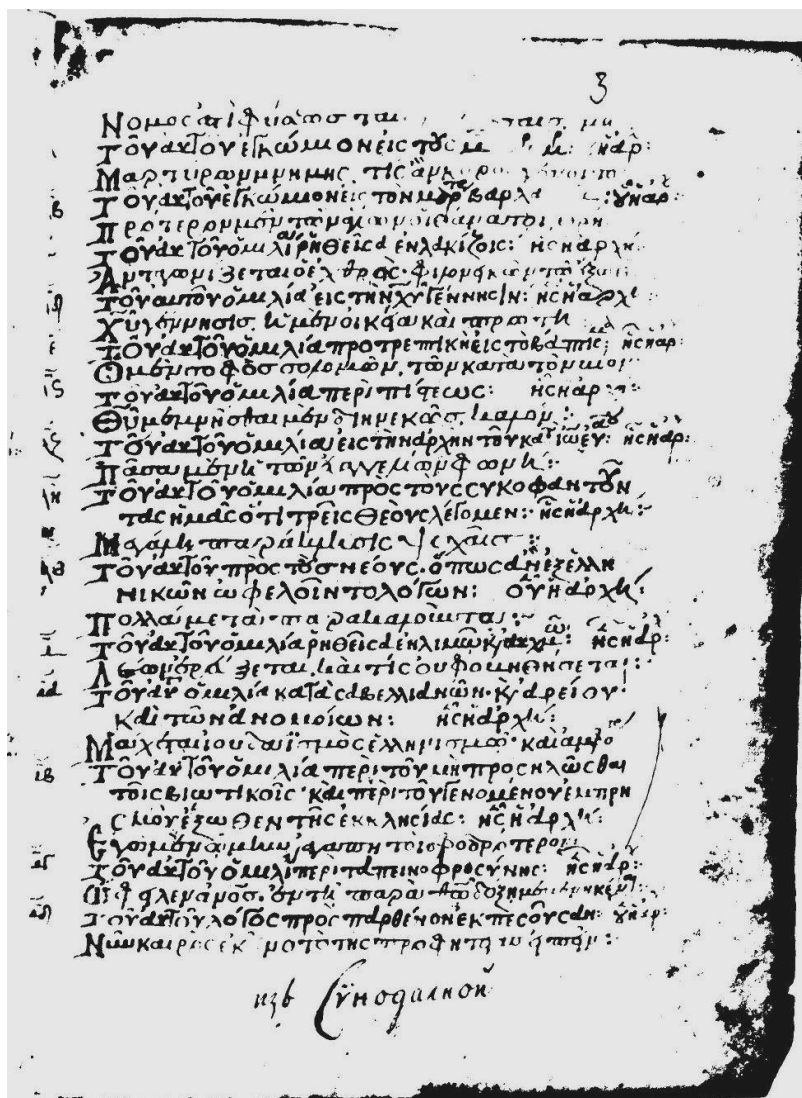
О глубокой внешней разнице письма Никифора Мосхопула, собственно говоря, наглядно свидетельствует уже первый разворот изучаемой рукописи (лл. 1 об. – 2). Предполагаемое письмо Никифора Мосхопула на указанных листах явно отличается не только от его вкладной записи 1312 г. в четвероевангелии-апракос (Влад. гр., № 12), но и письма анализируемой рукописи (Влад. гр. № 131). Изначально она открывалась, наверное, листом 2, где писец приступил к составлению пинакса (оглавления) с перечнем основных глав и разделов книги. И этот лист резко контрастирует как с первым листом рукописи (л. 1 об.) (Илл. 2), так и всеми другими фрагментами, написанными первым писцом. На л. 2 писец стремится к каллиграфичности, прибегая к нарочито выписанному воспроизведению текста (Илл. 3). Его вполне оправданно отнести к так называемому «палеологовскому подражательному стилю» (*Palaeologan Mimetic Hands*), восходящему, как известно, к так называемому «перлшрифту» (*Perlschrift*). Однако уже на последующих листах заметны постепенно нарастающие отклонения от искусственно каллиграфических написаний отдельных букв и их лигатур (Илл. 4). Их упрощенные элементы оказываются более привычны для писца. И потому он обращается к рукописным формам, в общем-то того же самого стиля, но к более обиходным написаниям (Илл. 5). Нет сомнения лишь в том, что текст на л. 1 об., будучи написан в обыденном стиле, был добавлен на заключительном этапе работы над рукописью ее организатором. Он, судя по всему, посчитал, что изложение писем Либания к Василию Великому послужит в качестве своеобразного Введения к творениям отца церкви.

Сейчас же важно отметить, что второй фрагмент текста, написанный основным писцом, в большей степени стереотипен (Илл. 6), нежели его третий фрагмент. Здесь первая часть текста, вплоть до л. 192 об. написана более крупным размером, а затем заметно измельчается, правда, сохраняя свои, весьма схожие, графические формы (Илл. 7). Писец переходит

Илл. 2

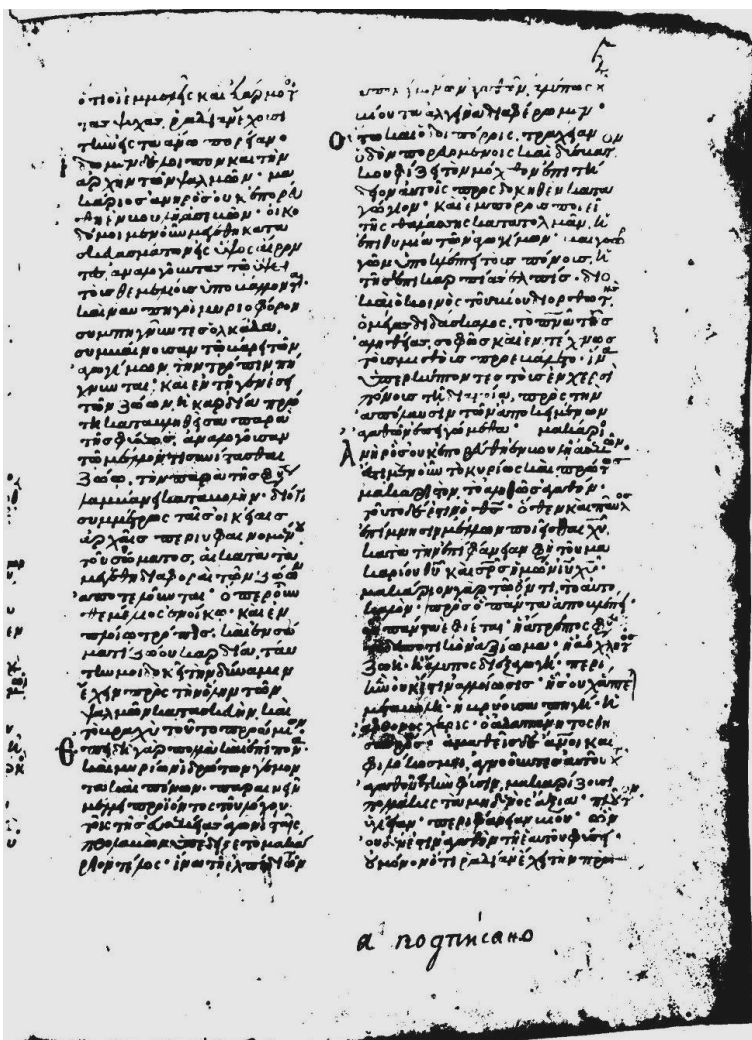
Никифор Мосхопулос.
ГИМ. Рукопись. Влад. гр. № 131. Л. 1 об.

Илл. 4

Никифор Мосхопулос.

ГИМ. Рукопись. Влад. гр. № 131. Л. 3 л.

Илл. 5

Νικηφόρ Μοσχόπουλος.

ГИМ. Рукопись. Влад. гр. № 131. Л. 5 л.

к более привычным для него вариантам письма. Его в этой части рукописи допустимо сопоставлять с некоторыми образцами известной школы письма, сложившейся при константинопольском монастыре τῶν Ὁδηγῶν²⁰. Названный стиль письма, превратившись в один из основных образцов книжного письма, несомненно, вступил в полосу наибольшего распространения в последующие десятилетия XIV века. Тогда писцы рукописей, придерживавшихся этого стиля письма, оставили множество прописей отдельных букв и их лигатур, судя по технике их выполнения, генетически восходящих к предшествующему периоду²¹. Без какой-либо категоричности этого утверждения хотелось бы сослаться на ранее опубликованные примеры начала второй четверти XIV века²².

Для общей характеристики изучаемой рукописи следовало бы также отметить неравномерное уплотнение письма основного писца. В наибольшей степени наполнен текстом л. 1 об., который буквально испещряют 50 строк. В оглавлении на л. 2 насчитывается 33 строки, а на последующих листах первого фрагмента 40–42 строки. Что касается основных фрагментов текста первого писца, при примерно равной площади текста во втором фрагменте уместается примерно 41–43 строки на листе, а третий фрагмент содержит порядка 40 строк на листе. Сами по себе подобные данные, конечно, не определяют успешной идентификации писцов, но могут стать посылкой изысканий в этом плане. В особенности, если они дополнены анализом стиля письма и его идентифицирующих признаков, не только особенных, но и типичных написаний букв и лигатур.

К слову сказать, задачи объективации таких характеристик в их совокупности оправдывают применение технических средств, таких как нейронные сети. Они, безусловно, могут способствовать эффективности анализа письма. Во-

²⁰ Подробнее см.: Janz s.a. Там же указана основная литература.

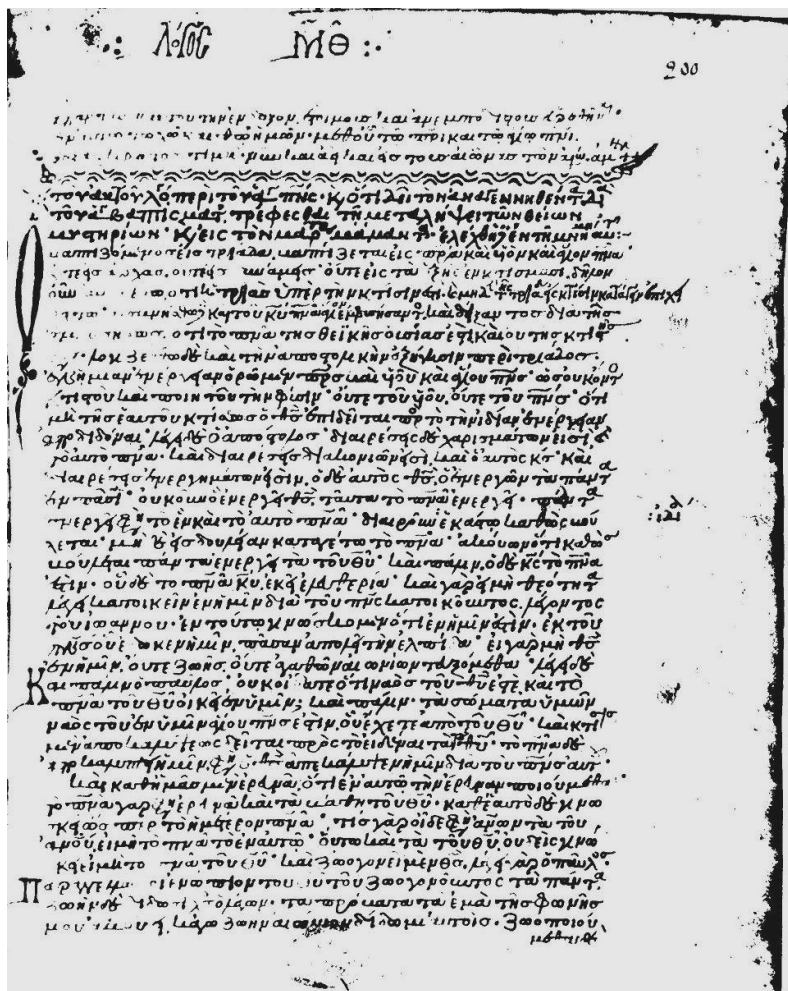
²¹ Подробнее см., например: Gioffreda 2020: 3, 12, 18, 45 etc.

²² Ср.: Turin 1972b.: Pl. 136 (1327); также см.: Ibid.: Pl. 142 (1330). Соответственно см.: Turin 1972a: XXXIII, 164–166; также см.: Ibid.: P. XXIII, 176–177.

прос применения нейронных сетей для анализа письма действительно назрел. Но эффективность использования нейронных сетей оправдывается только в приложении к так называемым «биг-данным», а не разрозненным образцам письма или оформления рукописей.

Пока же отождествление письма остается сугубо субъективным процессом. И это подтверждают приводимые варианты письма первого писца изученной рукописи. Несмотря на видимые изменения общего облика письма, его конкретные черты остаются однотипны (Илл. 8). Это позволяет связывать все три фрагмента с именем Никифора Мосхопула. Конечно, сторонний специалист, ознакомившись с представленными здесь образцами письма, может поставить под сомнение все три фрагмента, приписываемые Никифору Мосхопулу. В особенности, если сравнивать публикуемые образцы письма, например, заключительные листы изучаемой рукописи (Илл. 9), с письмом вкладной записи Никифора Мосхопула. В конце концов, намного легче, чем обратное, доказывать принадлежность рассматриваемых фрагментов рукописи различным писцам одной школы письма, профессионально подражавшим друг другу. Находя вполне убедительные примеры расхождений отдельных прописей, вероятно, позволительно также рассуждать о полиморфизме письма. Тем не менее изменчивость общего вида письма анализируемых частей манускрипта не отменяет предлагаемую атрибуцию в силу сходства конкретных написаний как типологических образцов букв и их лигатур, так и их специфичных модификаций. Общность манеры письма выявляется особенно ясно при последовательном просмотре указанных фрагментов рукописи. И вывод, проистекающий из этих наблюдений, отмечает какие-либо допускаемые сомнения в том, что письмо Никифора Мосхопула наделено всеми признаками полиморфизма.

Рассматривая проблему полиморфизма, нельзя пройти мимо документального наследия. В полной мере сказанное относится ко второй половине XIV в., когда в ряде афонских актов упоминается Феодосий Плакас. Атрибуция этого лица

Илл. 8

Никифор Мосхопулос.

ГИМ. Рукопись. Влад. гр. № 131. Л. 200 л.

сразу же стала предметом обсуждения среди издателей актов²³. Именно так он назван в одной из первых его сигнатур, которая известна в кутлумушском акте афонского прота Саввы 1369 г.²⁴. Однако уже в акте 1371 г. того же прота, если следовать содержанию колофона Феодосия Плакаса, юридическую силу составленного тогда документа удостоверяет своим именем монах и старец²⁵. Позже имя Феодосия Плакаса упомянуто в числе свидетелей ряда последующих документов. В одном из них, акте дарения монаха Иосифа Каматоса (1376 г.), надо подчеркнуть, монах, свидетельствуя, слишком нарочито уточнял, что он-де является «старцем протата», тогда как в двух других, соответственно актах прота Герасима (1375 г.) и прота Харитона (1376 г.), сигнатуры Феодосия Плакаса поставлены без данного дополнения²⁶. Как полагают издатели ватопедских актов, опираясь на сравнение подписей в указанных документах, под тем же самым именем существовал, якобы, некий другой монах²⁷. И этот второй Феодосий Плакас противопоставлен первому словно его «двойник»²⁸.

В действительности, ни одна из подписей Феодосия Плакаса в четырех ватопедских документах не позволяет произвести какой-либо достоверной и однозначной идентификации, поскольку указанные колофоны по своему внешнему виду довольно далеки друг от друга для того, чтобы беспечно их отождествлять без дополнительной атрибуции (Илл. 10). Вместе с тем было бы опрометчиво отказываться от сопоставления колофонов. Ведь подписание документов происходило, вероятно, в самых разных жизненных обстоятельствах, которые вызывали полиморфизм письма. Он мог быть спровоцирован и общей обстановкой подписания

²³ Об атрибуции носителей имени Феодосий Плакас, см.: *Actes de Prôtaton* 1986: 158; *Actes de Kutlumuş* 1988: 100, 365–366; *Actes de Docheiariou* 1984: 249; *Actes de Saint-Pantéléémôn* 1982: 82.

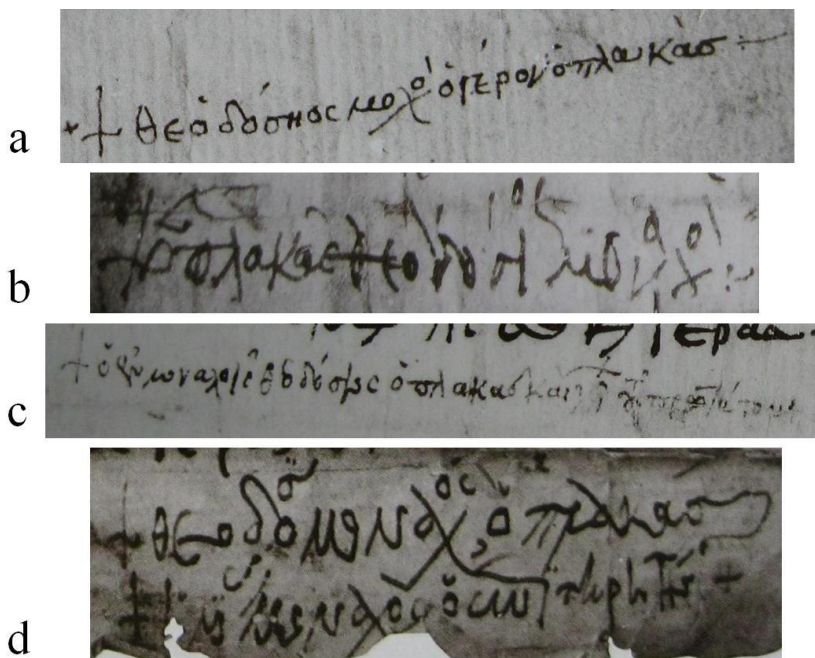
²⁴ *Actes de Kutlumuş* 1988: № 25.28.

²⁵ См.: *Actes de Vatopédi. Texte* 2006: № 138.16.

²⁶ См.: *Actes de Vatopédi. Texte* 2006: № 151.26. Также см.: *Ibid.* № 143.14; № 153.34.

²⁷ См.: *Actes de Vatopédi. Texte* 2006: 473.

²⁸ Подробнее см.: *Actes de Vatopédi. Texte* 2006: 370, 388.

Илл. 10

Феодосий Плакас. Колофоны.

Акты Ватопедского монастыря.

a. № 138 (1371); b. № 143 (1375); c. № 151 (1376); d. № 153 (1376)

перечисленных актов, и состоянием писчего материала, и точкой пера-каламаса. Можно допустить, что некоторые документы свидетели подписывали не своим каламосом, а пером писца. Наконец, влияние могло оказать расположение колофонов на листе каждого из подписанных актов. В этой связи нельзя исключать также предположения о том, что ясно читаемая подпись монаха Феодосия Плакаса на документе 1375 г. (ватопедкий акт № 143) является более поздним подновлением (предположительно XV–XVI вв.) колофона, затертого на сгибе бумажного листа, где просматри-

ваются лишь начальные знаки, крест и некоторые буквы оригинальной записи²⁹. И потому возникает закономерный вопрос о том, действительно ли отмеченные документы скреплены подписями различных лиц, носивших одно и то же имя? И прежде, чем это утверждать, как неоспоримую истину, желательно узнать, что препятствует видеть в названном Феодосии Плакасе монаха, кто стал, в конце концов, к 1378 г., епитиритом (букв. «смотрителем»), заметным должностным лицом в системе самоуправления монашеской республики³⁰. В любом случае, и для названного монаха, или для его предполагаемого тезки, сделанные из-за его возможной немощи, с одной стороны, с другой — ввиду изменения его статуса, различные по форме подписи, в первую очередь, подтверждают сословную принадлежность к монашеству в составе старшей возрастной группы. Это могло стать причиной расхождений подписей, но все сказанное само по себе оказывается недостаточным для того, чтобы судить о реальном возрасте «старика»³¹.

Словом, если игнорировать проблему полиморфизма, описывая колофоны Феодосия Плакаса, следует говорить не о двух носителях этого имени, как предлагают французские исследователи, а доводя логику их суждений до абсурда, о четырех разных лицах. Если это так, надлежит признать, что подпись Феодосия Плакаса 1371 г., резко уходящая вверх, свидетельствует о том, что ее поставил «оптимист», тогда как его двойники в конце жизни, судя по колофонам, будто бы антиподы, отличались «пессимизмом». Как бы то ни было, речь идет не об опровержении мнения французских коллег, а необходимости правомерного сочетания в исторических изысканиях сугубо палеографических приемов изучения письма с общенаучными методами.

²⁹ Actes de Vatopédi. Album 2006: Pl. LXXVI, LXXXb), XCII, XCIV.

³⁰ Ср.: Actes de Docheiariou 1984: № 46.24. О статусе эпитирита подробнее см.: Actes de Prôtaton: 1986: 155–159.

³¹ Уместно предположить, что Феодосий Плакас, выступив в статусе «старца» на рубеже 60-х–70-х годов XIV в., тогда достиг 60-летнего возраста. Подробнее см.: Вин 2023: 329–350.

Подводя итог, нужно признать, что палеография сама по себе, увы, не всесильна и требует привлечения всех изучаемых данных, тем самым обеспечивая комплексный подход к проводимому исследованию. Если идет речь о работе писца над книгой, созданной в известном скриптории, безусловно, следует обращаться к другим копиистам, чьей рукой и пером была написана рукопись. Если в центре внимания оказывается какой-либо документ, то надо изучать работу канцелярии, в которой он был создан, и привлекать сведения о должностном и социальном статусе писца. В любом случае, всякий раз, анализируя индивидуальные особенности образцов средневекового греческого письма, приходится помнить о его полиморфизме.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев, Герд 2022 — *Андреев А.А., Герд Л.А.* Греческое письмо в IV–XV вв. Общий обзор // История письма от Античности до Нового времени. Очерки по эпиграфике, палеографии и дипломатике / Сост. В.Г. Вовина-Лебедева; отв. ред. А.В. Сиренов. М.; СПб., 2022. С. 183–198.
- Бруни 2018 — *Бруни А.М.* К изучению автографов Димитрия Кидониса: палеографические наблюдения над кодексом *Vat. Gr. 609* // Палеография, кодикология, дипломатика. Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. Мат-лы междун. научн. конференции в честь 80-летия д.и.н., чл.-корр. Афинской академии Б.Л. Фонкича. Москва, 27–28 февраля, 2018 г. М., 2018. С. 19–30.
- Буринский 1903 — *Буринский Е.Ф.* Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею. СПб., 1903.
- Вин 2023 — *Вин Ю.Я.* Старость не радость: документальные свидетельства о старости и старцах в средневековой Византии // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28. № 6. С. 329–350.
- Владимир (Филантропов) 1894 — *Владимир (Филантропов), епископ.* Систематическое описание рукописей Московской Си-

- нодальной (Патриаршей) библиотеки. М., 1894. Ч. 1. Рукописи греческие.
- Древности 2004 — Древности монастырей Афона X–XVII вв. в России. Из музеев, библиотек, архивов Москвы и Подмосковья. Каталог выставки 17 мая – 4 июля 2004 года. М., 2004.
- Зверев, Попов 2004 — *Зверев А.С., Попов И.Н.* Мистра // Православная энциклопедия. М., 2017. Т. 45. С. 412–421. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2563378.html?ysclid=msvi9fih6258584859> (август 2026).
- Мокрецова и др. 2003 — *Мокрецова И.П., Наумова М.М., Киреева В.Н. и др.* Материалы и техники византийской рукописной книги (по реставрационной документации Государственного научно-исследовательского института реставрации) / Отв. ред. Б.Л. Фонкич. М., 2003.
- Озенбрюгген 1867–1868 — *Озенбрюгген Э.* Сличение почерков // Юридический вестник. 1867–1868. Кн. 2. С. 79–86.
- Фонкич 1983 — *Фонкич Б.Л.* Заметки о греческих рукописях советских хранилищ // Памятники культуры. Новые открытия, 1981. Л., 1983. С. 11–27.
- Фонкич 1997 — *Фонкич Б.Л.* Две палеографические заметки к изданию актов Кастомонита. Новые автографы Иоанна Евгеника и Максима Грека // *Фонкич Б.Л.* Греческие рукописи документы в России в XIV – начале XVIII в. М., 1997. С. 57–59.
- Фонкич 2012 — *Фонкич Б.Л.* О современных методах исследования греческих и русских документов XVII века. Критические заметки. М., 2012.
- Фонкич 2014 — *Фонкич Б.Л.* Московский автограф Димитрия Кидониса // *Фонкич Б.Л.* Исследования по греческой палеографии и кодикологии, IV–XIX вв. / Отв. ред. М.А. Курышева. М., 2014. С. 393–398.
- Фонкич, Поляков 1993 — *Фонкич Б.Л., Поляков Ф.Б.* Греческие рукописи синодальной библиотеки. М., 1993.
- Швец 2006 — *Швец С.В.* История отечественного почерковедения // Общество и право. 2006. № 1 (11). С. 1–44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-otechestvennogo-pocherkovedeniya> (сентябрь 2025).
- Actes de Docheiariou 1984 — Actes de Docheiariou. Texte / Éd. dipl. par N. Oikonomidès. Paris, 1984.
- Actes de Kutlumus 1988 — Actes de Kutlumus. Texte / Nouv. éd. dipl. par P. Lemerle. Paris, 1988.

- Actes de Prôtaton 1986 — Actes de Prôtaton. Texte / Éd. dipl. Par D. Papachryssanthou. Paris, 1986.
- Actes de Saint-Pantéléèmon 1982 — Actes de Saint-Pantéléèmon. Texte / Éd. dipl. par P. Lemerle, G. Dagron, S. Ćirković. Paris, 1982.
- Actes de Vatopédi. Album 2006 — Actes de Vatopédi. Album / Éd. dipl. par J. Lefort, V. Kravari, Chr. Giros, K. Smyrlis. Paris, 2006. Vol. II: de 1330 à 1376.
- Actes de Vatopédi. Texte 2006 — Actes de Vatopédi. Texte / Éd. dipl. par J. Lefort, V. Kravari, Chr. Giros, K. Smyrlis. Paris, 2006. Vol. II: de 1330 à 1376.
- Fonkič 2002 — *Fonkič B.L.* Nouveaux autographes de Démétrius Cydonès et de Gennade Scholarios // Travaux et Mémoire. 2002. Vol. 14. P. 243–250.
- Fonkič 2014 — *Fonkič B.L.* Nouveaux autographes de Démétrius Cydonès et de Gennade Scholarios // *Фонкич Б.Л.* Исследования по греческой палеографии и кодикологии, IV–XIX вв. / Отв. ред. М.А. Курышева. М., 2014. С. 399–406.
- Gioffreda 2020 — *Gioffreda A.* Tra I libri di Isacco Argiro. Berlin, 2020.
- Janz s.a. — *Janz T.* Greek Paleography. From Antiquity to the Renaissance [Pt. 9. Later Palaeology Hands (Late Thirteenth–Fourteenth Centuries)] // Digital Vatican Library. URL: <https://spotlight.vatlib.it/greek-paleography/feature/9-later-palaeologan-hands-late-thirteenth-fourteenth-centuries> (май 2026).
- Osenbrüggen 1867 — *Osenbrüggen E.* Die Schriftenvergleichung // Allgemeine deutsche Strafrechtszeitung für Förderung. 1867. Bd. 2, Hft. 4. S. 186–193.
- Turin 1972a — *Turin A.* Dated Greek Manuscript of the Thirteen and Fourteenth Centuries in the Libraries of Italy. In 2 vol. Urbana, Chicago, London, 1972. Vol. 1.
- Turin 1972b — *Turin A.* Dated Greek Manuscript of the Thirteen and Fourteenth Centuries in the Libraries of Italy. In 2 vol. Urbana, Chicago, London, 1972. Vol. 2.

С.А. МАСЛОВА

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ АНАЛИЗА ТЕКСТА ЯРЛЫКОВ, ВЫДАННЫХ ОРДЫНСКИМИ ПРАВИТЕЛЯМИ РУССКИМ МИТРОПОЛИТАМ

Аннотация: Ярлыки ордынских правителей, выданные русским митрополитам во второй половине XIII–XIV вв., являются ценным источником по истории социально-экономического развития русских земель в период зависимости. Они содержат данные о налогах, взимаемых в пользу Золотой Орды, а также о должностных лицах, осуществлявших сбор выплат. Текст ярлыков стоит рассматривать критически, учитывая обстоятельства бытования этих документов. Оригиналы актов не сохранились, а их перевод был сделан с целью оградить церковное имущество. Сравнение ярлыков ордынских ханов с указами других монгольских правителей, а также с летописным и актовым материалом русского происхождения показывает наличие вставок в текст ярлыков.

Ключевые слова: Русь, Золотая Орда, ярлыки, период зависимости, налоги, должностные лица

Ханские ярлыки, выданные русским митрополитам, являются иммунитетными грамотами, составленными от имени ордынских правителей и адресованными высшим иерархам русской церкви. Ярлыки провозглашают запрет взимать различные выплаты с представителей русской церкви, а также использовать церковное имущество и мастеров. Таким образом, русское духовенство было защищено от практически любых налоговых посягательств.

Ярлыки хранились в архивах митрополитов. Оригиналы документов не до нашего времени не дошли и доступны только в переводе на русский язык. Сохранилось всего шесть грамот ордынских правителей, выданных представителям русской церкви: грамоты Менгу-Тимура 1267 г., Тайдулы 1347, 1351 и 1354 гг., Бердибека 1357 г. и Тюляка 1379 года. Эти документы входят в состав так называемого «краткого собрания» ханских ярлыков русским митрополитам.

Исследователи называют разные даты создания собрания. М.Д. Приселков считал, что оно сложилось вскоре после церковного собора 1503 г.¹, П.П. Соколов — до конца XIV в.², Л.В. Черепнин — не позднее середины XV в.³, А.А. Зимин — в конце XIV в.⁴, А.П. Григорьев — в начале 50-х годов XV в.⁵, А.И. Плигузов — в 10-е годы XV в.⁶. Позднее, в XVI в., было создано пространное собрание ханских ярлыков. Оно представляет собой переработку текстов краткого собрания с добавлением подложного ярлыка хана Узбека.

Впервые ярлыки ордынских ханов были опубликованы Н.И. Новиковым в 1773 г.⁷. Наиболее обстоятельным изданием грамот в настоящий момент является их публикация, подготовленная А.А. Зиминим⁸.

Традиционно документы краткого собрания в литературе называются ярлыками. Однако это наименование подходит не всем грамотам. Ярлык — это исходящий от хана письменный указ, приказ, повеление, предписание собственным подданным или главам зависимых стран. Документы, исходящие не от ханов, ярлыками называться не могут⁹. Таким образом, грамоты ханши Тайдулы, супруги хана Узбе-

¹ Приселков 1916: 47–48.

² Соколов 1918: 71–72.

³ Черепнин 1951: 54.

⁴ Зимин 1962: 32.

⁵ Григорьев 1985: 107.

⁶ РФА 1987: 583.

⁷ Древняя российская вивлиофика 1773: 448–485.

⁸ ПРП 1955: 463–489.

⁹ Усманов 1979: 7–8.

ка, матери хана Джанибека и бабки хана Бердибека, ярлыками не являются.

В отечественной науке ханские ярлыки использовались прежде всего как источник по истории взаимоотношений Золотой Орды и русской церкви. Однако, сведения ярлыков незаменимы при изучении административной и налоговой политики ордынских ханов. В ярлыках содержится обширный перечень представителей монгольской власти, а также налогов, выплачиваемых в пользу Золотой Орды. Эта информация представлена в начальных постановлениях указов.

Ярлык Менгу-Тимура: «Менгутемерьево слово людским баскаком и князем и полъчным князем и к данщиком и к писцем и к мимояздящим послом и к соколником и к пардусником. Чингиз царь потом что будеть дань или корм, ать не заммають их да правым сердцем богови за нас и за племя наше моляться и благословляють нас. Така молвя и последнии цари по тому же пути пожаловали попов и черньцов. Дань ли или иное что ни будеть, тамга, поплужное, ям, воина кто чего ни попросить и рькли были дати, кто паки того у нас не ведаеть, вси ведаем. И мы, богу молясь, и их грамоты не изыначили. Тако молвя по первому пути, которая дань, или поплужное, или подвода, или корм кто ни будеть, да не просясть; ям, воина, тамга не дають»¹⁰.

Грамота Тайдулы 1347 г.: «Не надобе им мзда, ни какая пошлина ни емлют у них ничего, занеже о нас молитву творять»¹¹.

Грамота Тайдулы 1351 г.: «По Ченибекову ярлыку Таидулино слово татарским улусным князем и волостным и ородным и селным дорогам и тамошником и побережником и мимохожим послом, или кто на какове дело придеть ко всем. [...] А пошлина ему не надобе, ни подвода, ни корм, ни запрос, ни каков дар, ни почестия не въздаст никакова, ни люди его»¹². Там же: «По Дченибекову ярлыку Таидулино слово к темным и к тысящным, князем, и сотником и десят-

¹⁰ ПРП 1955: 467.

¹¹ ПРП 1955: 466.

¹² ПРП 1955: 468.

ником, и волостелем, и городным дорогам, и князем, и к мимохожим послом, и ко многим людям и ко всем»¹³.

Ярлык Бердибека: «Бердебеково слово татарским улусным и ратным князем Муалбугиною мыслию волостным самим дорогам и князем, и писцем, и таможником, побережником и мимохожим послом и соколником, и пардусником, и бураложником, и заставщиком, и лодеищиком или кто на каково дело ни поидеть многим людям и ко всем. [...] Какова дань ни буди или пошлина, ино тем не надобе ни видети, чтобы во упокои бога молили и молитву въздавали. [...] Так есмы мльвили — и кая дань ни будеть или пошлина, не емлют у них, ни подвод, ни кормов, ни пития, ни запросов, ни почестия не въздають»¹⁴.

Ярлык Тюляка: «Тюляково слово Мамаевою дядиною мыслию, татарским улусным и ратным князем, и волостным самым дорогам, и князем, писцем, таможником побережником и мимохожим послом и соколником и пардусником и бураложником и заставщиком и лодеищиком или кто на каково дело, ни поидеть многим людям и ко всем. Пред Чингис царь, а после того цари Азиз и Бердебек, и за тех молились молебники и весь чин поповьскыи; ино какова дань ни будеть или коя пошлина, — ино тем того ни видети не надобе, чтобы во упокои бога молили и молитву въздавали. [...] Тако есмы възмолвили: ино никакова дань, ни которая пошлина, ни подвода, ни корм, ни питье, ни запрос, ни даров не дадут, ни почестья, не въздають никакова»¹⁵.

Обращаясь к тексту ярлыков, специалисты не склонны критически рассматривать имеющиеся в них сведения. Так, например, историки считают термин «даншики», упомянутый в адресате ярлыка Менгу-Тимура, как обозначение особой, реально существовавшей, категории ханских должностных лиц, занимавшихся сбором с русских земель ордынского налога, дани. Исследователи обратили внимание, что в более поздних ханских грамотах термин «даншики» не фи-

¹³ ПРП 1955: 470.

¹⁴ ПРП 1955: 469.

¹⁵ ПРП 1955: 465–466.

гурирует¹⁶. На основе этих наблюдений было сделано заключение о существовании на Руси, по меньшей мере, в XIII в., двух структур, занимавшихся сбором налогов, — княжеской и ханской¹⁷.

Такой подход нельзя назвать оптимальным. Не стоит забывать о том, что исследователям доступен только перевод ярлыков, сделанный много позже времени создания грамот и с определенной целью — защитой церковного имущества. Эти обстоятельства не могли не повлиять на точность передачи оригинального текста документов. В перевод ярлыков могли быть внесены элементы, не свойственные оригиналам грамот. Выявить эти элементы позволяет применение одного из основных методов исторического исследования — сравнительного.

Для получения наиболее точного представления о системе монгольского управления русскими землями необходимо использовать весь массив доступных источников по истории русских земель в XIII–XV вв., а также Монгольской империи и ее частей.

Показателен актовый материал монгольских канцелярий. В распоряжении исследователей имеются ярлыки правителей империи Юань, государства Хулагуидов и государства Чагатаидов. Из монгольской документации стоит выделить грамоты правителей империи Юань, выданных представителям даосского духовенства. Это указ Мангалы (сына императора Хубилая, правителя области Аньси в Китае) 1276 г., два ярлыка императора Аюрбарибады (Буянтухана) 1314 г. и грамота Да-цзы (Даги) (матери императоров Хайсана и Аюрбарибады) 1321 г. Документы написаны квадратным письмом на монгольском языке. Подобно актам, выданным русским митрополитам, эти документы адресованы представителям духовенства. Время их создания совпадает со временем составления оригиналов ханских ярлыков, выданных на Русь. Особое значение имеет тот факт, что,

¹⁶ Насонов 1940: 77; Сафаргалиев 1960: 64; Федоров-Давыдов 1973: 94.

¹⁷ Борисов 1995: 182; Кривошеев 2003: 229–230.

в отличие от ордынских актов, указы квадратного письма сохранили подлинный текст. Текст документов, их перевод на русский язык и комментарий представлены в работе Н.Н. Поппе¹⁸.

Чрезвычайно полезно сравнение ярлыков, выданных русским митрополитам, с другими ярлыками ханов Золотой Орды. В составе комплекса документов ордынских правителей середины XIV в. из архивов Венеции сохранилось четыре ярлыка ордынских ханов Узбека, Джанибека и Бердибека, выданных итальянским купцам Азова в середине XIV в. Полный комплекс венецианских документов составляют: ярлыки ханов Узбека, Джанибека и Бердибека венецианским купцам Азова 1332, 1342, 1347 и 1358 гг.; письмо правителя крымской области Рамадана венецианскому дожу 1356 г.; уведомление Рамадана венецианским купцам 1356 г.; предписание Бердибека сменившему Рамадана Кутлуг-Тимуру 1358 г.; уведомление Кутлуг-Тимура венецианским купцам 1358 г.; послание Тайдулы венецианскому дожу и ее платежная ведомость 1359 г. Оригиналы документов не сохранились, известен только их перевод на латинский (ханов Узбека и Джанибека 1342 г.) и итальянский языки (Джанибека 1347 г. и Бердибека). Впервые акты были опубликованы Г. Томасом и Р. Пределли в конце XIX в. Перевод на русский язык и анализ документов представлен в исследовании А.П. Григорьева и В.П. Григорьева¹⁹.

В оригинале известно всего два ярлыка ордынских ханов — Тохтамыша и Тимур-Кутлуга. Ярлык Тохтамыша был выдан частному лицу, Бек-Хаджи, в конце XIV века. Предложены разные датировки документа. М.А. Усманов отнес грамоту к 1392 г.²⁰. А.П. Григорьев считал, что ярлык был составлен ранее — в 1381 г.²¹. Эту точку зрения поддержал И. Вашари²². Грамота написана буквами арабского алфавита по-тюркски. Существуют переводы ярлыка на русский язык.

¹⁸ Поппе 1941: 59–73.

¹⁹ Григорьев, Григорьев 2002.

²⁰ Усманов 1979: 29–30.

²¹ Григорьев 1981: 128.

²² Вашари 1987: 97.

В XIX в. с документом работали Я.О. Ярцов и И.Н. Березин²³. В 1981 г. неполный (только начало документа) перевод опубликовал А.П. Григорьев²⁴. Ярлык Тимур-Кутлуга также был выдан частному лицу, Мухаммаду, в 1398 году. Документ сохранился в виде копии, написанной арабскими и уйгурскими знаками на тюркском языке. На русский язык ярлык переведен И.Н. Березиным, В.В. Радловым и А.Н. Самойловичем, а также частично (начало документа) — А.П. Григорьевым²⁵.

Особое значение для анализа текста ханских ярлыков имеют источники русского происхождения, так как ярлыки во многом отражают русское понимание представленной в них административной и финансовой номенклатуры. Данные для сравнения содержатся в княжеских жалованных, духовных и договорных грамотах, летописном материале.

Сравнение всех доступных источников позволяет сделать выводы о наличии значительного количества вставок, внесенных в текст ярлыков, выданных представителям русского духовенства, при их переводе. Таковой, в частности, является упомянутый выше термин «данщики». Это наименование, а также какое-либо иное, схожее по смыслу, не зафиксировано в монгольских документах. Отсутствует оно и в актах Золотой Орды XIV в. Этот термин, в форме «данники», обнаруживается в русских источниках. Самое раннее упоминание данников — рассказ Лаврентьевской летописи о пленении данников князей Олега и Ярослава Святославичей в Ростовской волости в 1096 г.²⁶ Новгородская первая летопись сообщает о деятельности данников в Новгородской земле в XII в.²⁷ Данники занимались сбором поземельной подати.

В ордынскую эпоху в источниках появляется термин «данщики». Так назывались представители княжеской ад-

²³ Григорьев 1844: 339; Березин 1851: 15.

²⁴ Григорьев 1981: 126–129.

²⁵ Березин 1851: 10–11; Радлов 1889: 20–21; Григорьев 1984: 124–128.

²⁶ ПСРЛ 1997: стб. 238.

²⁷ НПЛ 1950: 28, 33, 229.

министрации. Договорные и жалованные грамоты русских князей XIV–XV веков запрещали данщикам взимать налог с определенных территорий²⁸. Данщики собирали выплаты в пользу князей. Их деятельность как сборщиков ордынских податей не фиксируется. Также не фиксируется на Руси деятельность данщиков и иных схожих должностных лиц ордынских ханов.

Сам термин «данщики» имеет очевидно русское происхождение — от обозначения основной подати, «дань». При работе с ярлыками переводчик не имел ввиду княжеских данщиков, которым запрещалось взимать побор, иначе данщики, скорее всего, были бы упомянуты и в других ханских грамотах. Термин «данщики» в ярлыке Менгу-Тимура заменяет слова «таможники» и «побережники» других ханских ярлыков, выданных русским митрополитам и, таким образом, является, по сути, обобщающим обозначением этих двух категорий.

Отсутствие термина «данщики» в ярлыках XIV в. не связано с изменением системы сбора налогов. Выплаты в пользу Золотой Орды изначально собирали русские князья при помощи своих должностных лиц. Князья собирали подати в свою пользу до нашествия и продолжили это делать после. Часть доходов с русских земель отдавалась монголам. Завоеватели не занимались сбором дани непосредственно, они следили за своевременностью и полным объемом выплат²⁹.

Существенное вмешательство в текст ярлыков обнаруживается в перечне налогов, которые запрещалось взимать с представителей русского духовенства. Стоит отметить, что ярлыки содержат, по сравнению с прочими источниками, наибольшее число названий налогов, взимаемых с русских земель в пользу Золотой Орды, всего 13 наименований. В документах краткого собрания ханских ярлыков встречаются следующие обозначения выплат: «война», «дань», «дар», «запрос», «тамга», «корм», «мзда», «питье», «подвода», «поплучное», «почестие», «пошлина», «ям».

²⁸ АСЭИ 1964: 193; ДДГ 1950: 20; АСЭИ 1952: 142, 156, 167 и др.

²⁹ Подробнее о данщиках см.: Маслова 2024.

Более лаконичны юаньские документы квадратного письма. В указах сказано о запрете взимать «повинности и подати» в целом: «было сказано, чтобы буддийские, христианские и даосские духовные лица, не видя никаких повинностей и податей, молились тенгри и возносили благопожелания»³⁰. Только в ярлыке Мангала кроме общих выплат обозначено также ограничение на земельные и торговые подати: «Было сказано, чтобы буддийские, христианские, даосские и мусульманские духовные лица, не видя никаких иных повинностей и податей, кроме земельных и торговых сборов, молились тенгри и возносили благопожелания»³¹. Словосочетанием «повинности и подати» переведено монг. «albā qubč' iri». Термином «alba(n)» обозначали повинность, подать, обязательную службу³², термином «qubč' ir» («qubčūr») — натуральный налог, всеобщий налог в пользу государства³³. В ханских ярлыках, выданных русским митрополитам, этому обороту соответствует оборот «дань или пошлина».

Обращение к данным монгольских актов и сведениям русских источников показывает, что при переводе в текст ярлыков ордынских ханов было добавлено значительное число налоговых терминов, которые не были прописаны в оригиналах документов. Некоторые из налоговых обозначений встречаются только в текстах ордынских грамот, выданных русским митрополитам. Таковыми являются «война», «питье» и «поплужное».

«Война» как вид пошлины фигурирует только в ярлыке Менгу-Тимура. Ни в актовом, ни в летописном материале особая подать «война» не встречается, хотя русские войска неоднократно участвовали в монгольских походах по приказу завоевателей³⁴.

«Питье» как налоговое наименование отмечено только в ярлыках Бердибека и Тюляка. В источниках русского про-

³⁰ Поппе 1941: 65, 69, 73.

³¹ Поппе 1941: 61.

³² Древнетюркский словарь 1969: 34; Радлов 1963: стб. 433.

³³ Doerfer 1963: 387; Древнетюркский словарь 1969: 462.

³⁴ ПСРЛ 1908: стб. 846, 876, 888, 892.

исхождения слово «питье» встречается и употребляется в качестве обозначения глагола «пить», а также в значении напитка и водного источника. В ханских ярлыках термин «питье» представляется вставкой, по смыслу дополняющей термин «корм». Так было подчеркнуто отсутствие обязательств представителей русской церкви по обеспечению монгольских должностных лиц.

Как и «война» термин «поплужное» в значении налога упоминается только в ярлыке хана Менгу-Тимура. В других источниках этот термин не обнаружен. Только в XVI в. в грамоте царя Федора Ивановича встречается похожее наименование — «поплужная пошлина»³⁵.

Слова «война», «питье» и «поплужное» в тексте ордынских ярлыков предстают искусственными налоговыми наименованиями. Эти подати реально не существовали. Некоторые термины, зафиксированные в ханских грамотах, фигурируют и в других источниках, однако в качестве податей, собираемых для ордынских ханов, они обозначены только в ярлыках. Это «корм», «подвода» и «почестье».

Термин «корм» в контексте ордынских выплат в источниках русского происхождения не фигурирует. При этом отмечена обязанность русских князей содержать ханских послов³⁶. В грамотах юаньских правителей, а также ярлыках Тохтамыша и Тимур-Кутлуга встречается термин «susun», имеющий значение «продовольствие»³⁷.

Термин «подвода» в источниках русского происхождения появился в эпоху монгольского господства. В грамотах конца XIII–XV вв. так названа обязанность обеспечивать транспортными средствами представителей княжеской администрации³⁸. В текстах ярлыков китайских правителей, а также ханов Тохтамыша и Тимур-Кутлуга эта обязанность обозначена термином «uḡaq»³⁹.

³⁵ Архив Строева 1915: 659.

³⁶ ДДГ 1950: 38, 53.

³⁷ Григорьев 1981: 128; Григорьев 1984: 127.

³⁸ ГВНП 1949: 141–142; АСЭИ 1964: 16, 152, 204, 259; ПРП 1955: 198 и др..

³⁹ Григорьев 1981: 128; Григорьев 1984: 127.

Термин «почестье» всего дважды упомянут в источниках. Так названа выплата с городского населения в смоленской грамоте XII в.⁴⁰ Краткое известие новгородской грамоты XII в. не позволяет сделать выводы о характере термина⁴¹. В тексте ордынских ярлыков слово «почестье» выступает дополнением к термину «дар», как «питье» выступает дополнением к «корму».

Несмотря на отсутствие упоминаний «корма» и «подводы» в источниках русского происхождения в качестве ордынской выплаты, эти термины едва ли можно назвать вставкой в текст ханских ярлыков. Подобные выплаты фигурируют в иных грамотах монгольских правителей. Вставной характер имеет термин «почестье».

Дополнительные налоговые термины были внесены в текст ханских ярлыков с целью увеличения перечня повинностей, от выплаты которых освобождались представители русской церкви⁴².

Сравнение ярлыков ордынских ханов, выданных русским митрополитам с указами других монгольских правителей, а также летописным и актовым материалом русского происхождения показывает наличие вставок в текст ярлыков. Дополнительно внесены наименования должностных лиц и обозначения налогов. Сохранившиеся ярлыки монгольских правителей империи Юань и государства Хулагуидов XIII-XIV вв. показывают, что начальные статьи ярлыков довольно кратки и не содержат обширных перечней сборщиков выплат и податей, от уплаты которых освобождались получатели грамот. Как кажется, не столь подробны были и ярлыки ордынских ханов. При работе с грамотами переводчиком были добавлены некоторые наименования, не предусмотренные первоначальным текстом актов, но не противоречащие ему. В результате ярлыки провозглашали значительные привилегии русской церкви и, как следствие, способствовали упрочению ее позиций.

⁴⁰ ДКУ 1976: 146.

⁴¹ Янин, Зализняк, Гиппиус 2015: 160–161.

⁴² Подробнее о налоговой терминологии ханских ярлыком см.: Маслова 2023.

БИБЛИОГРАФИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

- АСЭИ 1952 — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. I.
- АСЭИ 1964 — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М.: Наука, 1964. Т. III.
- Архив Строева 1915 — Архив П.М. Строева. Т. I // Русская историческая библиотека. Т. 32. Пг.: Тип. Главного управления уделов, 1915.
- Березин 1851 — *Березин И.[Н.]* Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея. Казань: Тип-я Университета, 1851.
- Борисов 1995 — *Борисов Н.С.* Иван Калита. М.: Молодая гвардия, 1995.
- Вашари 1987 — *Вашари И.* Заметки о термине *tartanaq* в Золотой Орде // Советская тюркология. 1987. № 4. С. 97–103.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- Григорьев 1985 — *Григорьев А.П.* Время составления краткой коллекции ханских ярлыков русским митрополитам // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1985. Вып. VIII. С. 93–134.
- Григорьев 1984 — *Григорьев А.П.* Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлука // Востоковедение: филологические исследования. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984. Вып. 9. С. 124–143.
- Григорьев 1981 — *Григорьев А.П.* Пожалование в ярлыке Тохтамыша // Востоковедение: филологические исследования. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1981. Вып. 8. С. 126–136.
- Григорьев, Григорьев 2002 — *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002.
- Григорьев, Ярцов 1844 — *Григорьев В.[В., Ярцов Я.О.]* Ярлыки Тохтамыша и Сеадетъ-Герая. Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 1. Одесса: Городская тип-я, 1844. С. 337–345.
- ДКУ — Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М.: Наука, 1976.

- Древнетюркский словарь 1969 — Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969.
- Древняя российская вивлиофика 1773 — Древняя российская вивлиофика. СПб.: [Тип. Акад. наук], 1773. Ч. I.
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Зимин 1962 — *Зимин А.А.* Краткое и пространное собрание ханских ярлыков, выданных русским митрополитам // Археографический ежегодник за 1961 г. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 28–40.
- Кривошеев 2003 — *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.
- Маслова 2024 — *Маслова С.А.* Термин «данщики» в ярлыке хана Менгу-Тимура // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12. № 3. С. 529–539.
- Маслова 2023 — *Маслова С.А.* Налоговая терминология краткого собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11. № 3. С. 636–651.
- Насонов 1940 — *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- ПРП — Памятники русского права. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1955. Вып. 3.
- ПСРЛ 1908 — Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. Т. II.
- ПСРЛ 1997 — Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. I.
- Поппе 1941 — *Поппе Н.Н.* Квадратная письменность. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
- Приселков 1916 — *Приселков М.Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг.: Тип. Научное дело, 1916.
- Радлов 1963 — *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. Т. I. Ч. 1.
- Радлов 1889 — *Радлов В.В.* Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества. СПб.: Тип-я Имп. Академии наук, 1889. Т. 3. С. 1–40.

- РФА — Русский феодальный архив XIV-первой трети XVI века. М.: Ин-т истории СССР, 1987.
- Сафаргалиев 1960 — *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1960.
- Соколов 1918 — *Соколов П.П.* Подложный ярлык Узбека митрополиту Петру // Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5. С. 70–85.
- Усманов 1979 — *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского университета, 1979.
- Федоров-Давыдов 1973 — *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во Московского университета, 1973.
- Черепнин 1951 — *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л.: АН СССР, 1951. Ч. 2.
- Янин, Зализняк, Гиппиус 2015 — *Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Diplomatarium 1880 — *Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia* / Ed. by G.M. Thomas. Venetiis: Typ. Marci Visentini, 1880. Pars 1. A. 1300–1350/
- Diplomatarium 1899 — *Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia* / Ed. by R. Predelli. Venetiis: Typ. Marci Visentini, 1899. Pars 2. A. 1351–1454.
- Doerfer 1963 — *Doerfer G.* Türkische und Mongolische elemente im Neupersischen. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH, 1963. Bd. I.

О.В. АУРОВ

**КОРОЛЕВСКАЯ ХРОНИСТИКА
КАСТИЛИИ И ЛЕОНА
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIV ВЕКА
КАК ИСТОЧНИК ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ СВОЕГО ВРЕМЕНИ***

Аннотация: Статья посвящена подведению некоторых итогов исследования средневековой испанской (главным образом — кастильской и леонской) хронистики и определению перспектив использования этой группы текстов как источников по политической истории Кастилии и Леона XIII — середины XIV века. Выводы И. Фернандес-Ордоньес, М. де ла Кампа Гутьерреса, К. Бенитес Герреро, Ф. Бауристы Переса, Э. Уорда, М. Ихано, Л.Р. Фунеса, П.Э. Сарасино, М.А. Солера, О.С. Божевич, Ж. Мартена и других исследователей привели к глобальной переоценке роли средневековой хронистики как исторического источника. Дается общая характеристика результатов их исследований, обобщен связанный с ними опыт публикации средневековых текстов (включая опыт электронных изданий), а также определены основные источниковедческие особенности перечисленных выше королевских хроник первой половины XIV века, с учетом их роли как средства политической пропаганды. Последний аспект активно исследуется в современной научной литературе, но он не исчерпывает информационной значимости королевских хроник как источников по политической истории второй половины XIII – первой половины XIV века. Показано, что именно королевские хроники позволяют составить наиболее целостное представление о кастильско-леонском политикуме рубежа Вы-

* Статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

сокого и Позднего Средневековья, его акторах и институтах, формах и механизмах их взаимодействия, а также степени эффективности применения средств правового регулирования всей сферы социально-политических отношений.

Ключевые слова: средневековое историописание, королевские хроники, «три хроники», Кастилия и Леон, «долгий XIII век», Фернан Санчес де Вальядолид, политическая пропаганда, историческая проза

Настоящая статья призвана подвести некоторые итоги исследования средневековой испанской (главным образом — кастильской и леонской) хронистики и определить перспективы использования этой группы текстов как источников по политической истории средневековых пиренейского королевства Кастилия и Леон конца XIII — первой половины XIV века. Речь идет о периоде, завершившем своеобразный «долгий XIII век» для этой части латинской Европы. Начавшийся правлениями Фернандо III (1217/1230–1252) и Альфонсо X Мудрого (1252–1284) и продолженный при королях Санчо IV (1282/1284–1295) и Фернандо IV (1295–1312), этот период закончился новым политическим и культурным подъемом времен Альфонсо XI (1312–1350), по праву носившего имя своего прадеда и завершившего наиболее значимые проекты Мудрого Короля.

В последние 30–35 лет в изучении испанской (прежде всего — кастильской и леонской) историографии XI–XV вв. произошел коренной поворот, связанный с глобальной переоценкой роли средневековой хронистики как исторического источника. Внешними стимулами для этого поворота стали, в первую очередь, хорошо известные работы Бернара Гене, Гэбриэл Спайгел и их сторонников и обусловленное ими распространение принципиально новых методов исследования памятников историописания с акцентом на роль своеобразного «лингвистического поворота» середины – второй половины XIII в., связанного с переходом хронистики с латинского на разговорные диалекты¹.

¹ Гене 2002; Spiegel 1993; Spiegel 1999: 1–12.

Применительно к Кастилии и Леону речь идет, главным образом (хотя и не исключительно) о старокастильском языке, быстро вытеснившим латынь из сферы историописания, начиная со второй половины XIII в. Этот процесс резко ускорился после 1270–1280-х гг., времени появления историографической дилогии «История Испании» и «Всеобщая история», составленной под руководством короля Альфонсо X Мудрого. Оба эти памятника не были завершены, но они породили целый ряд редакций и способствовали формированию устойчивой традиции создания текстов на старокастильском диалекте, уже в середине столетия получившем статус официального языка делопроизводства и законодательства. Стимулом для ускорения этого процесса стала активная деятельность интеллектуалов из окружения Альфонсо X, дело которых было продолжено при Санчо IV, а после смерти последнего — вдовствующей королеве Марии де Молина (1295–1321), короле Фернандо IV и в годы малолетства нового правителя Кастилии и Леона — Альфонсо XI. После признания последнего совершеннолетним и завершения периода регентства (1325 г.), особую роль в развитии королевского историописания сыграл Фернан Санчес де Вальядолид (ум. ок. 1364 г.), главный королевский нотариус и канцлер особой печати короля. Этот выдающийся политик, исполнявший также функции главного королевского хрониста, подготовил официальную редакцию «Истории Испании» Альфонсо X, собрав воедино сохранившиеся фрагменты в два кодекса, ныне хранящихся в Королевской библиотеке Эскориала². Он же руководил созданием цикла «Трех (королевских) хроник» (Альфонсо X, Санчо IV и Фернандо IV), а также ранней версии «Хроники Альфонсо XI», на основе которой позднее (1379 г.) была создана «Большая хроника Альфонсо XI» — один из наиболее выдающихся памятников историописания своего времени³. Важным источником «Большой

² Real Biblioteca del Monasterio de San Lorenzo de el Escorial (RBME) Y-I-2 и X-I-4. Y-I-2 и X-I-4.

³ Издания памятников см.: Cron. Alf. X; Cron. Sancho IV; Cron. Fern. IV; Cron. Alf. XI; Gran. Cron. Alf. XI.

хроники Альфонсо XI» стала также «Поэма об Альфонсо Одиннадцатом» (она же — «Рифмованная хроника деяний короля Кастилии Альфонсо XI»)⁴, завершенная в 1348 году Родриго Йянесом (ум. в середине XIV в.), о котором почти ничего не известно, но который прямо указывает на факт своего авторства в тексте памятника. В литературе это лицо долгое время было принято считать придворным поэтом из окружения Альфонсо XI. Ныне авторство атрибутируется последнему магистру испанских тамплиеров и первому магистру основанного на его месте португальского Ордена Креста (существовавшего с 1318 г.), которого также звали Родриго Йяньесом (точнее — Родриго Йяньесом де Самора). Однако, вследствие недостатка информации, вопрос не может считаться окончательно решенным⁵.

Большую роль в изучении и издании всех перечисленных памятников сыграла собственно испанская школа изучения средневековой историографии, сложившаяся в 1990-2000-е гг. и связанная, в первую очередь, с именем Диего Каталана Менендеса Пидалья (1928–2008). Развивая его идеи, ученики последнего совершили настоящую революцию в изучении средневекового историописания. Речь идет, прежде всего, о трудах И. Фернандес-Ордоньес, М. де ла Кампа Гутьерреса, медиевистов более младшего поколения — К. Бенитес Герреро, Ф. Бауристы Переса и некоторых других. Под влиянием их работ возникли самостоятельные центры исследования средневековой испанской (главным образом — кастильской и леонской) историографии в Великобритании (Э. Уорд, М. Ихано и др.), Аргентине (Л.Р. Фунес и его сотрудники по Семинару по изданию и критике текстов (*SECRI*T) Национального совета по научным и техническим исследованиям (*CONICET*)) и Франции (Ж. Мартен и сотрудники по Семинару по изучению средневековой Испании университета «Париж-IV Сорбонна» (*SEMH Sorbonne*), ныне возглавляемого Э. Тьёлен-Пардо) и др. Большую роль в развитии этих исследований сыграл также прогресс цифровых

⁴ Poema de Alf. XI.

⁵ Nussbaum.

технологий и связанное с ним формирование баз данных средневековых рукописей и инкунабул, в результате чего стала возможной много более интенсивная, чем ранее (в том числе — удаленная) работа с рукописными редакциями памятников средневековой хронистики. Последнее, в свою очередь, едва ли не полностью изменило представления о самой природе средневекового историописания. Отдельно следует выделить работу специализированных электронных периодических изданий, прежде всего — журнала *e-Spania*, издающегося *SEMH Sorbonne* с 2006 г. по инициативе Ж. Мартена⁶.

Не входя в детали, позволю себе выделить лишь главные из полученных результатов. Во-первых, была осознана значимость того факта, в какой мере рукописная традиция памятников историописания отражает не только степень распространения их текстов, но и их развитие (редакции) применительно к меняющейся аудитории и политической ситуации. При этом, особое внимание уделяется иллюминированным рукописям, позволяющим рассматривать отраженные в хрониках реалии в двух плоскостях — через посредство как текста, так и изображений; это особенно важно, если учесть, что хронист, переписчик/и и художник-миниатюрист практически всегда работали последовательно, отражая разные точки зрения на информацию, содержащуюся в тексте. Современные исследователи также обращают внимание на природу хроник на вернакулярных языках как своеобразного «беллетризированного» королевского картулярия, включающего тексты важнейших документов и описания обстоятельств, связанных с их изданием⁷. Значима также возросшая степень подробности описания в таких хрониках важнейших политических и правовых событий и актов в сравнении с латинскими и ранними старокастильскими хрониками, созданными в XIII в. Подчеркивается также отсутствие четкой жанровой границы между исторической прозой и собственно литературными текстами *stricto sensu*, поскольку хроника, помимо прочего, выполняла и функцию своеобразной «книги

⁶ e-Spania.

⁷ См., например: Cron. Alf. X. 57.

для чтения», нередко включая элементы заведомого вымысла — того, что ныне принято называть английским словом *fiction*. Наконец, также по сравнению с хрониками XIII в., в королевском историописании первой половины следующего столетия обращает на себя внимание язык — более развитый и богатый старокастильский, отличающийся более выраженными разнообразием лексики и относительной стабильностью синтаксиса. Важно и то, что (опять же по лингвистическим причинам) понятийная система королевских хроник XIV в. с течением времени все более адекватно отражала политические, социальные и правовые реалии в сравнении с хроникой предшествующего периода — как латинской, так и ранней старокастильской. Шаг за шагом в прошлое ушла проблема двойственности лингвистического сознания писателей, вынужденных создавать свои тексты на одном языке, одновременно осмысляя написанное в категориях другого. В совокупности, все перечисленные особенности способствовали появлению новых возможностей для конструирования политических и правовых реалий, что использовалось для целей политической пропаганды, но не только ее одной⁸.

В свете полученных выводов, а также достижений современной отечественной испанистики (включая комментированные переводы «Истории Испании» Альфонсо X и «Хроники Альфонсо X»⁹), ныне представляется очевидным, что, при известных ограничениях, связанных с жанровыми особенностями нарративных источников, именно королевские хроники, написанные на разговорных языках, позволяют составить наиболее целостное представление о кастильско-леонском политикуме рубежа Высокого и Позднего Средневековья, его акторах и институтах, формах и механизмах их взаимодействия, а также степени эффективности применения средств правового регулирования сферы социально-политических отношений.

⁸ Catalán 1992; Catalán 1962; Fernández Ordoñez 1992; Alfonso X 2000; Martín 1992; Funes 1997; Teoría y práctica 2000; Le pouvoir 2022.

⁹ Альфонсо X Мудрый. История Испании. Т. 1: 16–342; Хроника Альфонсо X: 7–31.

* * *

Роль исторической прозы на разговорных языках была приоритетной уже во времена Альфонсо X. В своем кодексе «Семь Партид», среди прочего, он предписывал рыцарям слушать чтение *estorias* — исторических сочинений на разговорных языках¹⁰, рассматривая его как форму приобщения к сословным ценностям рыцарства и нормам политической лояльности по отношению к королевской власти, на что уже давно обращается внимание в литературе¹¹. В этом плане королевские хроники первой половины XIV в. следует рассматривать как прямое продолжение традиции, заложенной во времена Мудрого Короля.

Менее часто в литературе обращается внимание на другие источниковедческие особенности хронистики того же периода, позволяющие рассматривать ее как важнейший источник по политической истории своего времени. Прежде всего, это касается форм репрезентации королевской власти, в образе которой еще более четко, чем ранее, проявляются отражаемые политической и правовой мыслью XIV столетия идеи защиты общего блага, мира и безопасности как неотъемлемых атрибутов властных прерогатив правителей и, более того, их прямых обязанностей как защитников высшей справедливости в христианском понимании этой последней категории. Особенно четко эти черты проявляются в хронистике, связанной с фигурой Альфонсо XI, период малолетства которого (1312–1325 гг.) действительно стал временем ожесточенных усобиц и всякого рода военно-политических потрясений. Вследствие этого, подчеркивает Родриго Йяньес, автор «Поэмы об Альфонсо XI»,

«... Сеньоры
Совершали набеги на Кастилию,
А бедные простолюдины (работники. — О. А.)
Терпели великое бесчестье.
У них отнимали имущество,
Из-за злодейства и жадности,

¹⁰ Альфонсо X Мудрый. Трактат о рыцарстве: 223.

¹¹ Funes 1997; Kleine 2013: 1–42.

Запустевали земли
Из-за отсутствия правосудия»¹².

Ему вторит Фернан Санчес де Вальядолид в своей «Хронике Альфонсо XI»:

«И ни в какой части королевства суд не вершился согласно праву. И страна дошла до такого состояния, что люди не решались передвигаться по дорогам иначе, чем вооруженные, причем большими группами, чтобы защититься от грабителей. И в поселениях, не имевших стен, не жил никто, тогда как в населенных пунктах, стенами окруженных, большая часть жителей отбивалась от грабителей и воров. И так жило большинство горожан, как простолюдинов (работников. — О.А.), так и идадьго. И зло, совершавшееся в стране, было столь велико, что никого не удивляли на дорогах тела убитых. И никому не казались странными ни воровство, ни грабежи, ни иные формы нанесения ущерба, ни злодеяния, творившиеся как в городах, так и на дорогах»¹³.

Очевидно, что экскурсии подобного рода были призваны оправдать жестокие меры (вплоть до прямых убийств), предпринятые Альфонсо XI по отношению к его политическим противникам после достижения им формального совершеннолетия (1325 г.). Однако, несомненно, в случаях такого рода хронисты лишь расставляли акценты, но не конструировали сами события. Подчеркивая непримиримость противников и жестокость усобиц, авторы хроник, — Фернан Санчес де Вальядолид и Родриго Йяньес, а также их анонимные сотрудники, — позитивно оценивали лишь деятельность королей, неизменно находя оправдания даже при описании их действий, уязвимых с точки зрения этики. Не злоупотребляя комментариями от первого лица, хронисты выстраивали смысловые акценты таким образом, чтобы привлекательными персонажами оказывались лишь короли и лица из их непосредственного окружения, исполнявшие их приказания. Во-первых, пусть и нечасто, но использовались

¹² Poema de Alf. XI.72–73.

¹³ Cron. Alf. XI.40.

позитивно окрашенные эпитеты, как это видно, например, в «Хронике Альфонсо X», которому приписываются «благочестие и благородство» (*la bondad e la nobleza*)¹⁴, а также в «Хронике Санчо IV», где его супруга, королева Мария де Молина, именуется, среди прочего, «женщиной великой проницательности» (*muger de grande entendimiento*)¹⁵. Во-вторых, еще более показательны характеристики противников короля, в свете деятельности которых позиция правителей и ближайших к ним лиц по принципу «от противного» выглядела выверенной и достойной. Такую роль, например, в «Хронике Санчо IV» выполняет описание образа действий мятежного «графа» (речь идет о могущественном сеньоре Бискайи, графе Лопе Диасе де Аро (ум. в 1288 г.)), который, если верить хронисту, стремился установить политический «порядок» (*ordenamiento*) «для своей выгоды и к великому ущербу всех них (других магнатов и рыцарей. — О. А.) и к великому ослаблению власти и сеньориальных прерогатив короля», что и вызвало жалобы недовольных в адрес правителя¹⁶.

В противоположность королям, все остальные акторы политических процессов — светские и духовные магнаты, духовно-рыцарские ордена и др. — в большинстве случаев представлены в хрониках либо относительно нейтрально, либо отрицательно. Риторические стратегии, использовавшиеся для достижения этой цели, также, как и в случае образов правителей, крайне редко включали комментарии от первого лица. Наоборот, ключевое значение приобретали подбор и представление исторических фактов. Так, выдающийся политический деятель и писатель своего времени инфант дон Хуан Мануэль (1282–1348), племянник Альфонсо X и активный участник событий периода правления Фернандо IV и Альфонсо XI, в «Хронике Фернандо IV» в некоторых эпизодах предстает жестоким и алчным интриганом. О его выдающихся сочинениях и научных занятиях не гово-

¹⁴ Cron. Alf. X.17.

¹⁵ Cron. Sancho IV. 3.

¹⁶ Cron. Sancho IV. 4.

рится ни слова. Зато подробно описываются связанные с его именем акты вероломства. Так, например, сообщая о событиях 1303 г., «Хроника Фернандо IV», среди прочего, упоминает и события, связанные со смертью инфанта дона Энрике Сенатора (1230–1303), младшего брата Альфонсо X. Смертельно больной вельможа находился в кастильском городе Роа (в совр. провинции Бургос). Сочувствовавшие ему горожане долго отказывались впустить в городские ворота инфанта дона Хуана Мануэля, зная о его деяниях и не доверяя ему. Лишь принесся оммаж, скрепивший его обязательство не причинять вреда ни жителям города, ни дону Энрике, инфант сумел проникнуть в Роа под предлогом свидания с больным родственником. После ухода инфанта выяснилось, что дон Энрике мертв, и что он скончался либо перед самым приходом племянника, либо в его присутствии. В любом случае, дон Хуан Мануэль, не проявляя стыда, забрал из его дома все, что только смог: коней и выючных животных, бланки королевских грамот с подписью и печатью Фернандо IV и др. Выдающийся писатель не погнушался даже серебром (*plata*) (вероятно, столовым), вывезя все без остатка в свой замок Пеньяфьель (на территории современной провинции Вальядолид)¹⁷.

В свете сказанного становятся понятными факты, подобные изложенным в «Хронике Альфонсо XI» в рассказе о соглашении, заключенном епископом Авилы с жителями этого города в период малолетства короля, ставшего временем ожесточенной борьбы за власть. Соглашение предусматривало запрет впускать в город кого-либо из светских магнатов, вне зависимости от конкретных личностей: все они воспринимались как воплощение абсолютного зла¹⁸. Впрочем, и сами города и их жители в качестве акторов политического процесса вовсе не представлялись хронистами как априори позитивные персонажи. Вопреки поверхностным представлением о том, что города являлись твердыми сторонниками укрепления королевской власти, в реальности ситуация вы-

¹⁷ Cron. Fern. IV.12.12.

¹⁸ Cron. Alf. XI.18.

глядела много менее однозначной. Показателен, в частности, включенный в «Хронику Фернандо IV» один из эпизодов рассказа о событиях 1295 г. Вдовствующая королева Мария де Молина вместе с малолетним Фернандо IV передвигавшаяся из города в город в поисках поддержки, попросила впустить ее в Сеговию и направила в город своих квартирьеров с так называемым «путевым штандартом» (*el pendon posadero*), который надлежало устанавливать в тех местах, где располагалась королевская ставка (*el Real*). Однако квартирьеры не были допущены в город, а когда туда прибыла сама Мария де Молина, городские ворота перед ней остались закрытыми, а по другую их сторону выстроился отряд из 2000 воинов, в кольчугах и с арбалетами, и еще множество вооруженных людей находилось на стенах. «Добрые люди» из числа горожан вышли на встречу королю и королеве-матери, поцеловали им руки в знак признания их власти и сопровождали до городских ворот, но отказались впустить внутрь. В ответ на это королева была вынуждена напомнить сеговийцам о принесенных ими королю и ей самой оммажах относительно признания прав Фернандо IV, совершенных по приказу ее покойного супруга, короля Санчо. Лишь после этого горожане заколебались и согласились впустить королеву и короля в город, но только их одних, тогда как королевская свита так и осталась за стенами¹⁹.

Следует обратить особое внимание на тот факт, что именно в королевских хрониках — и почти исключительно в них, — динамично представлены как весь спектр акторов политического процесса, так и формы взаимодействия между ними. Даже там, где описания образов и действий конкретных персонажей выглядят явно тенденциозно, обращают на себя внимание развернутые характеристики политических механизмов, степень детальности и точности которых не имеет аналогов в источниках иной видовой принадлежности.

В частности, именно в этом контексте следует воспринимать эпизоды, в которых фигурируют сословно-предста-

¹⁹ Cron. Fern. IV.1.44–45.

вательные учреждения — кортесы Кастилии и Леона. Вопреки широко распространенным представлениям, в исследуемый период они не выполняли законотворческих функций, появившиеся у них не ранее 1348 г., даты принятия «Уложений Алькалы» на кортесах в Алькала-де-Энарес. Сохранившиеся документы (т. н. *ordenamientos*, *cuadernos* etc.), составленные в кортесах ранее этой даты, не содержат собственно законов. Сами по себе они не дают информации о конкретных причинах их издания: лишь хронистика позволяет понять как конкретные обстоятельства созыва кортесов и их повестки дня, так и реальные функции таких учреждений в системе политических отношений.

Королевские хроники объясняют главную (а длительное время — и единственную) роль кортесов в королевстве Кастилия и Леон конца XIII — первой половины XIV вв. Словесные собрания этого времени являлись местом контактов и достижения частных договоренностей между представленными в них силами. В первую очередь, такие договоренности, скреплявшиеся оммажами (о роли которых еще будет сказано ниже), касались условий признания власти короля в момент его вступления на престол, как это видно, в частности, в описании кортесов в Вальядолиде (1312 г.) и других подобных собраний в «Хронике Альфонсо XI»²⁰. В других случаях в двух- и многосторонних договоренностях такого рода предусматривались меры, ограничивавшие произвол магнатов, и/или конкретные условия признания прав опекунов (регентов). В частности, инфант дон Хуан (1264–1319), сын Альфонсо X, «именовавший себя королем Леона», оспаривал королевский статус Фернандо IV до 1307 г., а после его смерти последнего (1312 г.), в правление малолетнего Альфонсо XI, все-таки сумел добиться статуса регента на кортесах в Вальядолиде²¹. Важно отметить и тот факт, что (также вопреки утвердившимся представлениями) уже сам факт наличия развернутых описаний этого института в хрониках является свидетельством слабости центральной вла-

²⁰ Cron. Alf. XI.11.

²¹ Cron. Fern. IV.2.53.

сти, поскольку для королей созыв кортесов носил явно вынужденный характер, прямых свидетельств чему в королевских хрониках вполне достаточно. В этом смысле ситуация выглядит аналогичной той, которую применительно к более раннему времени, — периоду правления Альфонсо X, — фиксирует в своем исследовании Х. Санчес-Арсилья Берналь²².

Но, как уже отмечалось выше, пожалуй, наиболее интересными и уникальными являются свидетельства королевских хроник об общей конфигурации механизмов, определявших развитие политических процессов в Кастилии и Леоне конца XIII — первой половины XIV вв. Прежде всего, именно хроники позволяют наиболее ярко представить как саму иерархию феодальной власти, так и характер составлявших ее отдельных «ступеней». На вершине властной пирамиды стоял король, совмещавший статусы «сеньора по рождению» и «просто» сеньора. Если в последнем случае статус и прерогативы правителя были идентичны тем, которыми обладали в своих владениях духовные и светские магнаты, то первая «составляющая» являлась абсолютно уникальной. Внешне речь шла об институте публично-правового характера, определявшие отношения «земли» / страны (*tierra*) и всех лиц (*naturales, uasallos naturales*), родившихся и постоянно проживающих в ее пределах, со своим повелителем — «сеньором по рождению» (*sennor natural*), получавшим свою власть над ними по праву рождения и имевшим право изгонять с земли всех тех, кто нарушил нормы верности по отношению к своему «сеньору по рождению».

На деле, однако, признание конкретного лица обладателем этого последнего статуса со стороны субъектов феодальной власти — светских и духовных магнатов и городов, — осуществлялось посредством инструментов не публичного, а частного права — соглашений частного-правового характера, скреплявшихся оммажами — т. н. *pleito et omenaje*. В качестве примера можно привести два фрагмента из «Хроники Санчо IV», один из которых содержит описание акта признания статуса этого правителя как «сеньора по рождению» го-

²² Санчес-Арсилья Берналь 2024: 50–90.

рожанами Севильи («...а кроме того, поскольку жители Севильи заключили соглашение, скрепленное оммажем (*pleito et omenaje*), с королем доном Санчо о том, что после смерти короля дона Альфонсо, его отца, он будет признан королем и сеньором»²³), другой — аналогичное описание признания аналогичных прав короля Фернандо IV, сына и преемника Санчо IV («И инфант дон Хуан, и дон Лопе, и дон Альваро, и дон Эстебан, и все остальные магнаты, и духовно-рыцарские ордена, и большие и малые города его королевств явились, чтобы признать сеньором и наследником этого инфанта дона Фернандо и принесли ему оммаж (*omenaje*) в том, что после кончины его отца, короля дона Санчо, он станет их королем и сеньором»²⁴).

Именно всякого рода частно-правовые соглашения (*pleitos, pactos, conuenios* etc.) выступают в хрониках в качестве главных «скреп» уровней и элементов феодальной иерархии власти. Вместе с тем, высокая значимость таких соглашений (примеров чему в королевских хрониках достаточно много) порождала потребность в дополнительных правовых гарантиях соблюдения сторонами принятых на себя обязательств. Судя по данным хронистики, эту роль чаще всего выполнял институт оммажа (*omenaie, omenaje*). Изначально являвшийся заимствованной из каталоно-арагонского феодального права формой вассального контракта, с течением времени этот институт стал активно использоваться и для оформления обязательств неваассального характера. Причиной последнего являлась квалификация акта нарушения договоренности, скрепленной оммажем, как предательства (ст. каст. *traïcion*), самого страшного из уголовных преступлений, известного средневековому кастильскому и леонскому праву. Оправдаться от обвинения в совершении предательства (*riepto*) можно было лишь участием в судебном поединке. Отказ же от поединка негативно сказывался на репутации нарушителя соглашения, чувствительного даже в случае наиболее могущественных светских магнатов.

²³ Cron. Sancho IV.1.

²⁴ Cron. Sancho IV.2.

В качестве примера можно привести эпизод из «Хроники Фернандо IV», в котором фигурирует кастильский магнат Хуан Альфонсо де Альбукерке, которого вдовствующая королева Мария де Молина приказала освободить из тюрьмы, куда он был заключен по приказу ее покойного мужа, короля Санчо IV, на тех условиях, что платой за освобождения станет верная служба малолетнему Фернандо IV. При этом, достигнутая договоренность была скреплена оммажем²⁵. Несмотря на то, что использование вассального контракта в качестве дополнительной гарантии соблюдения скрепленных им частично-правовых соглашений неваассального характера не гарантировало исполнения условий последних (в частности, упоминавшийся выше сеньор Альбукерке почти сразу нарушил скрепленное оммажем соглашение и переметнулся на сторону короля Португалии²⁶), заменить такую практику в правовых реалиях Кастилии и Леоне конца XIII – первой половины XIV вв. было попросту нечем. Отсюда — впечатляющая частота упоминаний в хрониках об оммажах как вассального, так и неваассального характера: не менее 21 примера в 72 главах «Хроники Альфонсо X», 9 — в 13 главах «Хроники Санчо IV», 30 — в 30 главах «Хроники Фернандо IV» и т.д.

В целом, образ власти в королевстве Кастилия и Леон рассматриваемого периода, судя по данным королевских хроник, более всего характеризовался слабостью и неэффективностью, следствиями которых становились произвол и насилие, превратившиеся в неотъемлемые составляющие повседневной жизни кастильско-леонского общества даже в периоды, относительно спокойные в политическом отношении. В конечном итоге, именно слабость центральной власти, несовершенство системы поддержания внутреннего мира, а также отсутствие действенных гарантий военно-политической стабильности порождали все остальные социальные проблемы, с которыми сталкивалось население Кастилии и Леоне конца XIII — первой половины XIV вв. В числе главных из них следует назвать застойную бедность, демо-

²⁵ Cron. Fern. IV.1.10.

²⁶ Cron. Fern. IV.1.10.

графические диспропорции, а также дефицит безопасности, особенно остро ощущавшийся наименее обеспеченными и защищенными слоями населения. Более того, внутренняя нестабильность становилась одной из причин постоянно сохранявшейся внешней угрозы со стороны как мусульманского юга (Гранадский эмират, держава берберов-маринидов в Марокко), так и пиренейских христианских монархий, прежде всего — королевства Португалии и земель Арагонской Короны.

С учетом этого, становится понятный тот запрос на сильную королевскую власть, который все более настойчиво артикулировался политической и правовой мыслью исследуемого периода. Вполне ожидаемо в стороне от этого процесса не оставались и королевские хроники, в частности — «Хроника Альфонсо XI», четко указывавшая на феодальные элиты как главный источник и первопричину проблем, порождавших всеобщий хаос и «войну всех против всех»:

«...и было много причин и много проявлений того состояния, в котором находилась страна, из-за чего королевские города и все остальные поселения претерпевали большой ущерб и великие разрушения: ибо все магнаты и рыцари жили грабежами и захватами, которые совершали по всей стране, а опекуны короля (регенты. — *O. A.*) потворствовали этому, стремясь привлечь их на свою сторону. <...> И в некоторых из этих городов восставали люди из числа работников, призывая к созданию коммун, и убивали некоторых из тех, кто их притесняли, и отбирали и разрушали находившееся в их владении» (и т.д.)²⁷.

Сказанное во многом объясняет истоки тех великих потрясений, которые вылились в гражданскую войну времен правления Педро I (1350–1369), и последовавшее за ней противостояние Короны и знати в период правления династии Трастамара, продолжавшееся вплоть до эпохи Католических Королей, т. е. до конца XV — начала XVI вв. В этот период шаг за шагом, сначала на уровне политической теории, а затем —

²⁷ Cron. Alf. XI.40.

политической практики и действующего законодательства, начался (но отнюдь не завершился) постепенный демонтаж конструкций феодальной системы власти. Отголоски этого процесса прослеживаются уже в «Большой хронике Альфонсо XI», созданной в правление Энрике II Трастамарского (1369–1379), а также в королевской хронистике второй половины XIV — начала XVI вв. Однако детальное изучение этих значимых памятников испанского историописания выходит за рамки настоящей работы и должно стать объектом отдельного источниковедческого исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Альфонсо X Мудрый. История Испании — Альфонсо X Мудрый и со-трудники. История Испании. В 3-х тт. / Под общ. ред. О.В. Аутова (сост., отв. ред.), И.В. Ершовой, Н.А. Пастушковой. СПб., 2019–2022.
- Альфонсо X Мудрый. Трактат о рыцарстве — Альфонсо X Мудрый. Трактат о рыцарстве: «О рыцарях и о том, как им надлежит поступать» (Partid.II.21) / Перевод, вст. ст., комм. О.В. Аутова // ША-ГИ/STEPS. 2023. Т. 9. № 2. С. 213–242.
- Гене 2002 — Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002.
- Санчес-Арсилья Берналь 2024 — Санчес-Арсилья Берналь Х. Кортесы во времена правления Альфонсо X Мудрого // Историк и власть, историк у власти: Альфонсо X Мудрый и его эпоха. / Под общ. ред. О.В. Аутова, А.В. Мареев, Р. Пичеля. М., 2024. С. 50–90.
- Хроника Альфонсо X — Хроника Альфонсо X / Пер. со старокаст., комм. и вст. статья А.В. Мареев. СПб., 2021.
- Alfonso X 2000 — Alfonso X el Sabio y las crónicas de España / Al cuidado de I. Fernández-Ordoñez. Valladolid, 2000.
- Catalán 1962 — Catalán D. De Alfonso X al conde de Barcelos: cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal. Madrid, 1962.
- Catalán 1992 — Catalán D. La Estoria de España de Alfonso X: creación y evolución. Madrid, 1992.
- Cron. Alf. X — Crónica de Alfonso X. Según el Ms. II/2777 de la Biblioteca del Palacio Real (Madrid) / Ed. por M. González Jiménez; índice por M.A. Carmona Ruiz. Sevilla, 1998.
- Cron. Alf. XI — Crónica de D. Alfonso el Onceno. Madrid, 1787.

- Cron. Fern. IV — Crónica de Fernando IV // *Benites Guerrero C.* Crónica de Fernando IV. Estudio y edición de un texto postalfonsí. El Puerto de Santa María, 2017. P. 9–167.
- Cron. Sancho IV — Crónica de Sancho IV / Ed. crít. de P. Enrique Saracino. Buenos Aires, 2014.
- e-Spania — e-Spania. Revue interdisciplinaire d'études hispanique médiévales et modernes. P., 2006– [Электронный ресурс] URL: <https://journals.openedition.org/e-spania/> (январь 2025).
- Fernández Ordoñez 1992 — *Fernández Ordoñez I.* Las Estorias de Alfonso el Sabio. Madrid, 1992.
- Funes 1997 — *Funes L.R.* El modelo historiográfico alfonsí: una caracterización. L., 1997.
- Gran. Cron. Alf. XI — Gran Crónica de Alfonso XI / Ed. crít. por D. Catalán. 2 tt. Madrid, 1976–1977.
- Kleine 2013 — *Kleine M.* El carácter propagandístico de las obras de Alfonso X // *De Medio Aevo.* 2013. Vol. 2. No. 2, 4. P. 1–42.
- Martin 1992 — *Martin G.* Les Juges de Castille. Mentalités et discours historique dans l'Espagne medieval. P., 1992.
- Nussbaum — *Nussbaum F.* Rodrigo Yáñez // Diccionario Bibliográfico Español. Real Academia de la Historia. URL: <https://dbe.rah.es/biografias/6141/rodrigo-yanez> (февраль 2026).
- Poema de Alf. XI — El Poema de Alfonso XI / Ed. de Jo.P. ten Cate. Madrid, 1956.
- Le pouvoir 2022 — Le pouvoir de l'historiographie dans le projet d'Alfonse X / Coord. par F. Bautista, I. Salvo García. Lyon, 2022.
- Spiegel 1993 — *Spiegel G.M.* Romancing the Past: The Rise of Vernacular Prose Historiography in Thirteenth Century France. Berkeley; Los Angeles, 1993.
- Spiegel 1999 — *Spiegel G.M.* Theory into Practice: Reading Medieval Chronicles // *The Medieval Chronicle. Proceedings of the 1st International Conference on the Medieval Chronicle. Driebergen/Utrecht, 13–16 July 1996* / Ed. by E. Kooper. Amsterdam; Atlanta, 1999. P. 1–12.
- Teoría y práctica 2000 Ward 2000 — Teoría y práctica de la historiografía hispánica medieval / Ed. by A. Ward. Birmingham, 2000.

А.П. ЧЕРНЫХ

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕРАЛЬДИКИ

Аннотация. Генеалогия как *геральдический источник* — это зафиксированная генеалогическая информация, выраженная гербами. Для работы с ним требуются специальные знания в области геральдики.

Надгробия с выраженной гербами генеалогией присутствовали в храмах — то есть в социальном пространстве, единственном общедоступном месте, где можно было увидеть генеалогию сеньора. Примеры многочисленны по всей Европе.

Гербы встречаются во многих источниках: поминальных книгах (*libri memorialis*), гербовниках-некрологиях, гербовых хартиях, хартиях идадьгии, в хрониках, в геральдических панно, в нобильяриях, трактатах и других генеалогических рукописях. Генеалогический источник мог решать задачи идеологии и пропаганды государственного уровня (например, королевские генеалогии), и рядового, когда геральдический компонент не выходил за пределы рода.

Распространенный образ, не имевший социальных ограничений — генеалогическое древо с гербовыми щитами. При публичной демонстрации генеалогии стирается грань между источником генеалогическим и геральдическим. Династические идеологизированные генеалогии-панно в репрезентативных пространствах наряду с реальными включали и воображаемые гербы.

Отдельно рассматриваются доказательные таблицы (франц. *seize quartiers*, нем. *Ahnenproben*), распространенные во Франции, в германских землях, в Австрии. Они требовались для занятия придворных должностей, для вступления в корпорации знати, для доступа к судебной и административной службе.

Особый тип геральдического источника — траурные доски (*Rouwboarden*) XVII–XVIII вв. В середине траурной дос-

ки находится главный герб (*Hoofdwapen*). По обе стороны располагаются гербы-картье (*Kwartierwapen*) — 4, 8, 16.

Специфика в том, что надо оценивать и геральдическую достоверность источника, и генеалогическую. Особые возможности генеалогии как источника для геральдики состоят и в том, что гербы подкрепляются письменными источниками, связывающими герб с конкретными носителями. В современной исторической науке культурная модель генеалогии подразумевает понимание ее реального значения, которое позволяет выявлять связи, недоступные другим видам геральдических источников.

Ключевые слова: геральдика, генеалогия, источники, надгробия, гербовые хартии, траурные доски (*Hatchmet*), материальная культура, доказательные таблицы (*seise quartiers, Ahnenproben*)

Известно, что «источники генеалогического исследования практически неограниченны»¹. Также известно, что некоторые из них сопровождаются гербами или даже полностью состоят из гербов. Чем является присутствие гербов в генеалогиях — бесполезным дополнением или явной помехой, привносящей лишнюю путаницу? Как подходить к источникам с такого рода компонентом?

Генеалогия как *геральдический источник* — это зафиксированная генеалогическая информация, выраженная гербами или сопровождаемая ими, на любом носителе, рисованная или вербальная². И рисованная, и вербальная, как любой геральдический источник, она требует некоторых специальных знаний в области геральдики.

При определении хронологических границ генеалогических источников с точки зрения геральдики надо учесть, что они отличаются от хронологии генеалогий вообще, но из-за гербов, соответственно, в принципе не могут быть старше XII века, а в действительности они появляются еще позже. И, опять же, в связи с геральдикой, они подразумевают два этапа — средневековый и Нового времени.

¹ Бычкова 1983: 3; Кром 2003: 377.

² Черных 2025: 230–234.

Гербы появляются, сменяя условные портреты, в королевских и семейных хрониках, иногда в тексте, иногда отдельно. К ним примыкают поминальные книги и гербовники-некрологии. Как генеалогические источники с геральдической составляющей могут рассматриваться и хорошо известные гербовые хартии.

Первоначально гербы, не будучи связаны с привилегированным статусом, возникли как репрезентативное сопровождение. И, возможно, в первую очередь в храме, где не было идентифицирующих надписей. Металлические надгробия появились в Германии в конце XI в., во Франции в конце XII в., в том числе и с геральдическими изображениями работы лиможских мастеров. Техника лиможской эмали позволяла в точности воспроизводить герб, если сами обладатели точно его знали. Известно о существовании около 50 медных надгробий с лиможской эмалью, из которых сохранилось не более пяти³.

Исключительное надгробие бретонских герцогинь из аббатства Нотр-Дам де Вильнёв близ Нанта известно по акварелям Луи Будана (Louis Boudan, 1687–1709) из коллекции Роже де Гэньера (1642–1715) (BnF. Dép. des estampes. Fonds Gaignières. Fol. 99, 78, 79) и некоторым другим. Всего на лицевой и боковых сторонах надгробия насчитывалось около 300 гербов⁴. Увы, этот великолепный генеалогический и геральдический памятник уничтожен во время Французской революции вместе с другими многочисленными находившимися в аббатстве гробницами XIII–XIV вв. Двойное надгробие герцогини Бретонской Аликс де Туар (1201–1221) и ее дочери Иоланды Бретонской (1218–1272), покрытое щитами с гербами брачных союзов и сеньорий, было одним из красивейших в Европе. Надгробие Иоланды из позолоченной меди было изготовлено отдельно и присоединено к уже существовавшему надгробию Аликс после 1272 года⁵.

³ Gisants émaillés.

⁴ Cоpy 2016: 110; Jones 2016: 195.

⁵ Cоpy 2016: 124–125.

В этом надгробии гербы — не намеки, а точный идентификатор брачных, наследственных и сеньориальных связей — истинная демонстрация сеньориальных достижений и притязаний, известных и малоизвестных. По выражению Л. Абло «геральдические знаки материализуют геополитическую реальность»⁶. В этом смысл помещения всех этих гербов на надгробии. Гербам представлены имена и земли, к которым имели отношение две дамы из новой герцогской династии. Гербы были генеалогической демонстрацией прав на эти имена и эти сеньории, доказательством на основе истории рода. Главная цель — визуализация этого прошлого в пространстве храма — то есть в социальном пространстве. Это касается всех геральдизированных надгробий XIII века. В Средние века подобное надгробие в храме было единственным общедоступным местом, где можно было увидеть выраженные гербами титул, статус и генеалогию сеньора⁷.

В хронике монастыря Цветтль «Медвежья шкура» (*Stifterbuch des Klosters Zwettl, Bärenhaut*) (отчасти хронике, отчасти картулярии), составленной до 1331 г., присутствует генеалогия рода Кюнрингер, министриалов Бабенбергов, рисованная, с условными портретами и с гербами (хранится в Kloster Zwettl. Signatur Hs. 21. Fol. 8 r). Кроме нее есть генеалогии и других родов. Но вплоть до конца XV в. геральдическая составляющая в генеалогиях не была основной характеристикой происхождения того, в отношении кого она составлялась.

Встречаются гербы и в генеалогических рукописях, например, в «Генеалогии королей Наварры и Арагона» (*Genealogia regum Navarrae et Aragoniae et comitum Barchinonae*) 1380 г., где текст о барселонском графе Рамоне Беренгере сопровождается красными и синими линиями его родственных связей и изображением самого графа в круглом клейме с его гербовым щитом (в золотом поле четыре красных столба). И в других текстах, касающихся генеалогии, стали появ-

⁶ Hablot 2019: 171.

⁷ Черных 2023: 376–379.

ляться гербы, еще не заменившие условные портреты, но уже сопровождавшие их.

Поминальные книги (*libri memorialis*), они же гербовники-некрологии — это монастырские собрания записей, посвященных поминаемым покровителям монастыря и людям, похороненным на территории обители, в которых сама запись сопровождается небольшим гербовым щитом. Гербы одного рода могут повторяться несколько раз за год, могут не повторяться, иногда запись гербом не сопровождается. Записи могли вестись в течение столетий. Географические рамки некрологиев — Франкония, Бавария, Австрия и отчасти Швейцария. Большинство известных некрологиев выполнены во второй половине XV в. францисканцами: в Вене (конец XIV в.), в Ландсхуте (около 1420 г.), в Мюнхене (после 1424 г., содержит 169 гербов), в Кобурге (с середины XV в.), Регенсбурге (около 1460 г.) и Бамберге (около 1490 г.). Встречаются некрологии и других орденов, например, Книга Основателей доминиканцев Эрфурта, которая велась с начала XV в. до 1520-х гг.; она содержит около 250 записей с многочисленными родовыми гербами⁸.

Постепенно герб в генеалогии становился все более важным компонентом. В Новое время гербы активно присутствуют в гербовых хартиях, которых становится больше, в документах подтверждения знатности (хартии идалгии), в генеалогических разделах королевских и частных хроник, в официальных династических генеалогиях, в геральдических панно, в «сез картье», на надгробиях, в генеалогических сочинениях с блазонами и гербами в тексте. На Пиренейском полуострове такого рода труды в Новое время (а это и родословные книги, и нобильярии, и трактаты, и истории знати, всякие компендиумы и «театры чести») настолько многочисленны, что нет возможности описать их хоть сколь бы то ни было подробно.

Если до конца XV века геральдический компонент в генеалогиях служил не основной, а дополнительной характеристикой происхождения адресата родословной, то с начала

⁸ Харьков 2023: 361–362.

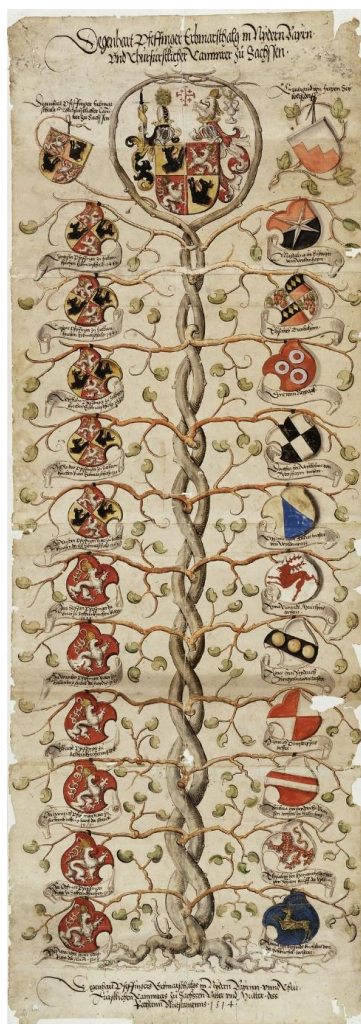
XVI века это положение стало меняться: «геральдизированных» генеалогий стало намного больше, количество геральдизированных генеалогий возросло, как возросло число генеалогий вообще в связи с формированием новой концепции знати. И изображенный в родословной герб приобретал все большее значение, а главное — это значение во многом изменилось.

Следует учитывать уровень генеалогического источника: высокий, когда решались задачи идеологии и пропаганды государственного уровня, и рядовой, когда геральдический компонент в генеалогии не выходил за пределы интересов рода.

Гербовые хартии, известные в Европе практически повсеместно, продолжали средневековую традицию. Они разные — это хартии аноблирования, хартии подтверждения идалгии. Они появляются не ранее времени, когда герб, бывший до того в свободном усвоении, стал объектом дарования, то есть на рубеже XIV–XV вв. В Германии гербовые хартии (*Wappenbriefe*) известны с середины XIV в.; в Португалии самая ранняя из известных хартий относится к 1419 г.

Хартия аноблирования нередко сопровождалась дарованием герба, рисунок которого или блазон в ней присутствовал, например, гербовая хартия роду Роттенгаттер (*Rottengatter*) от Фридриха III, данная им в Ульме 21 июня 1473 г. Сохранились тысячи таких хартий, и в Новое время их количество весьма увеличилось.

Генеалогия могла быть представлена и самостоятельным одноименным документом. Таково генеалогическое древо Пфаффингеров цу Зальманскирхен (*Stammbaum der Pfaffinger zu Salmanskirchen, Bayerische Hauptstaatsarchiv; BayHStA*) работы В. Петцольда (*Wilhelm Pätzold*, Мастер из Мюльдорфа, †1521), созданное в 1514 г., с 25 гербовыми щитами на нем (Илл. 1). Семейство Пфаффингеров в 1375–1519 гг. занимало должность потомственного маршала Нижней Баварии. Гербы слева могут показаться повторяющимися, что естественно, так как это «майоратное» древо с патрилинейными гербами, гербами мужчин, отражающее не детей, а брачные союзы. Зато справа они очень разнообразны, по-

Илл. 1

В. Петцольд. Генеалогическое древо Пфаффингеров. 1510 г.⁹

⁹ Изображение находится в открытом доступе; является общественным достоянием. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Datei:Stammbaum_der_Pfaffinger.jpg (июль 2026).

поскольку это гербы супруг, выходивших замуж за мужчин этого рода и приносивших в его генеалогию свои гербы.

Другого уровня, но по сути схожая с нею — «Генеалогия королевы Елизаветы I» (*Genealogy of Queen Elizabeth I*), составленная накануне 1567 года¹⁰. Это репрезентативная королевская генеалогия, начинающаяся от герцога Нормандского Роллона с его воображаемым гербом — двумя шестьюющими леопардами в красном поле (Fol 4 r). Генеалогия подробная, многоречивая, включающая и многочисленных представителей английской знати с условными портретами, информационными клеймами и гербами (Fol 24 r) и доведенная, как и задумано, до самой Елизаветы I. Она представляет несомненный геральдический интерес не только из-за обилия гербов, но и потому, что составлена Робертом Куком, гербовым королем Кларенс в 1567–1593 годах¹¹.

Генеалогическое дерево с гербовыми щитами — распространенный образ, не имевший социальных ограничений. Известно богато исполненное и репрезентативное родословное дерево рода Хольцхаузен (*Holzhausen*) 1634 г. При взгляде на это увешанное 57 гербами дерево и стоящих под ним сеньора и даму трудно даже предположить, что они не имеют отношения к знати, а между тем это именно так — это городской патрициат Франкфурта-на-Майне (хранится в Художественном институте искусства и городской галерее Штеделя (*Städelsches Kunstinstitut und Städtische Galerie*) во Франкфурте. Инв. 1770).

В неоконченной «Хронике Саксонии и Тюрингии» Георга Спалатина (1484–1545) (лат. *Georgius Spalatinus*, нем. *Georg Burkhardt. Chronik der Sachsen und Thüringer*) 1510 г. среди ее 1800 миниатюр имеются и краткие генеалогические визуализации, как с воображаемыми, так и с подлинными гербами (см. Fol 5 v, Fol 284 v, etc.). В 1555 г. по заказу Якоба Фуггера была составлена подробная геральдико-генеалогическая книга «Зерцало чести Домов Австрии»¹². Это попытка пред-

¹⁰ British Library. BL King's 396.

¹¹ Drimmer 2015: 203.

¹² Fugger 1555: Cgm 895, 896.

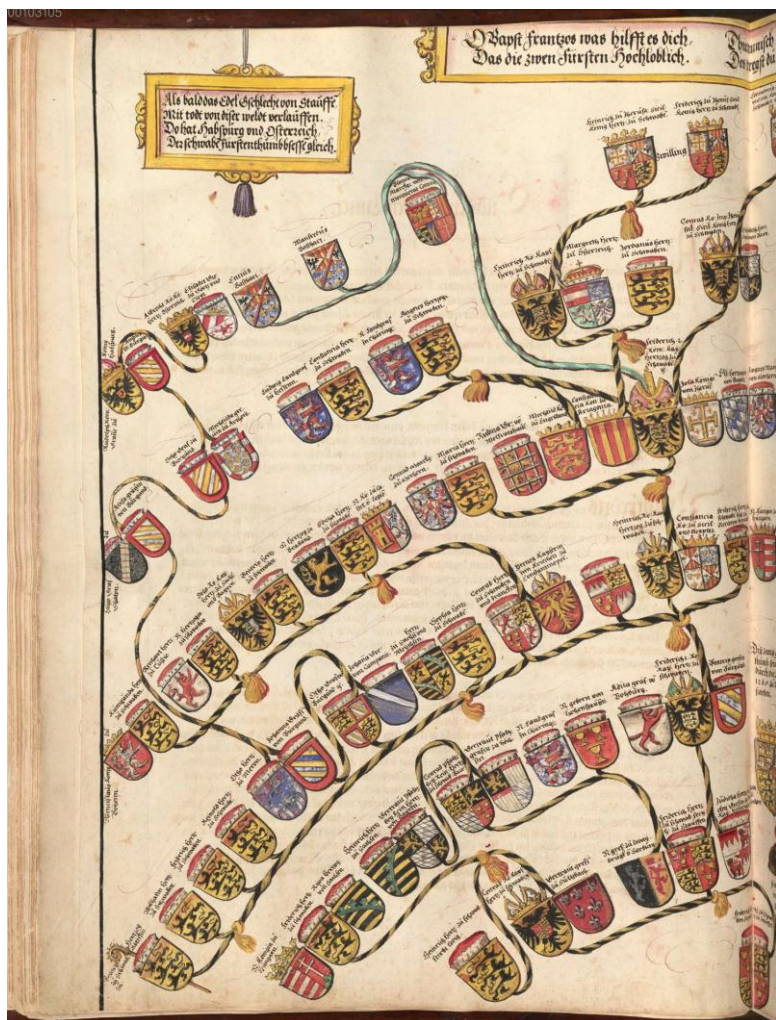
ставить всю историю династии Габсбургов. Первые шесть книг посвящены происхождению австрийского герба, дома Габсбургов, их истории со времен Троянской войны до императора Фредерика III. Они включают 4500 гербов и более 25 пространных генеалогий с гербами европейской, а не только австрийской знати (например, генеалогия со 144 гербовыми щитами предков, Fol. 27 v°–28 r°) (Илл. 2а–2б). Второй том содержит седьмую книгу и повествует только о событиях истории Максимилиана I.

Геральдическую составляющую имели и распространенные, преимущественно в Англии, «визитации» — инспекционные поездки герольдов с целью проверки законности пользования правами и привилегиями знати. Возможно, они начались как своего рода «чистка» после войны Алой и Белой роз. Визитации шли с 1520-х гг. — времени правления Генриха VIII и до последней четверти XVII в. — правления Карла II. Герольды проверяли не только родовые легенды, но и гербы в семейных документах, в церкви, на кладбище, и результаты этих проверок фиксировали. Эти их записи, «книги визитаций», сохранились в герольдии и в большинстве своем изданы. Генеалогический аспект в них и подразумевался, и присутствовал.

Возможно, что составление первых гербовников в Польше, относящееся к концу XVI в., также имело целью создание генеалогических справочников, подтверждающих принадлежность к шляхте (например, гербовников К. Несецкого, Б. Папроцкого, Ш. Окольского). Особенности гербовников как генеалогических источников отмечены известным германским историком-гербоведом Т. Хильтманом¹³. Нам уже пришлось упомянуть гербовники-некрологии, но рассматривать огромный массив всех гербовников в рамках темы представляется не вполне верным.

Генеалогический материал с гербами предоставляли, как я уже сказал, и надгробия. Средневековая традиция геральдизации надгробий в Новое время никуда не ушла. В XIV в. гробницы епископов в Вюрцбурге украшались двумя

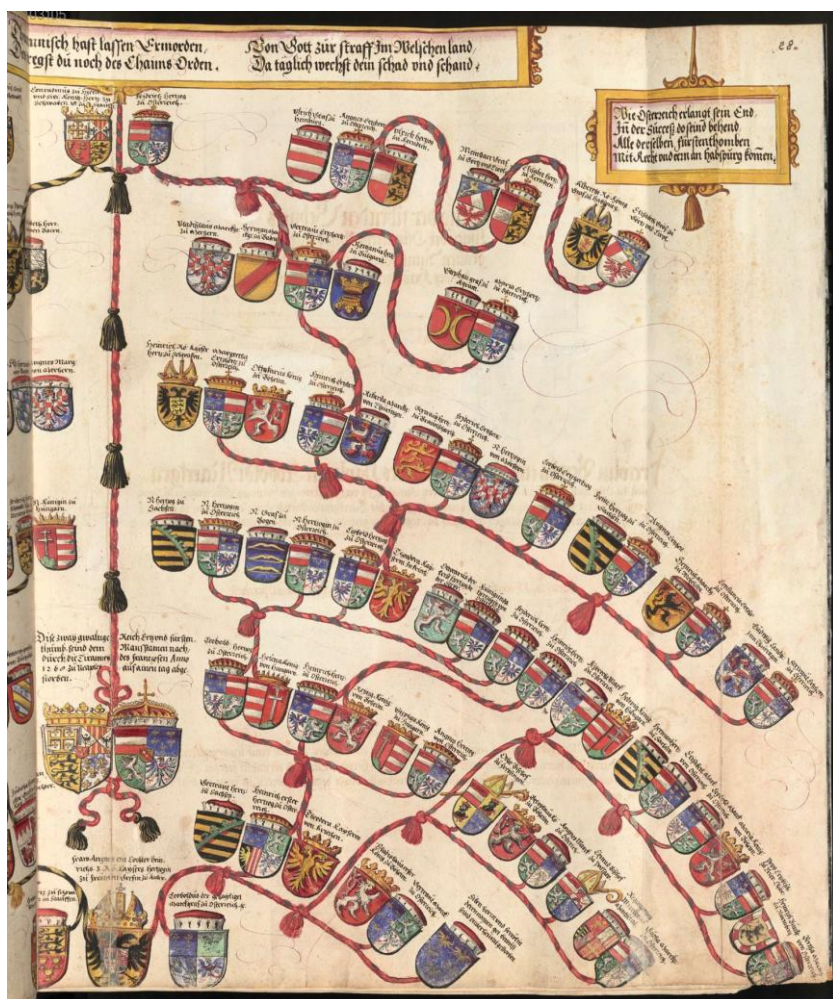
¹³ Hiltmann 2011: 193.

Илл. 2а

Я. Фуггер. Книга Чести австрийских Домов. 1555
Fugger J. Ehrensiegel des Hauses Österreich. Buch I. Fol. 27^v14

¹⁴ Воспроизведено по: https://archive.org/details/onb_cod_8613 (июль 2026).

Илл. 26

Я. Фуггер. Книга Чести австрийских Домов. 1555
Fugger J. Ehrenspegel des Hauses Österreich). Buch I. Fol. 28r¹⁵

¹⁵ Воспроизведено по: https://archive.org/details/onb_cod_8613
 (июль 2026).

гербами; в XV в. к ним добавились еще два. К концу XV в. количество гербов возросло до 8, с XVI в. даже до 16, а иногда и до 32. Иногда эта традиция воплощалась предельно «генеалогично», как например, в надгробии Карла Смелого (†1477) в церкви Богоматери в Брюгге, где на боковой стенке саркофага представлено древо Бургундских герцогов с гербами сеньориальных владений (Илл. 3.). Рядом — надгробие его дочери герцогини Марии Бургундской (1457–1482) работы 1488–1502 гг. (260 x 135 x 135 см, латунь, медь, бронза, эмаль) с такой же богатой генеалогической репрезентацией.

Илл. 3

Генеалогическое древо на надгробии Карла Смелого.
Брюгге. XVI в.¹⁶

¹⁶ Изображение находится в открытом доступе; является общественным достоянием. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/File:Brügge-Liebfrauenkirche-Prunkgräber_DSC0170.jpg

Это не новое место для высказывания родовых амбиций, но ранее было достаточно только гербов (как в надгробии Аликс и Иоланды Бретонских), без связи их с образом древа. Генеалогическое древо, увешанное гербовыми щитами — распространенный образ, не имевший социальных ограничений. Однако часто обходились только гербовыми щитами.

Известное захоронение Фридриха III Великого (1415–1493) 1513 г. в Соборе Святого Стефана в Вене сопровождается 37 гербами его генеалогии. Геральдическая составляющая этого надгробия тесно связана с происхождением и статусом императора¹⁷. Или, например, надгробие Фридриха Мудрого (1463–1525) в Виттенберге 1527 г. с 17 гербами. Или надгробие герцогини Елены Мекленбургской (Шверин), урожденной пфальцграфини Рейнской (Herzogin Helena zu Mecklenburg, geb. Pfalzgräfin bei Rhein, †1524) 1528 года¹⁸. Родовой герб герцогини сопровождают 8 весьма высокого уровня гербов ее предков. Правда, нельзя не заметить, что, поскольку это уже немного другое время, на надгробии текста довольно много.

Или же очень похожее надгробие Фольрада фон Крозига (*Volrad von Krosigk*) 1577 г. в Мерзебурге¹⁹. На надгробии образ усопшего в латах сопровождают 16 гербовых щитов его предков с инициалами. В сущности, наполнение этого надгробия очень напоминает нидерландские траурные доски. Надгробие в храме — основная возможность публичной демонстрации генеалогии, но очевидно, что здесь стирается грань между источником генеалогическим и геральдическим²⁰.

В 1489–1492 гг. в аббатстве Клостернойбург в Австрии было создано панно с генеалогическим древом Бабенбергов (1489–1492). Поводом послужила канонизация Леопольда III Бабенберга (†1136), состоявшаяся 6 января 1485 г. Культ Леопольда III возник еще в XII в. и постепенно приобрел немалую популярность. Поток паломников к гробнице святого

¹⁷ См.: Menke 2011: 277–286.

¹⁸ Hecht 2023: 231.

¹⁹ Hecht 2023: 232.

²⁰ Черных 2025б.

в Клостернойбургском аббатстве возрастал и, чтобы познакомиться всех с жизнью и происхождением нового святого, пробст аббатства Якоб Паперль (1485–1509) решил заказать наглядную историю рода Бабенбергов, пресекшегося уже в 1246 г., из которого происходил святой.

Генеалогия династии Бабенбергов представляет собой триптих: в его центральной части расположены 27 круглых клейм с сюжетами родовой истории, полных исторических фигур, сопровождаемых историческими и воображаемыми гербами (например, герцог Генрих I Бабенберг с пятью золотыми орлами с синем поле или герцог Леопольд III Бабенберг в мантии, воспроизводящей тот же герб); в левой и правой боковых створках помещены портреты 46 дочерей и супругов из этого рода с их гербами, среди которых Гертруда Саксонская и Теодора Комнина, две супруги Генриха II Язмирготта, Агнесса Тюрингская и другие²¹.

В XVI веке получили распространение идеологизированные генеалогии-панно в репрезентативных пространствах (в дворцовых и замковых залах), с изрядной долей фальсифицированных гербов. Таковы, например, панно в королевских Ньюборгском и Сённерборгском замках в Дании середины XVI в. с генеалогией короля Кристиана III и огромным количеством гербов. Или панно с генеалогией герцога Людвига Вюртембергского (*Ahnentafel von Herzog Ludwig Württemberg*) 1585 года (хранится в *Landesmuseum Württemberg* в Штутгарте), где в верхнем ряду вместе с портретами представлены 32 гербовых щита. Иногда это огромные живописные «доказательные генеалогии» (*Ahnenproben, seize quartiers*), такие, как генеалогия графа Вольфганга фон Гогенлоэ (1546–1610) в Рыцарском зале замка Вайкерсхайм (Баден-Вюртемберг) по одну сторону от камина и генеалогия графини Магдалены фон Нассау-Каценеленбоген (1547–1633) — по другую, где она сама возлежит внизу с этрусской улыбкой, рядом со своим гербом, в окружении двух путти. Оба эти панно — с 32 гербами предков в верхнем ряду. Однако это уже XVII в. и потому все гербы подписаны.

²¹ См.: Scheibelreiter 2009.

Упомянутые мною «сез картье» заслуживают отдельного внимания. «Сез картье» (франц. *seize quartiers*, букв. 16 гербов, или по-немецки *Ahnenproben*) — особая форма генеалогической таблицы, возникшая во Фландрии и Германии в Новое время и использовавшаяся как доказательство принадлежности к благородному сословию. Причины появления такой доказательной таблицы — усиление контроля над знатью и самозванчество в связи с привилегиями привилегированного сословия. Во французском языке слово *quartier* в геральдике и генеалогии имеет значение благородного герба (*quartier de noblesse*). Таблица «сез картье», показывает происхождение и с отцовской, и с материнской стороны, и именно герб служит подтверждением знатного происхождения. Практически в ней патрилинейная и матрилинейная генеалогии уравниваются. Классическая форма таблицы «сез картье» охватывает 31 человека из пяти поколений, включая лицо, для которого таблица составлялась, и в которой в верхнем ряду представлены 16 гербов предков. Это самый частый вариант присутствия гербов в «сез картье». Но их бывало и больше. В XVII веке выражение «сез картье» превратилось в обозначение таблицы разной степени полноты: 8, 16, 32, 64 и более гербов, но домов, которые могли представить большую «сез картье», было немного. Иногда она включала шесть поколений отцовских и материнских предков с их родовыми гербами — 63 лица. Для XVII века это слишком много, 31 человек — более жизненно и правдоподобно.

Таковы, например, доказательства происхождения (*Ahnenprobe*) Георга фон Шульцбурга (*Georg Adolf Freiherr Speth von Schültzburg*) 1695–1731 гг. и Франца фон Румпа (*Franz Theodor Carl Leopold von Rump*) 1707–1770 гг.

Иногда гербы в этих документах бывают соединены неким подобием ветвей, формируя условное генеалогическое древо, как *Ahnenprobe* Марии-Терезии фон Ламберг (*Maria Theresia von Lamberg*) 1763 г. или в *Ahnentafel* Зигмунда графа фон Вальбург-Зейл-Траухбург (*Sigmund Christoph Graf von Waldburg-Zeil-Trauchburg*) 1776 г., или в *Ahnenprobe* Франца

фон Хеттерсдорф (*Franz von Hettersdorf*) 1782 г. в княжестве-епископстве Вюрцбург²².

Еще более выразительно образ генеалогического древа с показывающими связи ветвями и декоративными листиками просматривается в *Anhenprobe* графов фон Брандис, в частности, Карла графа фон Брандис (*Carl Franz Josef Adam Graf von Brandis*) 1730–1774 гг.

«Сез картье» были распространены во Франции, в германских землях, в Австрии. Они требовались для занятия придворных должностей, для вступления в корпорации знати, в привилегированный монастырь или учебное заведение, для доступа к судебной и административной службе. В России их роль играли поколенные родословные росписи — перечни всех членов семьи с указанием степени родства, в своей древней части иногда баснословные²³. У нас связь происхождения с гербами установилась позднее.

В XVI–XVII вв. только те, кто мог доказать свою знатную родословную, могли претендовать на вступление в рыцарский Тевтонский орден. Требовалось представить заверенные копии документов о браке, крещении и «геральдическую генеалогию», чтобы подтвердить знатность каждого члена рода, из которого происходит соискатель. В Центральном архиве Тевтонского ордена в Вене сейчас хранится информация о более чем 2100 претендентах. Показательны *Anhenproben* двоих братьев фон Хоенсброх (*von Hoensbroech*) из старинной семьи Нижнего Рейна: Франца Генриха (ок. 1727–1793) и Фридриха Мельхиора (ок. 1729–1793), которые с 1750 г. последовательно подавали документы для вступления в Орден, подтверждая право необходимыми генеалогическими документами (№ 751, 753)²⁴.

«Сез картье» позволяет проследить гербы супруг, но, разумеется, только в том случае, когда браки предков хорошо известны. Составителям подчас было непросто углубить родословие на пять поколений, особенно по женской линии —

²² Черных 2025б.

²³ Бычкова 1983: 5.

²⁴ Черных 2025а: 232–233.

и, кстати, возможные фальсификации следует искать именно здесь²⁵.

Общее для всех — гербы мужских представителей рода располагаются в левой части, и для пяти поколений нормативно присутствие одного и того же родового герба, повторенного пять раз. В большинстве случаев гербы сопровождаются нашлемниками и уточняющими подписями под гербовыми щитами. Все правые гербы — гербы женщин. Причем уже с герба бабушки начинается геральдико-генеалогическая история совсем другого, бабушкиного рода с их шестью-семью гербами. Можно сразу сказать, что в уточняющей проверке нуждаются гербы разных поколений, но осмелюсь предположить, что более других — 16 гербов верхнего ряда, особенно в части гербов супруг.

В 2009 г. в Мюнстерском университете прошла научная конференция, посвященная именно этим источникам (*Die Ahnenprobe in der Vormoderne: Selektion — Initiation — Repräsentation*). Это сохранившийся в архивах настолько большой массив источников, что я не могу даже близко думать о том, чтобы проанализировать их, а просопографически несомненно интересен каждый из них — я могу только упомянуть их в рамках темы, как серьезный генеалогический источник для геральдики.

Траурные доски — особый тип геральдического источника XVII–XVIII вв., своего рода публичное развитие «сез картье». Предварительный этап поисков этой формы — созданное в XVI в. мемориальное панно Боудевейна ван Свитена и его семьи (*Memorietafel van Boudewijn van Swieten en zijn geslacht*) — живопись масляной краской по холсту (Илл. 4).

В Германии генеалогическая составляющая больше проявлялась в надгробиях, а в германских погребальных досках она почти не выражена²⁶.

В Англии траурные доски с изображением герба (англ. *Hatchmet*) продолжали традицию средневековой погребальной

²⁵ Черных 2025а: 232–233.

²⁶ См.: Харьков 2024: 333–335.

Илл. 4

Панно Боудейна ван Свитена из Монастыря Мариенпоэль. 1552 г.
Музей Лакенхал, Лейден²⁷

церемонии, в которой присутствовало напоминание потомкам о происхождении усопшего. Они выполнялись росписью по дереву или по холсту на деревянной раме в виде равно-стороннего ромба и выставлялись в церкви. Особенностью именно английских досок было уточнение брачных отношений (усопший муж, здравствующая жена, наличие двух жен и тому подобных), поэтому иногда появлялись рядом гербы обоих супругов. В Англии после погребения траурную доску устанавливали над дверью дома на все время траура, в церковь она переносилась по окончании одного. Наиболее ранняя из английских погребальных досок датируется 1627 г. Погребальный ритуал с обязательной траурной доской был популярен в середине XIX века²⁸.

Об обычае траурных досок во франкоязычных землях слышать не приходилось. Кл.-Фр. Менетрье в книге «Погребальное оформление» упоминает нечто подобное²⁹, но их функцию выполняла літра. Надо признать, что это малоис-

²⁷ Изображение находится в открытом доступе; является общественным достоянием. URL: https://nl.wikipedia.org/wiki/Bestand:Memorietafel_van_Boudewijn_van_Swieten_en_zijn_geslacht.png

²⁸ Фрайер, Фергюсон 2011: 131–133.

²⁹ Menestrier 1683: 155.

следованная тема. В Швеции в 1999 г. появилась докторская диссертация Инги фон Корсвант-Наумбург о погребальных гербах шведского дворянства в период с 1650 по 1730 год³⁰. Собственно, работа была представлена как диссертация по искусствоведению, но геральдическим аспектам в ней уделено значительное внимание. В недавнее время фон Корсвант-Наумбург опубликовала (в двух частях) аналогичное по подходу и тематике исследование о гербах при погребении в Скарской епархии³¹.

В отношении формы и размеров английские траурные доски более стабильны: они всегда в форме ромбового квадрата размером примерно 70 x 70 см. Эти памятники есть и на континенте: Нидерландам такая форма и размер тоже известны, но в XX в. они применялись преимущественно для траурных досок королевской семьи.

Главный герб (Hoofdwapen) находился в середине траурной доски на черном фоне в традиционной щитовой форме для мужчины и обычно овальной для замужней и ромбовидной для незамужней женщины. Герб замужней женщины в большинстве случаев являлся гербом брачного союза (*alliantie-wapen*), он объединял герб ее отца (справа) и герб ее супруга (слева). Гербы усопших мужского пола снабжены шлемами, нашлемниками и наметом, щитодержателями, короткими текстами-эпитафиями. В обрамлении присутствуют образы бренности бытия и смерти.

С XVII в. стали добавлять гербы предков, материализованный нидерландский вариант «сез картье».

В траурной доске *гербы-картье (Kwartierwapen)* располагаются по обе стороны от «главного герба», слева предков по отцовской линии, справа со стороны матери. Гербов-картье первоначально было 4, затем 8 и даже до 16 по обе стороны от главного герба усопшего. Например, на траурной доске Марии Агаты Реэль (*Maria Agatha Reael*, 1695–1731), помимо главного герба в овальном щите, по сторонам располагаются 16 гербов-картье. Чаще всего гербы-картье указа-

³⁰ Corswant-Naumburg 1999.

³¹ Corswant-Naumburg 2006; Corswant-Naumburg 2010.

ны в том же порядке, в котором они существуют в состоянии «сез картье» в генеалогии.

В Нидерландах траурные доски (*Rouwboarden*) — это памятники знатных семей XVI–XVIII вв.; их также называли «памятными досками» (*Memorieboarden*). Траурные доски вывешивали на фасаде дома усопшего, чаще над дверью или помещали перед домом на подставке. Во время похоронной процессии доску несли впереди. После похорон доска с гербом вывешивалась либо в часовне замка, либо в приходской церкви. Кроме герба на черном фоне есть текст «OBIIT» (упокоился) и дата смерти. Есть рисунки, на которых видно, что на похоронах несли небольшие траурные доски, а в храме вывешивали с семейными гербами и уже в обрамлении довольно большого размера.

Эти темные декоративные обрамления напоминают киоты (иногда пользуются архитектурным термином «эдикулы»). Они выглядят как стилизованный храм, состоящий из ступени, колонн с капителями, архитрава и тимпана. Эти эдикулы нередко внушительных размеров — высотой 170–210 см и шириной 120–140 см. Общенидерландского стандарта не существовало, но облик всех был схож.

Ранняя траурная доска воспроизведена в издании Кр. Плантена 1559 г., это траурная доска Карла V: в центре табард с гербом императора Священной Римской империи, по бокам 6 гербов, которые можно считать гербами-картье³².

Траурным доскам была уготована не самая благоприятная историческая судьба. Французское революционное законодательство 1795 г., запретившее гербы во Франции, запрещало их и в тех странах, которые оккупировали войска революционной Франции, и если не уничтожало, то делало недоступным общему обозрению эти визуальные проявления родового сознания. Во времена Батавской республики принципы эгалитарного государства пришли в полное противоречие с принципом бытования геральдико-генеалогических памятников в храмах — единственном общедоступном месте, где род мог продемонстрировать свою генеало-

³² La magnifique 1559: 1r.

гию в обществе. Батавская республика, конечно, не могла позволить себе отставать в этом демонстративном эгалитаризме: в 1798 г. ее правительство потребовало снять доски в церквях, поскольку они слишком сильно обозначали неравенство. Во многих случаях их попрятали, но тысячи досок были сняты и уничтожены. После Французской революции траурные доски вешали уже намного реже.

Сколько именно их было — сегодня трудно сказать. В настоящее время это геральдическое наследие Нидерландов не сконцентрировано в одном месте, а разбросано по разным храмам. В XVII–XVIII вв. в храме их висело несколько десятков, как, например, в церкви в Рансте, где было около 30 траурных досок; в церкви Маарсена в провинции Утрехт — 10; в церкви Ренессе в Зеландии — семь. В церкви Святого Андриеса в Амеронгене их выставлено более 20: эти траурные доски охватывают около трех столетий истории семьи Ван Рид; самая старая из них датируется 1605 г., а последняя — 1897 г. Траурная доска Годара ван Рида ван Гинкеля, первого графа Атлона (†1703 г.) выделяется своими размерами (340 x 370 см). Он был известным человеком и все его титулы присутствуют на доске визуально и в тексте³³. Доски семейства Ван Рид включают по 16 гербов-картье.

Проблемы в отношении их количества есть не только в Нидерландах: Ст. Фрайер считает, что в приходских церквях Англии раньше находилось гораздо большее количество траурных досок, чем те 4500 экземпляров, которые были взяты на учет в недавнем прошлом³⁴.

Надо сказать, что кроме непосредственных геральдических памятников, до нас дошли некоторые картины и гравюры современников с интерьерами протестантских храмов. Сохранились зарисовки 1787 г. барона Хангеста д'Ивуа, сеньора Мейдрехта (*baron M.L. Hangest d'Ivoy, heer van Mijndrecht*) интерьеров Большой церкви Святой Варвары (*Grote of Barbarakerk*), на которых виден 61 герб. Все ли это гербы, висевшие в церкви, неизвестно. Почти все сохранившиеся

³³ Rouwborden.

³⁴ Фрайер, Фергюсон 2011: 133.

(за исключением двух) датируются временем после пожара 1654 года.

Есть интерьер церкви Святого Бавона (*Sint-Bavokerk*) в Харлеме на картине 1668 г. Йоба Адриэнша Беркхейде (*Job Adriaensz. Berckheyde*) с примерно 20 траурными досками. Этот же интерьер спустя 100 лет присутствует на рисунке Винсента Янса ван дер Винне (*Vincent Jansz van der Vinne*) 1789 г. (Архив Северной Голландии, код 53-000433.). Количество досок возросло на треть — на рисунке сорок траурных досок висят в храме в три ряда, чем больше размером, тем выше.

Или фрагмент интерьера храма Святой Марии (*Mariakerk*) в Утрехте работы Корнелиса ван Харденберга (*Cornelis van Hardenberg*) конца XVIII в. (Архивы Утрехта, кат. 37337), в пространстве которого видны 12 траурных досок.

Гербы, в том числе и картье, в данном объекте требовали точности с геральдической точки зрения и, надо полагать, этот материал готовился заранее. Возможно, он использовался по меньшей мере еще раз — при изготовлении рамы портрета усопшего. Портрет без ограничений во времени делался позже и выставлялся не в храме, а в репрезентативном светском пространстве. На раме с гербом усопшего наверху гербы-картье располагались по боковым сторонам рамы (на раме портрета Марии Агаты Реэль — 16 гербов, по восемь с каждой стороны). Эти гербы-картье очень напоминают таковые же траурной доски.

Самой важной функцией траурных досок было показать, кем был покойный и каково было его положение в обществе. Разумеется, это репрезентации самых заметных членов того общества: титулованной знати, крупных сеньоров, членов городского совета, мэров, генералов армии нидерландских Штатов, начальников дамб и секретарей гильдий. Тексты эпитафий, сопровождающие гербы, приводят не только имена, но и должности и титулы усопших. Восемь гербов-картье — наиболее часто встречающаяся в траурных досках форма генеалогии рода. Это уровень, на котором, надо полагать, удавалось соблюсти генеалогическую достоверность.

Траурные доски — это публичность генеалогии, напоминающая средневековую. Их общей особенностью является то, что они всегда точно датированы и большинство идентифицированы. С точки зрения геральдического источника надо отметить то, что это источник не «завершенный», а продолжающий существовать и в наши дни в Великобритании, в Бельгии.

С XVII века в генеалогиях высокого уровня обнаруживается тенденция к замене гербов портретами, правда, уже не условными, как в XIV в., а претендующими на реалистичность. В XVIII веке она еще больше усиливается.

Роль герба в генеалогических источниках до начала XVI века — это в первую очередь идентификация, привлечение герба к репрезентации в родовом комплексе вместе с именем и генеалогической историей линияжа.

Начиная с XVI века, с момента возникновения устойчивой связи герба с благородным статусом, основной функцией герба в генеалогии стало дополнительное подчеркивание знатности рода, репрезентация линияжа как ценного сообщества. В случае дарования герба верховной властью — тем более. Герб становился основным способом выразить благородство, в том числе и в генеалогии³⁵.

Одна из проблем — количественная оценка этих источников. С королевскими генеалогическими панно это не проблема, поскольку они, как правило, уникальны, но наряду с ними есть внушительные массивы гербовых хартий и «сез картье».

В Португалии с конца XIX в. и по наши дни опубликовано 1328 гербовых хартий. Можно предположить, что и в других странах речь идет о сопоставимых цифрах, то есть о тысячах. Что же касается «сез картье», то их количество я даже не рискую оценить, но полагаю, что в европейских хранилищах их более 10 000.

Помимо гербовых хартий есть многочисленные неучтенные рукописи разного качества, полноты, регионального охвата. Я осознаю, что никакой возможности перечислить

³⁵ Черных 2025а: 233–234.

с относительной полнотой таковые источники нет, не пытаюсь даже покуситься на это. Но привожу примеры, убедительные для моего принципиального тезиса — о возможностях генеалогических источников исторической геральдики.

Специфика работы с генеалогическими источниками геральдики требует учитывать различные обстоятельства создания генеалогии. В Британской библиотеке хранится манускрипт XVI в. длиной около 1,8 м с генеалогическим древом с гербами, составленным натурфилософом, ученым и астрологом Джоном Ди (1527–1609) с намерением показать свое родство с Генрихом VIII и Елизаветой I, возможно, с целью защититься от разных обвинений³⁶. Понятно, что это фальсификация, но она показывает принцип, по которому составлялись и генеалогии подлинные, с настоящими гербами.

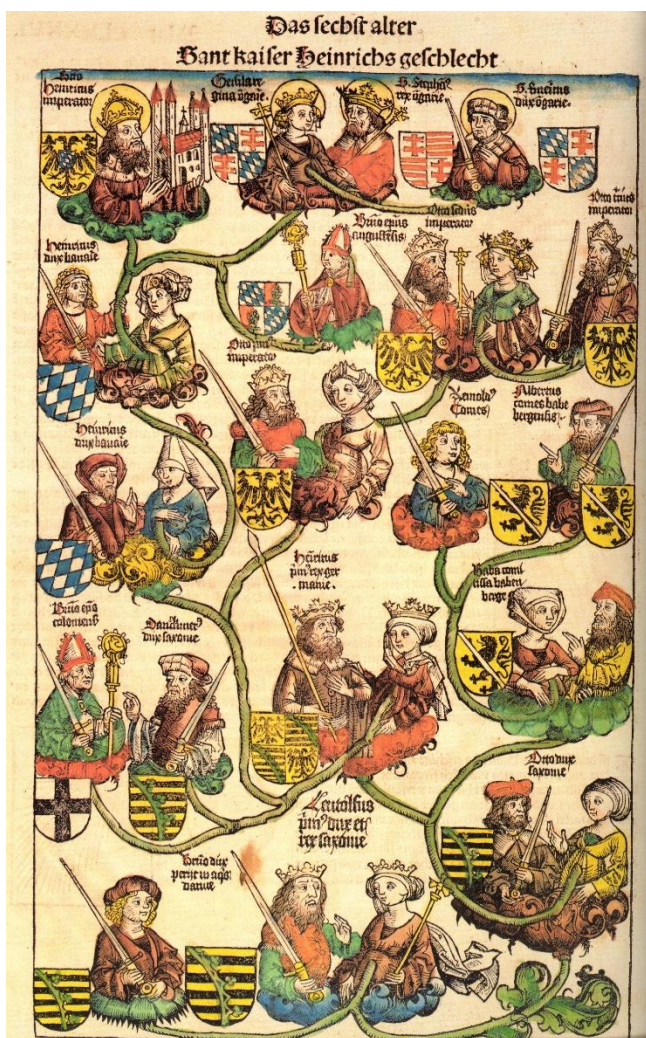
Специфика состоит также и в том, что надо оценивать и геральдическую достоверность источника, и генеалогическую. Склонность к подделыванию генеалогий бытовала с античности, это общеизвестно. Но речь идет не о банальной фальсификации с корыстными целями — наряду с обычными подделками существуют генеалогии, сопровождаемые воображаемыми гербами, как бы в некотором искреннем заблуждении, как, например, генеалогия потомков Карла Великого с воображаемыми гербами во «Всемирной хронике» Х. Шёделя³⁷. Но эта же «Всемирная хроника» знает и более достоверную генеалогию, подкрепляемую гербами — род императора Генриха³⁸ (Илл. 5).

Заметным памятником такой высоко идеологизированной и геральдизированной генеалогии является «Гербовник Саксонской родословной книги» (*Das Sächsische Stammbuch*) 1546 года, хранящийся в Библиотеке Дрезденского университета (*Sächsische Landesbibliothek — Staats- und Universitätsbibliothek Mscr. Dresd. R.3*). Он создан известным Лукасом Кранахом-Старшим (*Lucas Cranach der Ältere, 1472–1553*), нахо-

³⁶ Genealogical Roll MS Cotton. Ch. XIV, art. 1.

³⁷ Schedel 1493: CLXXXVII.

³⁸ Schedel 1493: CLXXXVI v^o.

Илл. 8

Генеалогия кайзера Генриха. 1493 г.³⁹

³⁹ Воспроизведено по: Schedel H. Weltchronik. Kolorierte Gesamtausgabe von 1493. Weltbild, 2005. Blatt CLXXXVI v^o.

дившимся на службе герцога Саксонского Иоганна Фридриха Великодушного (1503–1554). У художника был доступ ко всем источникам, касавшимся истории династии, и он составил галерею портретов воображаемых, святых и реальных членов герцогской династии, которые для узнаваемости снабжены 437 гербами, достоверность которых не столь однозначна. Но цель всей генеалогии, направленной на подтверждение достоинства династии — однозначна вполне.

Особые возможности генеалогии как источника для геральдики состоят еще и в том, что гербы — не особенно «разговорчивый» изобразительный источник — подкрепляются письменными источниками, связывающими герб с конкретными носителями, родами и личностями — ведь гербами сопровождалось далеко не все генеалогические источники, а только сертифицирующего характера (как, например, хартии аноблирования) и репрезентативного. В произведениях, связанных с идеологией — геральдических панно и других — гербы служили главным доказательством подлинности этих генеалогий.

В современной исторической науке культурная модель генеалогии подразумевает понимание ее реального влияния, в том числе уточнение содержания понятия линьяжа и роль в этом понятии родовых имен, титулов и гербов, что выводит на понимание ценностей и принципов повседневной жизни человека⁴⁰. С другой стороны, включение гербов в генеалогический контекст позволяет увидеть гербы настоящему, вне весьма ограниченного поля нобилитетного тщеславия, стоящего вечным призраком в глазах революционеров.

Так что в рамках геральдического источниковедения генеалогия трудно переоценить.

И не только в Средневековье, но и в Новое время не так много было способов убедительно заявить о своем происхождении. Тем более, учитывая давление нуворишей.

⁴⁰ Pardo de Guevara y Valdés 1992: 180–181.

* * *

Генеалогические источники, связанные с геральдикой, отразили перемены, которые произошли не с генеалогией, а с геральдикой. Роль герба в генеалогических источниках XIII–XV вв. — это в первую очередь идентификация вместе с именем рода. Средневековые гербы не были ни атрибутом, ни доказательством чего-либо; если они сопровождали генеалогии, то как идентификаторы, не противореча общей функции всех гербов — функции *распознавания* — *ad cognoscere* индивида и его принадлежности к роду.

Начиная с XVI в. положение стало меняться и изменилось очень сильно: герб превратился в непременный атрибут благородства и знатности, его стали трактовать как *подтверждение* знатности, как исключительный признак принадлежности к привилегированному сословию. С момента возникновения устойчивой связи герба с благородным статусом, функцией герба стало дополнительное подчеркивание знатности рода, репрезентация его как подтверждаемой генеалогической историей социальной ценности. Тем более в случае дарования герба верховной властью.

Герб становился основным способом визуально выразить благородство. «Геральдизированных» генеалогий стало намного больше в связи с формированием новой концепции знати. На высоком уровне решались задачи идеологии и пропаганды государственные и династические, на рядовом геральдический компонент в генеалогии не выходил за пределы интересов рода. Ярче всего эта трансформация проявилась на исходе традиционного общества Старого режима — в погребальных траурных досках, в которых родовой герб усопшего сопровождался необходимыми «доказательствами» в виде гербов-картье его предков. Это явление прослеживается вплоть до конца XVIII в., и, соответственно, этот источник увеличивался количественно, пока не подвергся законодательному и физическому уничтожению, инициированному эгалитаристской идеологией Французской революции в самой Франции и в государствах, подвергшихся французской экспансии.

Причины, по которым в генеалогических произведениях появился геральдический компонент, связаны с исключительно широким распространением герба как социальной характеристики, как важного личностного и коллективного идентификатора. Многопольный герб в декларативных генеалогиях крупных сеньориальных династий превращался в идеологизированную геральдическую программу, подкрепляемую протяженной древней генеалогией, адресованной к своим подданным и иностранным соперникам и союзникам. Такую же, в сущности, как и надгробие, панно или «сез картье». Родовыми связями, визуализированными гербами, генеалогия доказывала, что династия долгое время жила по христианским заветам, потому и избежала библейского проклятия и не прерывалась. А следовательно, имела в этом обществе право на богатство и власть.

Перефразируя Ингу Висфлеккер-Фридхубер, в частности, сказанное ею в отношении генеалогической подготовки гробницы Максимилиана I, можно сказать, что образы святых из дома Габсбургов, их ближайшие и дальние родственники и предки, как реальные, так и легендарные, все должны были продемонстрировать избранность семьи, все должны были свидетельствовать о принадлежности к самому знатному из всех родов⁴¹. Можно распространить ее мысль и на все прочие династии. Наряду с генеалогическими образами эта основная идея выражалась гербами.

«Малая» идеология, обращавшаяся в пределах линияжа, была, в сущности, такой же. Она, будучи адресована членам рода, говорила о благородстве рода и родовой чести, выражаемой гербом.

Для геральдических исследований гербы в генеалогиях — это возможность работать с ними в пространстве целовещеского измерения, а не только с неразговорчивой картинкой, в лучшем случае имеющей, помимо домыслов и трактовок, краткое имя обладателя. Таким образом, генеалогические источники с геральдическим компонентом позволяют

⁴¹ Wiesflecker-Friedhuber 2005: 157.

выявлять связи, недоступные другим видам геральдических источников, теснее связать герб и его обладателей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бычкова 1983 — *Бычкова М.Е.* Некоторые задачи генеалогического исследования // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. Вып. 14. С. 50–59.
- Кром 2003 — *Кром М.М.* Историческая генеалогия // Специальные исторические дисциплины. Учебное пособие. 2-е изд. СПб., 2003. С. 368–398.
- Фрайер, Фергюсон 2011 — *Фрайер С., Фергюсон Д.* Геральдика. Изд. 2-е, испр. М., 2011.
- Харьков 2023 — *Харьков Р.Е.* Германские гербовники-некрологии XIV–XV вв.: постановка проблемы // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXV Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 6–7 апреля 2023 г. / Отв. ред. И.Г. Коновалова, Е.В. Пчелов. М., 2023. С. 361–362.
- Харьков 2024 — *Харьков Р.Е.* Германские посмертные щиты (*Totenschild*). Особенности, проблемы, перспективы // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXVI Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 4–5 апреля 2024 г. / Отв. ред. И.Г. Коновалова, Е.В. Пчелов. М., 2024. С. 333–335.
- Черных 2023 — *Черных А.П.* Надгробие Аликс и Иоланды (утраченный бретонский памятник XIII в.) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXV Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 6–7 апреля 2023 г. / Отв. ред. И.Г. Коновалова, Е.В. Пчелов. М., 2023. С. 376–379.
- Черных 2025a — *Черных А.П.* Генеалогические источники геральдики XIV–XVIII веков // Источниковедение в современной медиавистике. Материалы Третьей всероссийской научной конференции. Москва, 17–18 июня 2025 г. / Отв. ред. Е.Н. Кириллова, И.Г. Коновалова. Москва: Аквилон, 2025. С. 230–234.
- Черных 2025b — *Черных А.П.* Германские генеалогические источники геральдики // Германская геральдика. URL:

- <https://vk.com/@-219778610-germanskie-genealogischeskie-istochniki-geraldiki> (февраль 2026).
- Copy 2016 — *Copy J.-Y.* La revendication bretonne du trône de France (1213–1358). P., 2016.
- Corswant-Naumburg 1999 — *Corswant-Naumburg I. von.* Huvudbaner och anvapen under stormaktstiden. Visby, 1999.
- Corswant-Naumburg 2006–2010 — *Corswant-Naumburg I. von.* Huvudbaner och anvapen inom Skara stift: En heraldisk och genealogisk inventering. Skara, 2006; Supplement. 2010.
- Drimmer 2015 — *Drimmer S.* Questionable Contexts: A Pedigree Book and Queen Elizabeth's Teeth // Scholars and Poets Talk about Queens / Ed. C. Levin, Ch. Stewart-Nuñez. N. Y., 2015.
- Fugger 1555 — *Fugger J. der Reiche.* Ehrenspiegel des Hauses Österreich. Buch I–VI. 1555. München, Bayerische Staatsbibliothek BSB Cgm 895. URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/en/view/bsb00103105?page=58,59> (март 2026); Buch VII. 1555. München, Bayerische Staatsbibliothek BSB Cgm 896. URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/en/view/bsb00103106?page=204,205> (февраль 2026).
- Gisants émaillés // Centre de la Culture du Limousin Médiéval. URL: <https://www.limousin-medieval.com/gisants-en-emaux-de-limoges> (июль 2025).
- Hablot 2019 — *Hablot L.* Briser les hermines. Les armoiries des vicomtes et vicomtesses de Limoges de la maison de Bretagne // Annales de Bretagne et des Pays de l'Ouest. 2019. T. 126. N 2. P. 171–186.
- Hecht 2023 — *Hecht M.* Anhenproben in der frühneuzeitlichen Funeralkultur: Medien und Intermedialitäten // Genealogisches Wissen in Mittelalter und Früher Neuzeit. Berlin; München; Boston, 2023.
- Hiltmann 2011 — *Hiltmann T.* Potentialities and Limitations of Medieval Armorial as Historical Source. The Representation of Hierarchy and Princely Rank in Late Medieval Collections of Arms in France and Germany // Princely Rank in late Medieval Europe. Trodden Paths and Promising Avenues / Eds. T. Huthwelker, J. Peltzer, M. Wemhöner. Ostfildern, 2011 (Rank. Studien zu politischen und sozialen Ordnungen im Mittelalter; 1).
- Jones 2016 — *Jones M.* La revendication bretonne du trône de France (1213–1358) // Annales de Bretagne et des Pays de l'Ouest. 2016. T. 123. № 4. P. 193–196. [Рец. на книгу: *Copy J.-Y.* La revendication bretonne du trône de France (1213–1358). P., 2016].

- Menke 2011 — *Menke St.* Kayser Fridrichs loblich gedechtnus // Das Grablegeprojekt Kaiser Friedrichs III. für Wiener Neustadt. Osnabrück; Bamberg, 2011. S. 277–286.
- La magnifique 1559 — La magnifique et somptueuse pompe funèbre faite aux obseques et funérailles du très grand et très victorieux empereur Charles cinquième célébrées en la ville de Bruxelles le 29 Jour du mois de Décembre 1558 par Philippe Roi catholique d'Espagne, Son fils. Anvers: Christophe Plantin, 1559.
- Menestrier 1683 — *Menestrier Cl.-Fr.* Des Décorations funèbres. Paris, 1683.
- Pardo de Guevara y Valdés 1992 — *Pardo de Guevara y Valdés E.* Hacia una nueva ciencia genealógica? Reflexiones para una renovación en sus métodos y objetivos // *Medievalismo*. 1992. 2. P. 171–183
- Rouwborde. URL: <https://ontroerendgoed.kasteelamerongen.nl/verhalen/omgeving/rouwbord-van-godard-van-reede-van-ginckel/> (март 2026).
- Schedel 1493 — *Schedel H.* Weltchronik (Liber chronicarum). Nuremberg: Anton Koberger, for Sebald Schreyer and Sebastian Kammermeister, 1493.
- Scheibelreiter 2009 — *Scheibelreiter G.* Der Babenberger-Stammbaum aus Klosterneuburg. Rückwärtsgewandte Heraldik als Chiffre historischen Geschehens // *Wappenbild und Verwandtschaftsgeflecht. Kultur- und mentalitätsgeschichtliche Forschungen zu Heraldik und Genealogie*. Böhlau; Wien, 2009 (MIÖG; Ergänzungsband 53).
- Wiesflecker-Friedhuber 2005 — *Wiesflecker-Friedhuber I.* Kaiser Maximilian I. und die Stadt Innsbruck // *Der Innsbrucker Hof. Residenz und höfische Gesellschaft in Tirol vom 15. bis 19. Jahrhundert. Ergebnis eines Kolloquiums des Arbeitskreises «Höfe des Hauses Österreich» am 6. und 7. Juni 2002 in Innsbruck* / Hrsg. H. Noflatscher, J.P. Niederkorn. Wien, 2005.

А.Д. ЩЕГЛОВ

«АНГЛИЙСКАЯ ХРОНИКА», «НОРВЕЖСКАЯ КНИГА ЗАКОНОВ»

К ДИСКУССИИ ОБ ИСТОЧНИКАХ
СОЧИНЕНИЯ ОЛАУСА ПЕТРИ
«ШВЕДСКАЯ ХРОНИКА»

Аннотация: Созданная в XVI веке «Шведская хроника» реформатора и историка Олауса Петри относится к важнейшим шведским историческим сочинениям раннего Нового времени. Цель настоящего исследования — выяснить, какие источники, цитируемые в произведении, Олаус Петри называет «Английской хроникой» и «Норвежской книгой законов», и прокомментировать сведения о языческом боге Кроде, присутствующие в хронике. Я делаю вывод, что 1) Олаус Петри мог использовать хронику Гальфрида Монмутского «История королей Британии»; 2) сборник норвежских законов, упомянутый Олаусом Петри — очевидно, Ландслов Магнуса Исправителя законов; 3) сведения о Кроде присутствуют, среди прочего, в поэме «Игра в шахматы». В целом, дискуссия относительно источников «Шведской хроники» отнюдь не завершена и должна быть продолжена.

Ключевые слова: источниковедение, историография, хроники, Средние века, Скандинавские страны, Швеция

Исследование древних хроник неизменно представляет научный интерес — не в последнюю очередь потому, что хроники являются разносторонними, многофункциональными произведениями: это и исторические труды, и исторические источники, и памятники литературы и языка. К таким многогранным произведениям относится и «Шведская хроника» (*En Svensk Cröneka*), созданная в XVI веке реформатором и историком Олаусом Петри. Указанная хроника охва-

тывает период с древнейших времен до начала XVI века. Она вызвала гнев короля Густава Васы, который, внимательно прочтя сочинение уже после смерти хрониста, не простил автору независимой позиции, стремления к объективности, отказа от официального ура-патриотизма. Король обвинил Олауса¹ в клевете в отношении шведов и в сочувствии к ее врагам, запретил печатать хронику и приказал конфисковать рукописи произведения и библиотеку автора. Тем не менее, хроника распространялась в списках, стала известна в Швеции и за ее пределами.

Перед современными исследователями встала следующая проблема: какие источники использовал Олаус Петри при написании хроники? Некоторые ответы были даны уже на ранней стадии исследования — с конца XVIII по начало XX века. Ученые установили, что важнейшим источником для Олауса Петри явилась «Хроника Готского королевства» (*Chronica regni Gothorum*), труд, созданный во второй половине XV века богословом и историком Эрикусом Олаи². Фундаментальное исследование, посвященное источникам Олауса Петри, было выполнено в середине XX века Г.Т. Вестином, который пришел к выводу, что Олаус Петри использовал множество различных памятников — как шведских, так и зарубежных, и при этом опирался на разнообразный материал — хроники, анналы, законы, акты, письма³. Существенный вклад в исследование проблемы сделан современным историком У. Фермом, указавшим на параллели между хроникой Олауса Петри и рядом исторических трудов античности и Ренессанса⁴.

¹ Поскольку имена типа: Петри, Олаи и т. д. в Швеции Средних веков и первой половины XVI века являлись не фамилиями, а латинизированными формами патронимов, употребление сокращений типа «Петри», «О. Петри», «Олаи», «Э. Олаи» нежелательно. Нередко специалисты в таких случаях для краткости приводят первое имя; автор считает уместным следовать этой традиции.

² См., например: Keralio 1781; Löw 1908.

³ Westin 1946.

⁴ Ferm 2007.

Хотя новейшие исследования (в том числе и поздние штудии самого Г.Т. Вестина) расширили и уточнили представления об Олаусе Петри как хронисте⁵, важнейшим исследованием «Шведской хроники» остается изданная в 1946 г. монография Вестина. Вместе с тем, с отдельными выводами указанного автора уместно поспорить. Цель данной статьи — прокомментировать и отчасти скорректировать некоторые тезисы Вестина относительно источников «Шведской хроники». Монография Вестина об Олаусе Петри написана на высоком уровне, однако тем интереснее и увлекательнее полемизировать с подобным фундаментальным исследованием. В современной историографии уделяется значительное внимание вопросу о том, как эволюционировали те или иные исторические сюжеты и мотивы, как исторические сведения передавались в разные эпохи. Хроника Олауса Петри содержит материал, создающий интересные возможности для подобных штудий.

Предмет настоящего исследования — ссылки на источники, которые Олаус Петри называет «Английской хроникой» и «Норвежской книгой законов». Некоторые из этих выводов я подвергну корректировке. В заключительной части статьи я затрону еще один сюжет — сведения о языческом боге Кродо в труде Олауса Петри, главным источником которых явилось сочинение Альберта Кранца «Вандалия».

«АНГЛИЙСКАЯ ХРОНИКА»

В предисловии к «Шведской хронике» Олаус Петри ссылается на некое произведение, которое он называет «Английской хроникой» (*Engelska krönikan*). Олаус рассказывает о языческих богах — Торе, Одине и Фрейе, опираясь на труд «Хронику Готского королевства» Эрикуса Олаи (*Chronica regni Gothorum*) и на другие шведские хроники, и дополняет их сведения данными, почерпнутыми из источников другого рода. При этом хронист применяет пояснения, известные как *interpretatio romana* и *interpretatio germanica*: он характеризует древнюю религию свеев путем сравнения с языческими

⁵ См. особенно: Westin 2002, Ferm 2007, Scheglov 2013.

верованиями древних римлян и древних германцев. В этой связи он рассказывает о происхождении названий дней недели — среды (*onsdag*), четверга (*torsdag*) и пятницы (*fredag*), справедливо указывая, что дни названы в честь богов — Тора, Одина и Фрея:

«Первый и главный из них звался Тор: это, вне сомнения, тот самый бог, которого латиняне называли Юпитером. Тора, которого считали величайшим богом, изображали в виде нагого юноши, сидящего на повозке вроде мужицкой телеги и держащего жезл в одной руке и семь звезд — в другой. И от его имени произошло название четверга — *Torsdaghen*, так же как и у немцев — *Dunnerdagh*. Именем этого бога было принято клясться: “Да, [клянусь] богом Тором!”, “Нет, [клянусь] богом Тором!”, что и поныне делают старые крестьяне. Запрет на этот обычай содержится в книге законов, где говорится, что нельзя приносить жертвы идолам — то есть нельзя клясться их именами. Этому богу поклонялись, чтобы он оберег от ненастья, молнии, бури и тому подобного и чтобы он давал вдоволь злаков и всевозможных плодов.

Второй бог именовался Один; у немцев он звался Воден, и это тот самый бог, которого латиняне называли Меркурием. Поэтому неправдоподобно упоминание Датской хроники о том, что здесь в Швеции якобы жил колдун по имени Оден, которого местные жители считали богом. Ведь и у немцев был тот же бог, которого, как сообщает «Английская хроника», они именовали Воден, и по имени этого бога они называли день недели — *Vodhens dagh*, который мы, в свою очередь, называем *Od hens dagh*. В наших шведских хрониках говорится, что этому богу поклонялись, дабы получить помощь в войнах и битвах. Но более вероятно, что ему поклонялись ради богатств, чтобы получить вдоволь денег и другого добра. Поэтому и поныне принято говорить: те, кто стяжает много денег и других богатств, служат Одину.

Третьим божеством являлась богиня, которая звалась Фригга; весьма вероятно, что именно ее латиняне звали Венерой. И в честь нее, как сообщает “Английская хроника”, немцы называли пятницу: *Ffrigga dagh*. Отсюда и у нас пятница — *Ffrigga dagh*, поскольку у нас те же боги, что

и у немцев. Этой богине поклонялись, дабы обрести добрый супружеский союз, множество детей, мир и покой. Все эти три божества возвышались в упомянутом храме: Тор в середине, а двое других — по сторонам».

Итак, «Английская хроника», на которую ссылался Олаус Петри, должна удовлетворять следующим условиям: необходимо, чтобы присутствовали сведения о двух божествах — Одине и Фригге (Фрейе), или о трех: Торе, Одине и Фригге, причем должно быть объяснено, что название дня недели происходит от имени Фригги. Еще одно сообщение, возможно, почерпнутое из какой-то английской хроники, присутствует в основном тексте «Шведской хроники». Олаус Петри рассказывает о том, что король Улоф Шётконунг ввел налог «Ромскотт», известный также как Денарий Святого Петра. Хронист отмечает: «Несомненно, короля призывали к тому английские проповедники: ведь несколько ранее тот же обычай — платить налог Риму — ввел в Англии король по имени Адольф»⁶.

На какие английские труды ссылается Олаус Петри? Один из специалистов — Г. Лёв — ограничился указанием на то, что Олаус знал «некую «английскую хронику» (неясно какую)»⁷. Х. Шюк высказал мнение, что источником Олауса Петри в данном случае могла быть средневековая хроника *Flores Historiarum*, поскольку в ней содержатся сведения о том, что король Адольф ввел денарий Святого Петра⁸. Г. Вестин указывает на другой источник, содержащий аналогичные сведения — исторический труд Полидора Вергилия *Anglica Historia*. Вестин замечает, что имеется и еще один источник, содержащий сведения об Одине, Меркурии и среде — *Historia regum Brittanniae* Гальфрида Монмутского. Тем не менее Вестин отвергает идею о том, что хроника Гальфрида Монмутского могла повлиять на труд Олауса Петри, утверждая, что в данной хронике не упомянута Фрея:

⁶ Ср. OPSS IV: 40.

⁷ Löw 1908: 45.

⁸ Schück 1890: 405.

«В сочинении Гальфрида Монмутского *Historia regum Brittaniae*, опубликованном в 1508 г., присутствует отождествление Меркурия и Одина и этимология *Oden — onsdag*. Но Фрейя не упоминается»⁹.

Вестин заключает, что упомянутый труд Гальфрида Монмутского не может являться тем произведением, которое имел в виду Олаус Петри. Однако в этом отношении исследование неправ. Сведения о Фрейе и пятнице (*fredag*) присутствуют в различных редакциях *Historia regum Brittaniae* и воспроизведены в различных изданиях этого сочинения. Обратимся, например, к следующей редакции текста Гальфрида Монмутского: «После него (Одина. — А.Щ.) мы почитаем богиню, которая могущественнее всех остальных богов. Ее имя — Фрейя; ей посвящена пятница, которую мы называем в честь ее имени *fredag*»¹⁰. Таким образом, не исключено, что Олаус Петри использовал хронику Гальфрида Монмутского. В том, что касается короля Адольфа и Денария Святого Петра, Олаус мог основываться на *Flores Historiarum*, или же на сочинении Полидора Вергилия *Anglica Historia*. Предположение относительно Полидора Вергилия заслуживает, на мой взгляд, особого внимания, поскольку у Полидора Вергилия и Олауса Петри как историков имеется немало общего. У них были схожие взгляды на цели исторических трудов, они были убеждены, что историк должен в первую очередь стремиться к истине, они рассматривали источники в критическом ключе и разоблачали национальные мифы. Первая редакция *Anglica Historia* была завершена в 1512 году, а первое печатное издание увидело свет в 1534 г. *Anglica Historia* вскоре стала известна во всей Европе; не исключено, что Олаус Петри мог быть знаком с этим трудом в виде списка или располагал печатным изданием.

«НОРВЕЖСКАЯ КНИГА ЗАКОНОВ»

⁹ «Geoffrey av Monmouths *Historia regum Brittaniae*, tryckt 1508, har identifikationen Mercurius — Oden och härledningen Oden — onsdag. Men Freja nämnes icke. Det kan alltså inte vara denna krönika, som avses» — Westin 1946: 174.

¹⁰ San-Marte 1854: 82; см. также: Hammer 1951: 110.

Олаус Петри обладал солидными познаниями в области древнего шведского права. Он был знаком с общим шведским уложением — Ландслагом, городским уложением — Стадслагом, древними законами Упланда, Эстерьётланда и других шведских областей. В «Шведской хронике» он демонстрирует также знание норвежского сборника законов, который именуется «Норвежской книгой законов». Одним из вопросов, актуальных для шведов в связи с политическими и административными реформами Густава Васы, являлся вопрос о герцогствах. Олаус Петри затронул вопрос о герцогствах, в связи с чем сослался на «Норвежскую книгу законов»:

«Как свидетельствуют древние книги законов, герцоги эти именовались ярлами. Впрочем, в норвежской книге законов делается различие между ярлом и герцогом»¹¹.

Но на какой норвежский закон ссылался Олаус Петри? По мнению В. Гёделя, речь идет о рукописи № 15 из Лундской университетской библиотеки¹².

Вестин отнесся к указанному мнению критически: сведения о «Норвежской книге законов» в «Шведской хронике» слишком кратки, чтобы на их основании делать выводы о том, какая рукопись находилась в распоряжении Олауса Петри¹³.

Однако с точкой зрения Вестина следует согласиться лишь частично. Вестин прав, когда отмечает, что невозможно определить, какой именно норвежской рукописью пользовался Олаус Петри. Однако вопрос поставлен еще и о том, какой норвежский свод законов имелся в виду. На этот вопрос можно дать ответ на основании данных, приведенных в «Шведской хронике». По утверждению Гёделя, речь идет о «Законах Гулатинга». В действительности это не так. Норвежский свод законов, в котором говорится о герцогах — это не законы Гулатинга и не законы Фростатинга, а Ландслов короля Магнуса Исправителя законов — законоуложение,

¹¹ Ср.: OPSS IV: 58.

¹² Gödel 1897: 29–30, 27–28.

¹³ Westin 1946: 257.

общее для всей Норвегии, записанное в конце XIII века и действовавшее в Норвегии во времена Олауса Петри. Интерес шведской политической и интеллектуальной элиты к упомянутому законоуложению имел политические предпосылки. В конце Средневековья шведские и норвежские оппозиционеры сотрудничали, пытаясь противостоять попыткам датских королей унии укрепить свое положение в Швеции и Норвегии — в частности, утвердив в Норвегии наследственную власть датских королей. Норвежские оппозиционеры указывали, что подобные попытки противоречат законам Норвегии. В этой связи Ландслов Магнуса Исправителя Законов являлся актуальным и для шведов. В середине XV века положения норвежской книги законов о выборах короля стали актуальны для Швеции еще и в связи с возведением шведского короля Карла Кнутссона на норвежский престол.

Именно в Ландслове Магнуса Исправителя законов присутствуют сведения о герцогах и ярлах, и, исходя из контекста, можно сделать вывод, что речь идет о двух различных категориях норвежской социальной элиты¹⁴. Подводя итоги данной части нашего исследования, можно заключить, что норвежский свод законов, на который ссылается Олаус Петри — это Ландслов Магнуса Исправителя законов, а не законы Гулатинга.

«КРОДОВЫ ШЕЛЬМЫ» И ПОЭМА «ИГРА В ШАХМАТЫ»

Коснемся еще одного интересного сюжета, связанного с источниками «Шведской хроники». Рассказывая о германских языческих богах, Олаус Петри упоминает о боге Кроде и о выражении «Кродова шельма» (*Krodan skalk*):

«Впрочем, был еще один бог у немцев: они называли его Кроде, а латиняне именовали Сатурном; похоже, и этот бог был до некоторой степени здесь известен. Оттого-то и называют злых людей “кродовы шельмы”»¹⁵.

¹⁴ См. Keyser & Munch 1848: 27, 30.

¹⁵ OPSS IV: 12.

Кроде (Кродо) — божество, которое германские народы, возможно, переняли у западных славян. Вестин указывает, что Олаус Петри, очевидно, почерпнул сведения о Кроде и «Кродовых шельмах» из труда Альберта Крантца «Саксония». Вестин также утверждает, что в шведских источниках отсутствуют подобные сведения, и поэтому Олаус не мог заимствовать их из подобных памятников¹⁶.

Однако Вестин неправ, утверждая, что отсутствуют какие-либо шведские источники, содержащие сведения о «Кродовых шельмах». Такой источник существует: это средневековая поэма «Игра в шахматы» — шведский памятник, относящийся к распространенному жанру — шахматной аллегории¹⁷. Приводя примеры достойного поведения правителей и полководцев, автор, в числе прочего, ссылается на античного классика Валерия Максима и пересказывает стихами знаменитую историю о военачальнике Марке Фурии Камилле и фалерийском учителе — предателе, который отвел детей в лагерь римлян и предложил Камиллу в качестве заложников. Камилл возмущенно отверг предложение:

«kamillus swarade honom saa
tha han fik hans girughet forsta
thw haffwer kommit thenna barn i walk
som en falsker kradan skalk»¹⁸.

«Камилл ответил ему так,
Осознав его алчность:
Ты подверг этих детей опасности,
Как подлая кродова шельма».

Таким образом, Олаус Петри мог найти сведения о «Кродовых шельмах» не только в сочинении «Саксония», но и в поэме «Игра в шахматы». В настоящее время сохранились два средневековых списка указанной поэмы: один присутствует в рукописи D 3 в Королевской библиотеке (Стокгольм) другой в манускрипте AM 191 fol. в библиотеке Копенгаген-

¹⁶ Westin 1946: 143.

¹⁷ Относительно указанного произведения см.: Blomqvist 1941; Ferm & Honemann 2005.

¹⁸ SMD: 262.

ского университета¹⁹. Возможно, Олаус был знаком с рукописью «Игры в шахматы».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель данной статьи заключалась в том, чтобы проверить некоторые из выводов Г.Т. Вестина относительно использования иностранных источников в труде Олауса Петри «Шведская хроника». В нескольких случаях мне удалось скорректировать результаты Вестина. Я обосновал следующие выводы: 1) Олаус Петри мог использовать хронику Гальфрида Монмутского; 2) норвежский закон, упомянутый Олаусом Петри — очевидно, Ландслов Магнуса Исправителя законов; 3) сведения о «Кродовых шельмах» присутствуют не только в немецкой хронике «Саксония», но и в шведской поэме «Игра в шахматы». В целом уместно констатировать: дискуссия относительно источников «Шведской хроники» не завершена и должна быть продолжена.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Hammer 1951 — Geoffrey of Monmouth, *Historia regum Britanniae: A variant version edited from manuscripts* / Ed. J. Hammer. Cambridge (Mass.), 1951.
- Keyser & Munch 1848 — *Norges gamle love indtil 1387* / Eds. R. Keyser, P.A. Munch. Christiania, 1848. Bd. 2.
- SMD — *Svenska medeltids dikter och rim* / Ed. G.E. Klemming. Stockholm, 1881.
- OPSS IV — *Olaus Petri Samlade Skrifter*. Uppsala, 1917. Bd. IV.
- San-Marte 1854 — *Gottfried von Monmouth. Historia Regum Britanniae* / Ed. San-Marte [pseud.]. Halle, 1854.

ИССЛЕДОВАНИЯ

¹⁹ SMD: 309; см. также Backman 2017.

- Backman 2017 — *Backman A.* Handskriftens materialitet: Studier i den fornsvenska samlingshandskriften Fru Elins bok (Codex Holmiensis D3). Uppsala, 2017.
- Blomqvist 1941 — *Blomqvist G.* Schacktavelslek och Sju vise mästare: Studier i medeltidens litteraturhistoria. Stockholm, 1941.
- Ferm & Honemann 2005 — Chess and allegory in the Middle Ages: A collection of essays / Eds. O. Ferm, V. Honemann. Stockholm, 2005.
- Ferm 2007 — *Ferm O.* Olaus Petri och Heliga Birgitta. Synpunkter på ett nytt sätt att skriva historia i 1500-talets Sverige. Stockholm, 2007.
- Gödel 1897 — *Gödel V.* Fornnorsk-isländsk litteratur i Sverige. Stockholm, 1897. Bd. I.
- Keralio 1781 — *Keralio L.F.G.* Notice d'un manuscrit suédois de la Bibliothèque du roi. P., 1781.
- Löw 1908 — *Löw G.* Sveriges forntid i svensk historieskrivning. Uppsala, 1908.
- Scheglov 2013 — *Scheglov A.* «Såsom han hade itt skröpelighit liffuerne»: Beskrivningen av kung Magnus Eriksson i Olaus Petris krönika och i de medeltida källorna // Historisk tidskrift för Finland. 2013. Årg. 98, № 3. S. 374–405.
- Schück 1890 — *Schück H.* Svensk litteraturhistoria. Stockholm, 1890. Bd. I.
- Westin 1946 — *Westin G.T.* Historieskrivaren Olaus Petri. Svenska krönikans källor och krönikeförfattarens metod. Lund, 1946.
- Westin 2002 — *Westin G.T.* Olaus Petri, Peder Svart och Gustav Vasa: Religion, politik och historieskrivning i början av 1500-talet. Stockholm, 2002.

ОБ АВТОРАХ

АУРОВ ОЛЕГ ВАЛЕНТИНОВИЧ — кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории Института общественных наук РАНХиГС; доцент исторического факультета РГГУ (Москва)

БЛОХИН ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Астраханского ГУ им. В.Н. Татищева (Астрахань)

ВИН ЮРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

КИРИЛЛОВА ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заместитель директора Института всеобщей истории РАН (Москва)

МАСЛОВА СВЕТЛАНА АЛЕКСЕЕВНА — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

ПЕТРОВА МАЙЯ СТАНИСЛАВОВНА — доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, зав. Отделом историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН (Москва)

СУББОТИНА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела редкой книги Библиотеки Российской академии наук (Санкт-Петербург)

ФРОЛОВА ОЛЬГА ЭДУАРДОВНА — ведущий библиотекарь иностранного книжного фонда Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

ЧЕРНЫХ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

ЩЕГЛОВ АНДРЕЙ ДЖОЛИНАРДОВИЧ — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

ЩЕГОЛЕВА ЛЮДМИЛА ИГОРЕВНА — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

ABSTRACTS

OLEG V. AUROV

THE ROYAL CHRONICLE OF CASTILE AND LEON OF THE FIRST HALF OF THE 14TH CENTURY AS A SOURCE FOR THE POLITICAL HISTORY OF ITS TIME

The article is devoted to summing up the results of the study of medieval Spanish (mainly Castilian and Leonese) chronicles and determining the prospects for using this group of texts as primary sources for the political history of Castile and Leon in the 13th – mid-14th centuries. The findings of I. Fernández-Ordoñez, M. de la Campa Gutiérrez, C. Benitez Guerrero, F. Bautista Pérez, E. Ward, M. Hijano, L.R. Funes, P.E. Saracino, M.A. Soler, O.S. Bohdziewicz, G. Martin and other researchers led to a global reassessment of the role of medieval chronicles as a historical source. A general description of the results of their research is given, the associated experience of publishing medieval texts (including the experience of electronic publications) is summarized, and the main source study features of the above-mentioned royal chronicles of the first half of the 14th century are identified, taking into account their role as a means of political propaganda. The latter aspect is actively studied in modern historiography, but it does not exhaust the informational significance of the royal chronicles as sources on the political history of the second half of the 13th — first half of the 14th century. It is shown that it is the royal chronicles that allow us to form the most comprehensive picture of the Castilian-Leonese political system at the turn of the High and Late Middle Ages, its actors and institutions, the forms and mechanisms of their interaction, as well as the degree of effectiveness of the application of legal regulation of the entire sphere of socio-political relations.

Medieval historical writing, royal chronicles, “las tres crónicas”, Castile and León, “the long 13th century”, Fernán Sánchez de Valladolid, political propaganda, historical fiction

PAVEL A. BLOKHIN

**OATHS OF LEGISLATORS
IN THE TEXTS OF FREIBURG MUNICIPAL LAW (1120–1293)**

The swearing of oaths was a fundamental procedure in medieval law. The Freiburg legal sources of the twelfth and thirteenth centuries preserve the texts of oaths taken by legislators. The earliest such oath is recorded in the Foundation Privilege of 1120, where it constitutes a complex ritualized act that legitimized the establishment of the market at Freiburg and the granting of its privileges.

In the thirteenth century, the circle of those swearing changed: alongside the lord, the oath was now also taken by representatives of the urban community and the organs of local self-government. Both the city and the lord began to affix their seals to the newly produced legal text. In most cases, these seals served to authenticate the new norms. Some sources, however, indicate that the seals on the parchment confirmed the oaths that had been sworn by the parties to the agreement—oaths that were recorded in the same new legal text. In such documents, the seal thus became a visual confirmation of the spoken oath.

Freiburg im Breisgau, oaths, medieval municipal law, communal movement, urban social conflicts

OLGA E. FROLOVA, OLGA V. SUBBOTINA

**THE UNIQUE EARLY TUDOR MISSAL (1508)
FROM THE COLLECTIONS OF THE NATIONAL LIBRARY OF RUSSIA**

THE PROBLEMS OF ATTRIBUTION AND EDITORIAL PRACTICE
IN EUROPE IN THE FIRST HALF OF THE 16TH CENTURY

The article deals with the unique Sarum Missal (1508) from the collections of the National Library of Russia. The authors study the problems of attribution and the polemical issues of printers and editors identification in the case where éditions partagées (shared editions) practice takes place. This practice was spread in France in the 16th century. The attempt is also made to reconstruct the provenance history of St Petersburg copy and to suggest the variants of possible patrons and owners of such a rare and expensive book.

Sarum Missal, Anthoine Vérard, Wynkyn de Worde, Henry VII, James V, the National Library of Russia

EKATERINA N. KIRILLOVA

**THE STRUCTURE OF CRAFT AND TRADE STATUTES IN REIMS
FROM THE 13TH TO THE 18TH CENTURY**

The author examines the order of rule presentation in the statutes of Reims' craft and trade corporations from the 13th to the 18th centuries. The author calculates the average statute, examines its articles as semantic units, and identifies complex issues addressed repeatedly by the statutes writers, along with issues that were clarified only once, unless internal corporate conflicts dictated otherwise. The dynamics of change are presented using specific examples from the history of Reims' corporations of vinegar-makers, gingerbread-makers, and others. The article presents chronologically determined preferences in the configuration of regulations, and identifies a number of trends determined by the logic of the development of professional communities in this city.

Craft and trade statutes, Reims, 13th–18th centuries, volume of statute, average statute, sequence of articles, logic of rule presentation

SVETLANA A. MASLOVA

ON THE METHODOLOGY OF ANALYZING THE TEXTS OF *JARLIGHS* ISSUED BY GOLDEN HORDE RULERS TO RUSSIAN METROPOLITANS

The *jarlighs* of the Horde rulers issued to the Russian metropolitans in the second half of the 13th–14th centuries are a valuable source on the history of the socio-economic development of Russian lands during the period of dependence. They contain data on taxes levied in favor of the Golden Horde, as well as officials who collected payments. The text of the *jarlighs* should be considered critically, given the circumstances of the existence of documents. The originals of the acts have not been preserved. Their translation was made for a specific purpose — to protect church property. Comparison of the *jarlighs* of the Horde khans with the decrees of other Mongol rulers, as well as chronicle and act material of Russian origin, shows the presence of inserts in the text of the *jarlighs*.

Rus', the Golden Horde, *jarligh*, period of dependence, taxes, officials

MAYA S. PETROVA

ON THE READING AN EPIC POEM

CARMEN DE PIPPINI REGIS VICTORIA A. 796

The paper is devoted to an analytical reading of a number of fragments of the epic poem Carmen de Pippini regis victoria a. 796, compiled by an anonymous author at the end of the 8th century on the occasion of the submission of the Avar ruler by Pepin (777–810), king of Italy. It is noted that the poem belongs to the group of those verses that are commonly called “Carolingian

rhythms”, that its text is composed of a simplified rhythmic (syllabic-tonic) verse, which is a measured alternation of stressed and unstressed syllables, regardless of their length. The ways in which the author conveys the joyful event of Pipin's victory are revealed. It is concluded that the work could be perceived in two ways — as a poem that should be sung or recited, and as a text intended for reading.

Poem, reading, Pipin, Avars

ANDREY J. SHCHEGLOV

“THE ENGLISH CHRONICLE”, “THE NORWEGIAN LAW BOOK”

CONCERNING THE DISCUSSION ON SOURCES
FOR OLAUS PETRI'S SWEDISH CHRONICLE

The so-called Swedish Chronicle written by the reformer and historian Olaus Petri is one of the most significant Swedish history writings composed in the Early Modern Age. My purpose is to find out what sources Olaus Petri quotes as “The English Chronicle” and “The Norwegian Book of Laws”, and to comment on the mentions of the pagan god Krode in the chronicle. I conclude that: 1) Olaus Petri probably used the *Historia regum Britanniae* by Geoffrey of Monmouth; 2) The Norwegian law quoted by Olaus must be the *Landslov of Magnus Lagabøter*; 3) mentions of Krode are present, in particular, in the Swedish poem “The Game of Chess”. As a whole, the discussion on the sources of Swedish Chronicle must be continued.

Source study, history writing, chronicles, Middle Ages, Scandinavian countries, Sweden

LUDMILA I. SHCHEGOLEVA

**UNKNOWN LETTERS FROM THE LAST THIRD OF THE 18TH CENTURY
IN AN EARLY 19TH-CENTURY GREEK EDUCATIONAL COLLECTION
(RUSSIAN STATE LIBRARY, F. 173/II, No. 203)**

The article deals with unknown letters from George, a resident of the Peloponnese, in the manuscript of the Russian State Library, RSL, F. 173/II, № 203 dating from the early 19th century. The letters were written in the last third of the 18th century, they were addressed to members of the Greek high clergy, teachers of Greek schools, the abbot Martinian of the Monastery of the Forty Martyrs in Laconia, the “physician George”, the “British abbot and theologian Sidney”, and other secular and clergy. George was forced to leave the Peloponnese after the defeat of the Morean Rebellion in 1770 and had got an opportunity to return to his homeland only in the late 1770s.. In his letters, he describes the events of his life in the 1770s and 1780s and laments both his own misfortunes — expulsion from his homeland, the death of family and friends, and the loss of property — as well as the disasters that befell his homeland. He also reflects on the causes and meaning of current events and on a personal duty in the context of a historical catastrophe.

Russian State Library, Greek manuscripts, Greek education in the 18th–19th centuries, textbook in Greek, epistolography, Peloponnese

ALEXANDER P. TCHERNIK

GENEALOGICAL SOURCES OF HISTORICAL HERALDRY

Genealogy as a heraldic source is recorded genealogical information expressed by coats of arms. To work with it, special knowledge in the field of heraldry is required.

Tombstones with genealogy expressed by coats of arms were present in temples — that is, in the social space, the only

public place where the genealogy of the lord could be seen. Examples are numerous throughout Europe.

Coats of arms are found in many sources: memorial books (*libri memorialis*), armorial-necrologies, armorial charters, hidalgia charters, chronicles, heraldic panels, nobilarii, treatises and other genealogical manuscripts. The genealogical source could solve problems of ideology and propaganda at the state level (for example, royal genealogies), and at the ordinary level, when the heraldic component did not go beyond the clan.

A common image that had no social restrictions was a family tree with coat of arms. With the public display of genealogy, the line between a genealogical and heraldic source is blurred. Dynastic ideologized genealogy panels in representative spaces, along with real ones, also included imaginary coats of arms.

Separately, evidentiary tables (*seise quartiers, Ahnenproben*), common in France, the German states, and Austria, are considered. They were required to occupy court positions, to join the corporations of the nobility, and to gain access to the judicial and administrative services.

A special type of heraldic source is mourning boards (*Rouwborden*) of the 17th–18th centuries. In the middle of the mourning plaque is the main coat of arms (*Hoofdwapen*). On both sides are the Cartier coats of arms (*Kwartierwapen*) — 4, 8, 16.

The specificity is that it is necessary to evaluate both the heraldic reliability of the source and the genealogical one. The special possibilities of genealogy as a source for heraldry lie in the fact that coats of arms are supported by written sources linking the coat of arms with specific bearers. In modern historical science, the cultural model of genealogy implies an understanding of its real meaning, which allows one to identify connections that are inaccessible to other types of heraldic sources.

Heraldry, genealogy, sources, tombstones, armorial charters, Hatchmet, material culture, evidentiary tables, *seise quartiers*, *Ahnenproben*

YURY YA. VIN

**INDIVIDUAL PECULIARITIES AND POLYMORPHISM
OF MEDIEVAL BYZANTINE WRITING**

OBJECTIVES OF THE STUDY

The identification of autographs of some Byzantine scribes convinces us of the existence of the so-called polymorphism. It is their intrinsic way of writing owing to the individual characteristics of the Greek writing. According to the lexical meaning of the word “polymorphism” supposes obvious morphological changes and differences in the writing of a professional scribe or another person. The basis for this assertion is provided by both the theoretical arguments of paleographers and handwriting experts, as well as observations of the writing of manuscripts and documents. They allow us to say that the identification of writing remains a purely subjective process. Assuming such attitude, the paleography requires to involve all data under consideration, and ensure a comprehensive approach to the study being conducted. In it the special paleographical modes of examinations of writing ought to be combined with general scientific methods. This is applied to both scribe’s work on the manuscript, and the writing of documents. Analyzing the individual characteristics of mediaeval samples of Greek writing, one must remember its polymorphism.

Polymorphism, individual peculiarities, Byzantine writing, Greek paleography

CONTENTS

ARCHIVAL DISCOVERIES

OLGA E. FROLOVA, OLGA V. SUBBOTINA

The Unique Early Tudor Missal (1508) from the Collections of the National Library of Russia: The Problems of Attribution and Editorial Practice in Europe in the First Half of the 16 th Century.....	7
--	---

LUDMILA I. SHCHEGOLEVA

Unknown Letters from the Last Third of the 18 th Century in an Early 19 th -Century Greek Educational Collection (Russian State Library, F. 173/II, No. 203).....	26
---	----

IN THE LANGUAGE OF MUNICIPAL LAW

PAVEL A. BLOKHIN

Oaths of Legislators in the Texts of Freiburg Municipal Law (1120–1293).....	51
--	----

EKATERINA N. KIRILLOVA

The Structure of Craft and Trade Statutes in Reims from the 13 th to the 18 th Century.....	74
---	----

METHODOLOGIES AND INTERPRETATIONS

MAYA S. PETROVA

On the reading an epic poem: Carmen de Pippini regis victoria a. 796.....	109
---	-----

YURY JA. VIN

Individual Peculiarities and Polymorphism of Medieval Byzantine Writing: Objectives of the Study.....	122
---	-----

SVETLANA A. MASLOVA

On the Methodology of Analyzing the Texts of <i>Jarligs</i> Issued by Golden Horde Rulers to Russian Metropolitans.....	147
---	-----

DIVERSITY OF HISTORICAL SOURCES

OLEG V. AUROV

The Royal Chronicle of Castile and Leon of the First Half of the 14 th Century as a Source for the Political History of its Time.....	161
--	-----

ALEXANDER P. TCHERNIK

Genealogical Sources of Historical Heraldry.....	179
--	-----

ANDREY J. SHCHEGLOV

“The English Chronicle”, “The Norwegian Law Book”: Concerning the discussion on sources for Olaus Petri’s Swedish Chronicle.....	210
--	-----

ABOUT AUTHORS	221
---------------------	-----

ABSTRACTS.....	223
----------------	-----

CONTENTS.....	231
---------------	-----

DIGITAL OBJECT IDENTIFIERS (DOI)

Поиск DOI: <http://search.rads-doi.org/index.php/>; <http://www.doi.org/>

АУРОВ О.В.

<https://doi.org/10.21267/e1491-3633-0743-i>

БЛОХИН П.А.

<https://doi.org/10.21267/k6814-6952-1266-z>

ВИН Ю.Я.

<https://doi.org/10.21267/c8811-6687-5563-h>

КИРИЛЛОВА Е.Н.

<https://doi.org/10.21267/f9339-2271-2169-z>

МАСЛОВА С.А.

<https://doi.org/10.21267/k8590-9487-0993-g>

ПЕТРОВА М.С.

<https://doi.org/10.21267/d1974-5741-8598-v>

ФРОЛОВА О.Э., СУББОТИНА О.В.

<https://doi.org/10.21267/t1279-3903-3523-p>

ЧЕРНЫХ А.П.

<https://doi.org/10.21267/s1528-3768-3903-m>

ЩЕГЛОВ А.Д.

<https://doi.org/10.21267/v4865-4450-2336-o>

ЩЕГОЛЕВА Л.И.

<https://doi.org/10.21267/w3280-6860-0134-w>

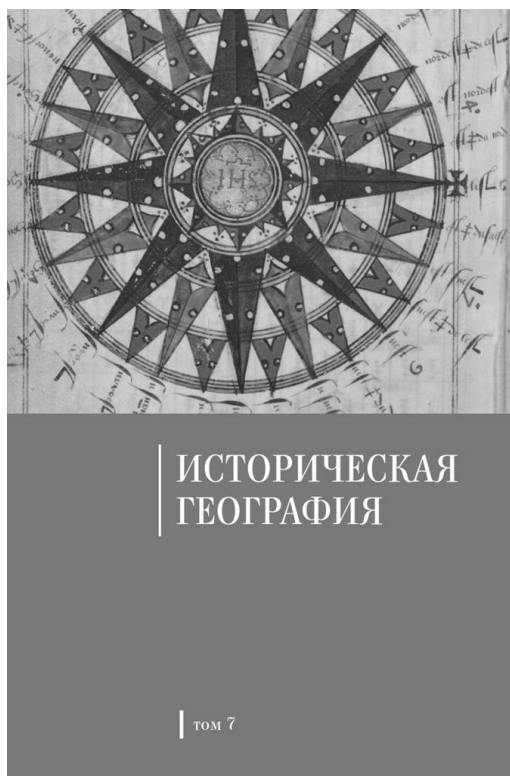
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ
Материалы Третьей всероссийской научной конференции.
Москва, 17–18 июня 2025 г. / Отв. ред. Е.Н. Кириллова,
И.Г. Коновалова. М.: Аквилон, 2025. — 256 с.

В очередном выпуске проблемно-тематического издания, посвященного актуальным проблемам источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в области истории Средневековья и раннего Нового времени, помещены материалы Третьей всероссийской научной конференции «Источниковедение в современной медиевистике» (Москва, Институт всеобщей истории РАН, 17–18 июня 2025 г.).

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ
/ Под редакцией Е.Н. Кирилловой и И.Г. Коноваловой.
М.: Аквилон, 2024. — 184 с.

В очередном выпуске проблемно-тематического издания, посвященного актуальным проблемам источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в области истории Средневековья и раннего Нового времени, представлены статьи, демонстрирующие новые подходы к изучению различных типов источников, а также рассматривающие ряд теоретических проблем современного источниковедения.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ. Том 7

/ Отв. ред. И.Г. Коновалова. М.: Аквилон, 2025. Т. 7. — 320 с.

В седьмом томе продолжающегося издания «Историческая география» содержатся исследования, посвященные истории античной и средневековой географии и картографии; исторической географии Новгородской земли XV века; историко-географической составляющей международных отношений в XVIII–XIX веках; вопросам источниковедения исторической географии. В книге также помещена рецензия на новейшее исследование по истории урбанистики.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

**ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ
2026**

Общая редакция и составление
ЕКАТЕРИНЫ НИКОЛАЕВНЫ КИРИЛЛОВОЙ
ИРИНЫ ГЕННАДИЕВНЫ КОНОВАЛОВОЙ

Отв. секретарь издания
Юлия Владимировна СТЕПАНОВА

Рецензенты
АННА АЛЕКСАНДРОВНА МАЙЗЛИШ
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПЧЕЛОВ
кандидат исторических наук, зав. кафедрой специальных исторических
дисциплин и археографии Исторического факультета ИАИ РГГУ

Утверждено к печати
Ученым советом Института всеобщей истории РАН
<https://igh.ru>

Дизайн обложки И.Н. Граве
Корректор С.С. Кутаков

Подписано в печать 19.10.2026
Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 15. Тираж 500.

Издательство «Аквилон»
aquilopress@gmail.com
<https://www.aquilopress.ru>

Отпечатано с оригинал-макета в типографии
Onebook.ru ООО «Сам Полиграфист»
109316, Москва, Волгоградский просп., д. 42, стр. 5
Телефон: +7 (495) 545 37 10
info@onebook.ru
<https://www.onebook.ru>

ISBN 978-5-6030289-1-0

